

ШАМИЛЬ
БИКЧУРИН

ТВЕРДАЯ ПОРОДА

1911

ПІДМІНЬ ВІСНУРІЙ ТВЕРДА ПОРОДА

ВОЗИНКИ «СОВРЕМЕНИКА»

Шамиль Бикчурин

Твердая порода

Роман

Авторизованный перевод
с татарского

Владимира Чивилихина

«Современник»
Москва
1974

Бикчурин Ш. М.

Б 60 Твердая порода. Роман. Пер. с тат. М., «Современник», 1974.

236 с. (Новинки «Современника»).

Выразительность образов, сочный, щедрый юмор — отличают роман о нефтяниках «Твердая порода».

Автор знакомит читателя с многонациональной бригадой буровиков. У каждого свой характер, у каждого своя жизнь, но судьба у всех общая — рабочая. Татары и русские, украинцы и армяне, казахи — все вместе они и составляют ту «твердую породу», из которой создается рабочий коллектив.

Б $\frac{70303 - 192}{M106(03) - 74}$ 126—74

С(Тат) 2

Не пора ль? Все готово. Оборудование вчера отправлено. Манатки ребята с зари покидали в грузовик и разбрелись по селу прощаться. Пора бы ехать.

Стоя на буровом мостике, Зубаиров еще раз огляделся. Нет, дело тут сделано, и нечего зря душу травить. Хотя всегда трудно уезжать, все жалко чего-то. Правда, что — цыганская жизнь! Бечные кочевья, да не налегке, а со всем своим железом — дизельными двигателями по пять тонн каждый, паровыми котлами, электростанцией, инструментом, приборами. Набирается. Размещаешься по-хозяйски, с бедами налаживаешь дело, начинаешь бурить, и вот в один вроде бы прекрасный день родную твою скважину приходится сдавать промысловикам. А не хочется, жалко. За полгода ты привыкаешь к ней, мучительнице, к этой тысячу раз проклятой скважине, к черной площадке, пахнущей железом, нефтью, земным чревом. Жалко...

А поле взять, где ты впервые остановился, влекущая тенью урема или речной бережок с песочком? А село, что дало тебе кров в холода? А люди, которых ты успел узнать и полюбить? Так жалко, что даже сердце мрет. Видно, ребята тоже переживают, хоть и пытаются водочкой облегчить минуты прощания. Все собрались? Да, надо ехать. Из-за сладкого меда пальца не проглотишь. Пора!

Зубаиров спрыгнул с мостика.

Увидев, что мастер «настроился», буровики засуетились и стали преувеличенно весело прощаться с провожающими — с остающимися здесь друзьями, с девушками-

кочегарами, что всю зиму работали на буровой. Зубаиров разыскал в толпе сутуллого, белобородого старика.

— Ну что ж, Салахетдин-бабай, еще раз большое спасибо! — Он с размаху хлопнул деда по сухой ладони. — Не поминайте лихом! А по правде если, нам с вами так и не хватило времени толком поговорить...

— А куда теперь, сынок?

— Далеко, дед, далеко! Километров за сто, к речке Сагындык.

— Доброго пути! Приезжай в гости. И лучше всего со сношенькой Райсой, ладно?

— Спасибо, старый, спасибо. Тысячу раз спасибо!

Зубаиров, пожимая руки знакомым и незнакомым, подошел к девушкам-кочегарам. Разия и Карима держат буровиков за рукава, искательно заглядывают парням под козырьки и щебечут, щебечут о пустом, как птички крапивницы. Зубаиров их понимал, но ехать-то надо все равно.

— Ну, девушки, отпустим ребят?

— Они сами нас не отпускают!

— Один человек кричит в лесу товарищу: «Медведя поймал!» — «Так и тащи его сюда!» — «Не идет!» — «Тогда иди сюда сам!» — «А он меня не отпускает!»

— Да, да, абый, знаем: в букваре была такая сказка, — сказала грустно Разия.

Зубаиров смутился, что не к месту пошутил. Скорей трогаться надо.

— Ну, прощайте, девушки. — Он огляделся по сторонам: — А где Гульниса?

— Загляни под автобус, — засмеялись вокруг.

— С Фархутдином?

Мастер нагнулся и увидел переминающиеся хромовые сапоги, а рядом с ними, совсем близко, черные женские лакировки.

— Эй, хватит миловаться! Гульниса! Оставь другим хоть немножко! Фархутдин, я бы на твоём месте...

— Позавидовал бобыль безземельному! — перебил в ответ парень, и Зубаиров опять смутился: что-то ему сегодня и слова нужные не идут на язык.

— Надо бы посидеть перед дорогой, мастер! — загалдели буровики, все еще оттягивая отъезд. — Положено.

— Надоест еще сидеть — сто километров ехать! В автобус!

Посидели. Нет, не так-то легко трогаться! Перед дверцей автобуса снова взялись прощаться. Обнимались, жали друг другу руки, хлопали по плечам, платочками махали.

— До свидания, будьте здоровы! Приезжайте в гости!

— Аман! Аман! — растроганно твердил Сапарбай, что по-казахски означало «до свиданья». — Аман!..

Не отпуская руки своей раскрасавицы, на подножку автобуса наконец встал и Фархутдин.

— Гуд бай, милая! — дурашливо говорил он, будто не замечая слез на глазах девушки. — Гуд бай! Если не веришь, замеряй глубину этой реки. Река Ик — она тебе всю правду скажет. Если вода прибывает — значит, это мои слезы...

Из автобуса Зубаиров видел, что прижимают платочки к глазам и другие девушки. Как это он не пашел слов для них? Почему так прохладно попрощался? Эти простые деревенские девчата столько за зиму сделали для буровой!

Мастер выпрыгнул из автобуса, сгреб девчат в охапку.

— Простите, что я ругал вас иногда. Вы — замечательные девчонки! Не забывайте нас, приезжайте в гости! А еще лучше — давайте к осени на работу. Всех приму с радостью!

— Забудете.

— Таких работниц нельзя забыть. Правда. Ну, договорились? Ждем!

Когда Зубаиров приказал шоферу трогаться, выяснилось, что нет Мутгарая. Поднялся шум. Мутгарай утром был тут — собирал палатки, помогал грузить в машину вещи, со всеми вместе поел. Потом исчез. Правда, он всегда умел незаметно куда-то пронадаться, но уж в день отъезда, извините, это даром ему не пройдет! Буровики, галдя, сошли с автобуса.

— Куда же делся этот Мутгарай? Вот мешок с овсом!

Посыпались предположения и догадки. Саакян сказал, что Мутгарай наверняка побежал на прощанье искупаться, но так как плавать не умеет, то давно лежит на дне Ика и всплывет только через три дня. Тин-Тинич придерживался того мнения, что Мутгарай ушел в Башкирию опохмеляться. Это, пожалуй, было поближе к истине. В честь завершения скважины бригада вчера провела торжественное собрание, а потом в лесочке буровики организовали традиционный обед, затянувшийся до ужина. Сегодня с утра Мутгарай был не в настроении, места себе не

находил. А Башкирия начиналась на том берегу Ика, через мост. Там был другой часовой пояс и на два часа раньше открывались магазины.

Фархутдин имел собственное суждение, тоже не липенное оснований. Он заметил, что в последнее время Мутгарай стал исчезать чаще.

— Повади́лся к какой-нибудь сельской крале, а теперь прощаться пошел. Женщину ищите во всем, ребята, женщину! Это умные люди давно советуют.

— Да нет! — сказали провожающие. — Совсем недавно он шел по селу с бригадиром Вафой, и оба были под мухой.

У Зубаирова заострился подбородок. «Стоп! Надо быть посдержанней, что-то я сегодня не в себе», — подумал он.

— Заруливай в село!

В этот момент, однако, кто-то заметил спускающуюся с горы подводу.

— Мутгарай! Это он! Он!

Действительно, рядом с возницей качалась большая голова Мутгарая в тюбетейке. И тут же все услышали пронзительный голос:

Грех, ребята, право слово,
Земляничный цвет топтать.
Кто бы знал, как мне хреново
Это место покидать!

— Шалава! — сплюнул Зубаиров.

Подвода подъехала к автобусу. Мутгарай не обращал никакого внимания на собравшихся, качался из стороны в сторону и пел, будто для одного себя, повторяя одно и то же:

Грех, ребята, право слово,
Земляничный цвет топтать.

— А что? Дело поет! — задумчиво проговорил Кадермат. — Сердце у парня есть.

Бригадир тракторной бригады Вафа сполз с телеги и, слегка покачиваясь, приблизился к Зубаирову.

— Ты, мастер, уж не сердись на него, — сказал он, — Мутгарай — золотой человек. Можно сказать, бриллиант! Мы того... этого... Извини, устроили мы ему проводы по-крестьянски. Он у вас тут один такой...

Мутгарай перестал петь и, будто проснувшись, уставился на Зубаирова мутными глазами:

— Значит, ты закончил институт, да? А я, значит, бур-
рабочее было? Ты инженер, значит, с высшим образова-
нием, а я...

Буровики окружили телегу.

— Ай-вай, как налакался, — ласково упрекал Сапар-
бай. — Ну, айда, чего сидишь, айда в автобус...

Мутгарай бессмысленно смотрел на Сапарбая.

— А ты-то чего делаешь в моей республике! Чего ты
у нас потерял?

Прихрамывая, подошел Кадермат, растолкал людей.

— А ну слезай, не заставляй людей ждать!

— Не трогай меня своими грязными руками! — заорал
Мутгарай. — Они же у тебя...

Кадермат весь напрягся, сжал кулаки, и усы его расто-
порщились.

— Ах, так?!

Буровики повисли на плечах Кадермата.

— Слушай, брось! Он же ничего не соображает! Брось!

Тин-Тиныч взял Мутгарая в охапку и шагнул к авто-
бусу.

— Куда?! Никуда я не поеду!

— Да молчи уж!

И вот все буровики в автобусе, и машина тронулась, а
Мутгарай все шумел:

— Пустите меня! Не поеду я с вами, все равно убегу!

Однако вскоре он, положив голову на плечо Тин-Тины-
ча, уснул.

— Мешок с мякиной, — сказал Фархутдин. — А еще
вернее — овсяной кисель!

Посмеялись и затихли.

Видавший виды скрипучий полуавтобус густо пылил
по сухой сельской дороге, приседая и подпрыгивая на кол-
добинах, тряс ободранные чемоданы, грязные рюкзаки и
мешки, авоськи с разным барахлом, и головы буровиков
то подскакивали враз к потолку, то вжимались в плечи.
Ничего, терпеть можно. Не работа. Только вот нагазован-
ного до точки Мутгарая мутило, да Зубаиров, начальничек,
уж больно застрожился под конец, перед самым отъездом.
Все молчали, каждому думалось о своем...

Зубаиров (*сердито поглядывая на Мутгарая*). Пора
бы проучить этого разгильдяя и забулдыгу. Прижать по
методу Ибрагима-заде. Совсем перестал считаться с моим
авторитетом и с людьми. Нет, не понимаю, что у него в

голове и почему его мотает по жизни вроде этой колымаги. На новом месте соберемся и поговорим насчет всего. А может, я тут виноват? Ведь что говорил Ибрагим-заде: «Если ты мастер, то знай — ты выше горы, тверже скалы и просторней моря». А я какой?

Ка дермат (*мечется, не зная куда себя деть*). Это у меня-то такие руки?! Разве для того я воевал, чтобы выслушивать оскорбления этого не нюхавшего пороха подонка? ...И вообще жизнь — лучше б меня тогда той миной совсем разорвало!

Тин-Тинныч (*поглаживая лежавшую на его коленях бритую голову Мутгарая*). Верно — овсяной кисель! В душе ты вроде парень ничего, но совсем без царя в башке. Если не любишь наше дело, чего же ты пошел в разведку, морочишь себя, нас и Зубаирова? Вернулся бы к себе в деревню — глядишь, на пользу себе и людям. (*Чувствуя, что немеют ноги, хочет разбудить Мутгарая, трет ему уши докрасна. Мутгарай стонет.*) Раскиселился, герой дня! На палубу тебя б сейчас, под ветерочек со снежком — вмиг отрезвел бы! Ладно уж, кемарь на здоровье. Балда! Если б не разведка, ты за всю жизнь, кроме телеги, ничего б не увидел! (*Грустно смотрит за дребезжащее стекло.*) И здесь Валю не встретил... стоп, а чем я лучше Мутгарая? Если б знал, что не найду Валю, ни за что не пошел бы на буровую. Поверил, глупый, Зубаирову. «Найдем!» Где найдешь? Надо было остаться у моря, ребята там были на ять... Когда услышал, что тут нефть, на всех парусах сюда. Дудки, нету ее здесь. Ни в Минибаево, ни в Карабаше. А теперь везут на какой-то Сагындык. Зубаиров толкует: дескать, Язтургайская площадь — новая, все геологи на ней топчутся, и где же еще можно разыскать Валю, как не там! Может, он меня охмуряет и возит за собой потому, что ему во как нужны рабочие? Клянусь законом моря — поеду только до Язтургая и, если там не найду Валю, брошу к чертовой бабушке эту команду и уйду. Пусть Зубаиров хоть лопнет! Поеду искать Валю, без нее мне жизни нет. Пешком с котомкой за плечами пойду, по всей стране пойду! Найду, неправда!..

Саакян. Ну, подобралась же бригада! Один алкаш и к тому же дуб дубом. Другой не то чтобы бабник — кто этого дела не любит, объявитесь! — а настоящий ловелас. Третий жмот — глаза б не смотрели, на Кавказе таким счастья нет. И мастер выпендривается, как скажет Тин-Ти-

ныч, хочет разговаривать басом, а выходит пискляво. Ибрагимом-заде надумал стать! Подражать — это еще не значит быть Ибрагимом-заде. Чтобы им стать, надо с нами, как русские скажут, пять пудов соли слопать. *(Ударяет кулаком по спинке сиденья.)* Все, уеду! Пусть Зубаиров что хочет, то и делает. В Туркмению, в свою бригаду! Ибрагим-заде отпустил меня пробурить только три скважины. Пробурил четыре, ладно. Нет, в Язтургае работать не стану, баста! *(Постепенно успокаивается. Смотрит в окно.)* А природа здесь — вещь! Куда Туркмении до нее! А девушки! Ах, что за глаза у этой Каримы! И душа мягкая. Когда уезжали, только на меня и смотрела. Обещала писать, но напишет ли? Вот бы жениться на ней! Привезти такую да показать Ибрагиму-заде — смотрите, дескать, мастер, что я вывез из Татарии! Нефти много не нашел, золото нашел...

Фархутдин *(достает блокнот и в длинный список дописывает еще одно имя: «Гульниса». С удовольствием переписывает список)*. Фатима, Айна, Маша... Гульниса — двадцатая, юбилейная. И двадцатая осталась позади. Кажется, и эта немного всплакнула. Но что поделаешь — жизнь! Раз такая судьба у тебя, куда денешься? Знала же, с кем гуляла. У разведчиков как? Обнял, поцеловал и забыл, ветром унесло. И все же Гульниса красивее всех ромашкинских девчат. А фигура! Камышинка речная!.. Как-никак выросла на Ике. Помучила она меня... И ведь даже такая поверила, глупышка... Надо же думать головой, разве с нашей профессией можно создавать семью? *(Насупившись, смотрит на Зубаирова.)* Вот он женатый, и по красоте Райса, пожалуй, не уступает Гульнисе. Ну и что? Он в разведке мотается, а она с ребенком в Бугульме. Чем так жить — лучше по-моему.

К у б р а к *(задумчиво смотрит на серую, пыльную, бегущую назад обочину дороги)*. Три года не был на Украине... Дороги там разве такие? Шлях мимо села весь мощный, а вдоль него тополя, тополя стоят как свечи. Сады уже отцвели. Груши, сливы... А тут даже груша не растет. У нас и запахи другие. Борщ в хате варят — от криницы слышно. Нальет мать, а он, как пламя... Вот в Татарии нашли нефть, а почему на Украине нет ее? Все есть, а нефти нет. Плохо искали? Найдут — я сразу же туда...

У с к е н б а е в *(считает на пальцах)*. В прошлый месяц послал домой две с половиной тысячи. Теперь послал две

тысячи семьсот. Две с половиной и две семьсот... Это будет пять двести. Если за досрочное завершение этой скважины дадут тысячу премии — это будет шесть двести. Если их прибавить к посланным раньше, это составит тридцать шесть тысяч. Да, да, тридцать шесть. Калым почти полный. Райхана будет моей! Еще четыре тысячи это пустяки — набурим за два месяца! Райхана с нетерпением ждет, когда я верхом на аргамаке появлюсь в Кара-Тубе...

Назип. Нет, не хочу я простым рабочим! На работу никогда не жаловался, но доконают вот эти переезды. Как при таких кочевках получить образование? Жить бы, как все люди, оседло и учиться! А то за три года сменили шесть мест. Если в Язтургае не выйдет со школой, придется бросить эту бригаду. Из-за работы в разведке, которая мне вообще-то нравится, неучем оставаться? Нет, не пойдет...

Зубаиров. Ладно, плохие ли, хорошие ли у меня люди, но всех собрал, и едем без потерь. Это уже кое-что. Реальность. А ведь если разобраться, в бригаде нет ни одного путного человека. Ни одного настоящего, надежного рабочего. Тин-Тинич думает только о Вале, Саакян мечтает вернуться к Ибрагиму-заде, Назип бредит образованием, Кубрак своей Украиной. Разве это бригада! Беспутный Мутгарай постоянно пропадает. Кадермат смотрит зверем, ходит мрачный, будто грызет его что-то изнутри. Да и все остальные думают только о бабах или деньгах. А если начнут еще жениться? Один останусь... Эх, поработать бы в свое удовольствие! А с этими не выдержу. Если нормально пробую Язтургайскую скважину, все к черту брошу и к Ибрагиму-заде! Простым бурильщиком. По крайней мере, без забот...

Сильно подкинуло на колдобине, Мутгарай проснулся и запел противным тонким голосом:

Кто бы знал, как мне хреново
Это место покидать!

В автобусе громко засмеялись.

2

Проселок вскоре кончился, и с полчаса пришлось ехать по пашне. Людей валило друг на друга, вещи двигало. Затем пошел густой лес, на узкой лесной дороге дваж-

ды буксовали в сырой желтой глине. Потом поехали по пнистому склону, и, чтобы не падать, люди хватались друг за друга, за сиденья, упирались в стенки и потолок — аж руки устали. Осталось миновать небольшую деревушку, за которой начиналась твердая щебенчатая дорога. У самой околицы, однако, машину остановила девушка с флажком и красной повязкой на рукаве.

— Нельзя! — сказала она твердо и указала на приблиющую к воротам доску. — Карантин!

— Чтобы вам всем околеть с вашими карантинами! — зашумели буровики.

Попытались задобрить девушку. Похвалили ветеринарную службу за строгость, пустили в ход словечки «милая», «душечка», «ягодка», пожелали муженька хорошего, пеньющего, но ничего не помогло. В конце концов предрекли безвинной девушке вековать вековухой и дали объезд километров пятюк по болотам и кочкам, где снова буксовали и толкали автобус...

Кончилась все же эта мука. Оглушенные дорогой, усталые, голодные и грязные буровики, сойдя с автобуса, повалились в прохладную траву. Не хотелось ни думать, ни видеть ничего, только лежать. Постепенно огляделись. Место было отменное. Буровая расположилась на опушке зеленого леса. По соседству с вышкой белели, кудрявились березы.

Миргазиян Салимов долго и заворуженно смотрел на березняк по склону, на просторную цветущую поляну, потом подошел к Зубаирову:

— Какая тут буровая, слушай! Зачем такое место выбрал?

— А что тебе не нравится?

— Как работать будем? Это же не буровая, это курорт! Верховой Назип, которого ничего, кроме книг, не интересовало, и тот, посмотрев на верхушки стройных берез, пошлепал толстыми губами, изрек:

— С дровами, значит, вопрос решен.

— А вода, вода как? Где этот Сагындык? — заинтересовались, оживая, буровики. — Главное, что за вода!

Зубаиров поднял вверх большой палец.

— Вода, ребята, как слеза!

— А девчонки-то, девчонки тут есть? — побеспокоился о своем Фархутдин.

Палатки, кухонный инвентарь, все общественное хозяй-

ство разведчиков находилось на грузовике, который еще не подъехал. Было время Сагындык посмотреть, может, даже искупаться, если река окажется подходящей. Молодые парни побежали в низину, где густился зеленый кустарник, рабочие постарше начали готовить место для палаток, разгружать вещички.

Мастера Зубаирова больше всего интересовала буровая, и он направился туда. Попробует тут бурить новым способом — только с водой. Хорошо ли примыкает к буровой Сагындык, надежны ли насосы, каким примерно будет расход дизельного горючего?

А Кадермат и Миргазиян, разгрузив автобус, побрели по опушке леса. Миргазиян собирал ветки, палки, гнилушки, пинал сапогом камни, будто недовольный, что они тут лежат, и все озирался вокруг, озирался. Это и есть Сагындык? Разговору-то! Сказать речушка — не речушка, но и рекой назвать — много чести будет.

— Если рыбешка есть — река, а нету...

Кадермат не слушал Миргазияна, смотрел на тот берег. Деревья там редели, и за ними начиналось поле, которое примыкало к небольшой деревеньке.

— А это Язтургай, что ли?

— Видно, он.

— Может, сходим? — предложил Кадермат.

Нет, Миргазияну в деревне пока делать нечего, успеет-ся. А вот Кадермату крайне нужно было туда. Он остался без помощника. Буровой рабочий, что всю зиму на Ике работал в его вахте, весной угодил в больницу. Молодой и здоровый, он себя не жалел и вот как-то нагнул-ся, а выпрямиться не смог. Врачи залечили радикулит, но велели оставить буровую. Сказали, что везде можно работать, хоть в шахте, только не на ветру. А парню очень нравилась разведка. Хороший заработок он тоже любил, но и вкалывал здорово. Кадермат с ним горя не знал. После него брали троих, и все на вид были крепкими ребятами. Не выдержали. Последний, уходя, плюнул: «Лучше лопатой буду копать мерзлую землю, кайлой камень бить, но жизнь в палатке не по мне». А втроем вахту держать становилось тяжеловато.

— Как ты думаешь, Миргазиян, найду я в этой деревне человека?

Миргазиян взглянул на деревню, видневшуюся сквозь прозрачное летнее марево, смешно посерьезнел:

— Человека-то найдешь. А вот буровика — вопрос! Надо присмотреться к нему, прежде чем брать. Бегут от нас, да и сами мы на чемоданах... И берем кого попало. Колхозников, чабанов, солдат и матросов без профессии, вчерашних школьников сопливых... Ты вот, Имамутдиныч, из потомственных рабочих и сам огонь-воду прошел. Всю жизнь слесарил на заводе и мой отец. Пролетарская работа, Имамутдиныч, у нас с тобой в крови, мы не можем без железа. А вот зачем пришел на буровую эта овсяная затируха Мутгарай, пастух Сапарбай или деревенский юбочник Фархутдин? Для чего их принял наш очень образованный мастер? Мучиться всем нам с ним? Звание рабочего человека роняем, достоинство пролетариата!

Чтобы не рассмеяться, Кадермат нагнулся и сорвал стебелек пырея, взялся обкусывать его зубами. Шибко уж идейный и запальчивый парень, этот Миргазиян. О рабочем классе говорит все правильно, только петушится уж очень по-детски, смешно. Чуть что — вдруг вспыхивает, жестикулирует, как итальянцы в кино, начинает доказывать, что такое на самом деле рабочий класс и каким он должен быть.

— С одной стороны, ты прав, Миргазиян. Но сейчас время такое, когда многие крестьяне становятся рабочими...

Знакомо, хрипло просигналил старый грузовик за кустами, и разведчики со всех сторон бросились к нему, дружно принялись за разгрузку. Из кузова полетели на землю зеленые брезентовые палатки, свернутые в тугие, затянутые веревками рулоны. Потом каждый нашел свою кровать и постель. Были выгружены ведра, бочки, топоры, кухонная посуда, лопаты, даже ржавые вилы и всякая другая хозяйственная мелочь. Вскоре грузовик был со всех сторон обставлен тумбочками, кроватями, на которые ворохом навалили радиоприемники, шахматы, домино, книги, удилища. Блестело на солнце зеркало, крутилось колесо велосипеда, брошенного как попало, волейбольный мяч катался под ногами, пока его не пнули вниз по склону. Геннадий Еланский, приехавший в кабине грузовика, ругаясь, долго искал свой гантели и гири — их кто-то катанул в траву вслед мячу. Горшки с какими-то вьюнами на палочках бережно спустили, один только треснул, и Саакян его тут же обмотал шпагатом, что-то ласково шепча по-армянски.

Где и как жить — вопрос важный, и поселением занимались все: мастер, бурильщики, верховые, буровые рабочие. Руководить разбивкой палаточного городка, как всегда, взялся Кадермат Имамутдинович. Мастер этого непростого дела, он прежде всего вышагивал вдоль и поперек поляны в лесу. Смотрел на солнце, сиюминутно и подымал кверху палец — направление ветра ловил, к ближним деревьям приглядывался. Поляна должна быть с наклоном, чтоб не заболачивало ее дождями, однако и не слишком крутой... Наконец вилами очертил место под первую палатку и скомандовал:

— Приступить!

И так уж повелось! каждый хотел поставить палатку быстрее всех, а главное — прочней, лучше. Кадермат хмурился, обходя лагерь, проверял натяжение веревочных тяг, хлопал ладонями по брезенту, пинал колышки. Авторитет его признавали в этот момент все, хотя Имамутдинович слишком уж был придирчив! Вот прицепился к Сапарбаю, мучит его словами, а парень и без того выглядит пришибленным и несчастным.

— Ты, братец Сапарбай, говоришь, что являешься сыном степей, а не умеешь даже палатки поставить!

— Чего еще тебе не хватает?

— Да не мне, а тебе! Уродила же степь такого сыночка! Ведь твое окно смотрит в лес? Почему?

— И-и, Кадермат-ака, — печально сказал Сапарбай. — Не все ли равно, куда смотрит окно, если не везет в жизни?

— Но ты же простор перед глазами должен любить, сын степей! Перевернуть палатку!

Кадермат отошел и вдруг задумался над словами Сапарбая. А ведь интересно сказал парень! У самого Кадермата не так ли? Не все ли равно, действительно! Какая разница, куда смотрит окно, если жизнь не сложилась?.. Стой! Зачем это я? Все равно жить надо прочно.

Зубаиров, обливаясь потом, натягивал веревки, но палатку сильно кособочило. Кадермат понаблюдал за ним и взялся дергать тяги.

— Придется перетянуть, братец Фазыл.

— Сойдет и так, — отмахнулся мастер. — Взмок я уже.

— Ветром же ее сдует! Исправь, добром говорю!

— Не тронь, дурило! — предостерегает Зубаиров, хотя хорошо знал, что здесь против Кадермата не попрешь. — Что я, сроду в палатках не жил?

— Эту дождем промочит и свалит.

— Говори!

— Не веришь?

Кадермат решительно раскинул руки и повалился на слабо натянутую парусину. Палатка рухнула.

— Фу ты, крысиные усы! Я бы перетянул, но зачем валить? Труд же был затрачен! Скажешь дурню, что он дурак, так он дурее становится!

Досадуя на себя и Кадермата, Зубаиров отошел в тень березы и сел на траву. Труда жалко, хотя Кадермат прав, конечно. Вот он падает на другие палатки — это было его неоспоримое право. Все палатки устояли, только зубаировская рухнула. Досадно — авторитет в бригаде и от такой мелочи зависит.

Зубаиров шагнул к палатке. Нет, не следует торопиться, надо поставить не хуже других. На этот раз он все сделает так, что не только Кадермат, но и сам шайтан не повалит. К тому же сюда приедут в гости его Райса и дочурка Ляля. В своем письме жена пишет: «Как только поселитесь на новом месте, я беру отпуск, и мы едем к тебе». Конечно, какие удобства в палатке, но пока лето, дни теплые, на голову не каплет — можно месяцок пожить вместе. А потом возьмет отпуск и поедет к ним в Бугульму — дай сюда еще месяц совместной жизни. Как-никак два месяца в году вместе — это уже не совсем врозь...

Опять появился Кадермат. Хотя Зубаиров и был уверен в прочности палатки, все же струхнул: «Сломает ведь, крысиные усы, это как пить дать».

— Ты уж, Кадермат Имамутдинович, не слишком старайся! — почти заискивающе проговорил он. — И так я от всех отстал, а мастер все же...

— Тем более! — Кадермат обошел палатку вокруг, придирчиво и любовно потрогал тяги, постучал ногтем по тугому полотну.

— Вот это — палатка! На века. И вправду — мастер!

— Знаешь, — радостно и доверительно заговорил Зубаиров. — Ведь жена с дочерью скоро приедут...

Кадермат помрачнел, повернулся и пошел к лесу, тяжело ступая. Есть счастье у кого-то. Жена, дети. К Кадермату никогда никто не приедет...

Сейчас-то Зубаиров понимал, что с Кадерматом происходит, а раньше связывал его мрачную замкнутость,

с обстановкой на буровой, где вечно было что-нибудь не так. Имамутдинов — опытный кадровик да еще с довоенным техникумовским дипломом — мог сравнивать, он этих скважин пробурил на Кавказе, слава богу.

Фазыл вспоминал, как в первые дни их совместной работы Кадермат жег глазами молодого мастера. и тот терялся, не зная, за что братья, даже руки у него иногда дрожали. Вначале думалось, что Кадермат завидует его молодости и высшему образованию, но нет же! Он оказался добрым советчиком Зубаирова, бурильщиком со стахановской хваткой и не раз при авариях вытаскивал всю бригаду из беды. Мастер стал во всем доверять ему и на время своего отсутствия оставлял буровую на Кадермата. Просто не хотелось верить, что этот бурильщик-люкс, этот настоящий нефтяник чем-то запятнал себя — в прошлом...

Зубаиров прокопал вокруг палатки канавку для стока дождевой воды и еще раз гордо обошел вокруг, радуясь, словно построил большой дом. Попробовать? Спиной свалился на тугую, натянутую, как барабан, палатку и остался так лежать, смотря в небо... «А Райсе это место должно понравиться, — думал он, наблюдая за облаком, похожим на верблюжонка. — И вправду тут хорошо — красиво, просторно — и скорей бы к работе! Райса позавидовала однажды: тебя, мол, обходят все болезни, потому что вы там живете как на курорте. Тоже мне врач!» Верблюжонок на небе постепенно превращался в старого и грязного двугорбого верблюда, потом на глазах стал сжиматься и уже больше смахивал на черного лохматого медведя.

— Мастер, не видишь разве, дождь идет!

Зубаиров очнулся. Буровики торопливо таскали в палатки мешки, чемоданы и постели.

С запада, где глухо рокотало, надвигались черные тучи, они уже низко нависли над лесом, и вот по листьям берез ударили первые крупные капли дождя. Словно желая напугать новоселов, гроза обрушилась на поляну шумом, громом, холодными брызгами, синими отсветами молний. В палатках было тесно, потому что вещи пока были свалены как попало и ждали разумного размещения. Люди сидели в сумеречной духоте, курили, переглядывались и улыбались, сдержанно радуясь тому, что успели поселиться, и палаточный городок хорошо, привычно, как на старом месте, спланирован, и этот внезапный дождь не страшен.

Порядок поселения свято блюл Кадермат. Первая большая палатка слева, ближе к реке, принадлежит мастеру, это закон. Тут штаб буровой. Эта же палатка служит и гостиной, и конторой, и клубом. Кроме койки и тумбочки Зубаирова в нее ставят старый письменный стол, скрипучий шкаф с треснувшим стеклом, несколько табуреток кустарного производства. Общественная радиолa, которой была в прошлом году премирована бригада, дополняла обстановку этого полуказенного помещения.

На случай, если прибывшие в бригаду люди оставались почевать, сюда ставилась еще одна кровать. Ну, конечно, когда приезжали жена и дочурка Зубаирова, весь распорядок жизни и обстановка в палатке мастера кардинально менялись. Семья, ничего не попишешь.

По соседству с главной палаткой бригады располагался обычно неофициальный заместитель и правая рука Зубаирова Кадермат Имамутдинов. То, что Кадермат всегда рядом, — удобно: стоит погромче сказать, и никакого тебе телефона не надо.

С Кадерматом живет его помощник Еланский и верховой Миргазиян. Четвертая койка пустует — в этой вахте с самой весны нет буррабочего. Тяжело достаются рублики и Кадермату и Еланскому — потаскай-ка трубы да цемент сверх основной нагрузки!

Рядом с вахтой Кадермата поселяются люди Сергея Саакяна, а на самом краю — подальше от начальства, поближе к лесу — буровики Тин-Тиныча. Как в приличной деревне, палаточный поселок буровиков состоит из двух порядков. Задний, второй ряд образуют палатки дизелистов, электриков, шоферов и других подсобников.

Жилище Тин-Тиныча называют «палаткой больших ученых». Сам Валентин читает много и что ни попадя. А когда взялся за тетради и книги верховой Назип, над ним стали все смеяться — ты что, мол, хочешь подтвердить татарскую пословицу: «Скот должен походить на хозяина»? Ну, посмеялись и перестали, тем более что книгами разился и Миргазиян из вахты Кадермата — свободное от работы время он проводит у соседей. Когда ни посмотри, все они в одной позиции — лежат и читают, лежат и читают, хотя определенная цель у одного Назипа: он хочет самостоятельно подготовиться и на следующий год сдать экстерном за десятилетку. При случае и Миргазиян надумал поступить в седьмой класс вечерней школы.

Непонятно, как затесался в компанию «ученых» Фархутдин. Уговорам товарищей не поддается — на книги у него твердый взгляд. Он считает, что в условиях разведки учеба — самообман и халтура. И то ли от зависти к «ученым», то ли от характера своего легковатого ведет оживленную агитацию вообще против книг. Особенно разворачивается Фархутдин в серые дождливые дни, когда не выйдешь из палатки и от его крапивного языка никуда не денешься. Вот он сидит на кровати, обняв колени, и точит:

— Ну ладно, пусть Тин-Тиныч читает, размышляет, пишет. У него голова соображает, он знает по-русски и даже стихи сочиняет. И если не бросит книги и писанину, если у него хватит терпенья — из него все же получится, хотя и паршивенький, но мастер.

Фархутдин косит глазом в сторону Назипа.

— Пусть занимается и этот. Допустим, у него еще не все потеряно. Кто знает, пройдут годы, и его, как грамотного человека, повысят на разряд, сделают помощником бурильщика...

После этого Фархутдин поворачивается к Сапарбаю, который растянулся на койке и листает какой-то журнал.

— А ты-то, ты! Зачем ты читаешь? Кем думаешь стать? Как известно, чтение ума не прибавляет. Поэтому...

— Отстань, собачья колючка!

Фархутдин снисходительно хмыкает и прислушивается к Миргазияну, который что-то шепчет над учебником, словно молитву творит.

— Ладно! Пусть Сапарбай читает. Он — сирота, образования не мог получить. А ты, мякинная голова, зачем учишься? Или тоже хочешь быть мастером?

— Слушай, Фархуша! Вон там мои носки лежат, видишь?

— Ну вижу, а что?

— Возьми их и заткни себе рот.

— Грубияны вы все, — вздыхает Фархутдин и сам берет в руки старый истрепанный журнал, начинает лениво его перелистывать. На несколько минут в палатке устанавливается тишина, однако Фархутдину неймется. Отложив в сторону журнал, он придвигается к Валентину.

— Значит, Тин-Тиныч, ты говоришь, что будешь мастером, как Зубаиров?

— Да ничего я такого не говорю!

— Цель похвальная, слов нет, — продолжает Фархут-

дин. — Но ведь знаешь, брат, Зубаиров свои знания получил не в палатке! Он после десятилетки еще пять годочков обучался в семизэтажной каменной школе...

— Клянусь, Фархутдин, сейчас я тебя вытурю из палатки!

Фархутдин побаивается Тин-Тиныча и покорно уходит сам. Как обычно, направляется он к «артистам», то есть в палатку третьей вахты. Там любят шум и музыку. Сам Сергей Саакян — ух и здорово! — и аккордами, и одной струной играет на гитаре, а то начнет ее драть всей пятерней или перевернет и пальцами, пальцами, как в бубен! Верховой Габбас сносно пиликает на гармошке, помбур Михаил Кубрак — парень с голосом и слухом. Здесь только один Мутгарай ничего не умеет такого, сидит как пень, посапывает, а глаза его где-то далеко.

После смены «артисты» поспят немного и, проснувшись, первым делом начинают петь. Но сейчас они сидят тихо, как все, и слушают дождь, устало переживая новоселье. Но вот полог открылся и влез мокрый Фархутдин.

— Почему не поете? Самый момент! — заговорил он. — Душа музыки просит! Супу не надо, бабы не надо, водки не надо — музыки хочу!

Сергей засмеялся, достал старую облупившуюся гитару, подарок Тин-Тиныча. Долго вертел колки, перебирал струны, прикладывался ухом к инструменту, морщился, и все знали, что это он нарочно дразнит Мишу. Из-за этого между Саакяном и Кубраком даже ссоры случались. Вечерами, бывало, возьмет гитару Сергей, прислушиваясь, затренькает струнами, в соседних палатках уже смолкнут деловые разговоры, анекдоты и ругань, а он все тренькает да тренькает, украдкой наблюдая, как меняется с лица Кубрак, изготовившийся цеть какую-нибудь задушевную украинскую песню. Но вот Сергей возьмет наконец первые аккорды, и Миша грустно и чисто заведет, прикрыв мохнатыми ресницами глаза. И вот тогда уж Саакян с Кубраком покажут класс, если, конечно, Миша выдержит до конца эту мучку с настройкой гитары. Обычно он поет в вечер одну песню, чтоб ее ценили, и приучил к этому буровиков, которые давно уже перестали упрекать его за экономию на голосе.

Людей со странностями можно встретить в любом месте, чуть не в каждом доме или палатке. У буровиков они тоже имелись. Даже в вахте Кадермата, считающейся

самой серьезной, есть свой чудачок. Геннадий Еланский, помбур, и после изнурительной вахты зачем-то бегают вокруг палаток с двухпудовыми гирями в руках. Вначале буровики выходили посмотреть на чокнутого, потом привыкли. А чаще всего бригада Зубаирова собирается вокруг Фархутдина. «Ученые» часто выгоняют его из палатки за трепотню, и тогда он заваливается к соседям. На хохот сбегаются отовсюду, и вот уже сидеть негде, и буровики, пригибаясь, стоят, стараясь рассмотреть сквозь табачный дым озорные глаза Фархутдина.

Дождь затихал. Миша Кубрак спел про очи дивочи, потом из палатки «артистов» послышался смех. Зубаиров не выдержал — пошел туда. Народу набилось полно. Фархутдин сидел в центре и «травил», то и дело поправляя кепчонку.

— Никогда не связывайтесь с грамотными девчонками, ребята! Поверьте моему горькому опыту. В Карабаше знакомлюсь с одной молодой учителькой. Ну, правда, не сознался, что я рабочий, иначе б она и не взглянула на меня — это я сразу по ее носику понял, как она его задирает. Говорю: я инженер Фархутдин Хисамутдинович, хозяин вот этой буровой. Да. И подаю ей свою лапу. И вот в первый же вечер девушка заводит умственный разговор, чтоб, значит, прощупать мой общеобразовательный уровень. Дескать, что читаете, какие фильмы смотрите? Люблю ли я, понимаете ли, музыку? А образование у меня, вы сами знаете, состоит из занятых у людей слов да букв, о которые я как в детстве споткнулся, так и не поднялся. Спрашивает, значит... Да брось ты, говорю ей, мне все это надоело! Давай лучше поговорим о любви! А та все свое гнет. Кто мне больше нравится — Пушкин или Маяковский? Как я смотрю на Достоевского? И так далее, вплоть до иностранцев. Ну, я молчу и потею, а сам думаю: неужто и вправду инженеру, ну, нашему Зубаирову, скажем, всех их знать положено? А мне-то не хочется ударить в грязь лицом, не из таких. Да, говорю, знаю я их, хорошо знаю. Мольер? Так это ж первый бездельник, помощником работал на моей буровой! Авария за аварией, понял! И смеюсь, прощупываю тоже, как она отзывается. Поль Сартр? Видите ли, смеюсь, пульсатор мы в нашей работе не применяем. Сервантус? Какой же в палатке сервант? Вот в Казани, говорю, у меня трехкомнатная квартира, и там сервант на серванте!

Девушка смеется, думает, что я это так шучу. А до шуток ли мне! Стараюсь повернуть разговор в нужное мне русло, но не выходит — она уж дошла до какого-то Десанта Экзюпери, слышь, куда ж дальше?! Нет, шучу, в десантах я не служил и задаю ей встречный вопрос: а тебе, говорю, книга БУП известна? Тут-то она и растерялась! Глазки то вверх, то вниз, присмирела и пытается вроде бы даже вспомнить, крутится и вертится передо мной, спрашивает, что это за книга, о чем она, кто ее автор. Эх, говорю, учительница, а не знаешь такую великую книгу БУП! А я, мол, ее наизусть знаю, она вся у меня тут! И стучу по груди... Дайте-ка, ребята, закурить!

К Фархутдину потянулись руки с пачками папирос и сигарет. Он медленно размял папиросу в пальцах, не торопясь прикурил от чьей-то услужливой спички, затянулся с наслаждением.

— Ну? — раздались неторопливые голоса.

— Что — ну? — недоуменно спросил Фархутдин.

— В самом деле, что это за книга такая — БУП?

— Не учи! — презрительно усмехнулся Фархутдин. — Эту ж книгу знают миллионы! БУП — это «Боевой устав пехоты»!

Раздался взрыв хохота. Фархутдин, наслаждаясь общим вниманием, невозмутимо курил.

— Ну, а дальше-то? Дальше что было?

— Дальше? — Фархутдин пустил дым под козырек кепки. — Дальше она перестала говорить о книгах. Как рукой сняло! Видимо, убедилась, что я человек действительно образованный, и не стала задавать своих тонких вопросов.

— И все же она тебя бросила, — равнодушно сказал Мутгарай.

— Благодаря тебе, дураку! — заорал на него Фархутдин. — Из-за него все, ребята! У-у, мешок с овсом!

— Да ладно тебе! — взялись успокаивать его. — Ты рассказывай, как получилось, не тяни.

— У, кисель! — уже добродушно проворчал в адрес Мутгарая рассказчик и обвел всех притворно-печальными глазами. — Ладно, слушайте. Раз после вахты прихожу я с той девушкой в кино. Одежда приличная, чистая, ботинки новые, галстучек пинурочком. А жители села — и откуда уже успели все узнать? — меня величают только «товарищем инженером». Дескать, садитесь сюда, товарищ

инженер, здесь вам будет удобней, товарищ инженер! Сел я на самом видном месте, с девушкой под ручку, веду соответственный моему положению разговор. В это время, как черт в дегте, прибегает — кто б вы думали? — вот он, Мутгарай! И мазутными руками хватает меня прямо за грудки. «Паразит! — орет. — Почему ушел, не почистив буровую? Иди, тебя ищет мастер, он отпустит тебе по норме!» Клянусь аллахом, я был готов сквозь землю провалиться, заползти в какую-нибудь щелочку, как таракан...

Выждав, пока буровики отсмеются, Зубаиров спросил, сдерживая улыбку:

— Если сказать правду, Фархутдин, с лица ты не больно красавец, да и фигура у тебя подкачала. Не ахти и грамотен ты. Но за что же любят тебя девушки?

Фархутдин ни на секунду не задумался.

— А за зубы! — засмеялся он, пытаясь ладонью прикрыть рот, чтоб не показать своих разнокалиберных, вкось и вкривь посаженных зубов. Все снова захохотали, потом молчаливый Миша Кубрак сказал:

— А я думаю, за язык, который у него никогда не устает.

— Тоже верно! — подхватил Фархутдин. — Девушки не любят такой рот, который, подобно Карабашскому магазину, открывается на три минуты в сутки...

— Ладно, ребята, пора отдыхать, — посерьезнев, сказал Зубаиров. — Завтра с утра за работу.

— И что за жизнь! — тоскливо протянул Фархутдин и лениво поднялся. — В армии донимал старшина, здесь мастер покоя не дает! Буду ль я жить на свете без команды? Скорей бы жениться, чтоб тоже кем-нибудь командовать.

Буровики, посмеиваясь, разошлись по палаткам.

3

Зубаиров до полуночи разбирал документы бригады, справочники, копии ведомостей, описей, карты. Полторы свечи сжег. И уже глаза слипались, когда наткнулся он на заветную бумагу — сложенную четвертушкой геологическую карту первого в его жизни месторождения. Карта была в мазуте, грязи и почти распадалась по сгибам. Вот уже четыре года Зубаиров бережно хранил ее, возил всюду с собой, никак не мог расстаться. Вот она, в центре

черного пунктирного обвода, большая красная точка — первая скважина Фазыла Зубаирова, пробуренная на Вишневой горе, где он сразу после окончания института работал помбуром.

Вспомнилась невысокая пологая гора, у подножья которой располагалась небольшая деревушка. Жители Ромашкина эту гору называли Вишневой. Возможно, там когда-то и росли вишни, но в то время на ее склонах белели только бесчисленные снежно-белые ромашки. Самая обыкновенная гора, таких тысячи на татарской земле...

Утро 16 июля 1948 года Зубаиров на всю жизнь запомнил, хотя этот день был совсем обычным. Как всегда, над Вишневой горой поднялось солнце, в дубняке куковала кукушка, в сельском пруду, перебивая друг друга, квакали лягушки, вставшие с рассветом женщины уже подоили коров, отогнали скотину на выгон. Над соломенными крышами изб клубились дымы. Ну, самое что ни на есть стандартное, рядовое летнее утро.

Однако это утро стало необыкновенным в судьбе молодого нефтяника Зубаирова. Да разве одного Зубаирова? Нет, это было великое событие! В то утро на Вишневой горе ударил первый фонтан большой татарской нефти. Счастливый, испачканный с ног до головы маслянистой жидкостью Зубаиров, еще не осознав, что же на самом деле произошло, несколько растерянно наблюдал, как бьющая из глубины двух тысяч метров нефть стекает по склону Вишневой горы в небольшую речку. И с этого обыкновенно-необыкновенного июльского утра ничем не выделявшаяся деревушка Ромашкино, ее скромная Вишневая гора с цветами на склонах вдруг как-то прямо на глазах сделались ключевой точкой обширного края. О Ромашкинском месторождении, как его стали сразу же называть, первой узнала деревня, потом район, республика, вся страна и весь мир...

И, главное, не только Ромашкинская скважина сулила большие надежды — не сидели сложа руки буровики-разведчики в других местах. Вскоре неподалеку от Вишневой горы, за деревней, ударил фонтан нефти из скважины номер десять. Не успели привыкнуть к этому, как начала давать топливо скважина, пробуренная прямо на картофельных огородах соседнего села. Осенью нашли нефть рядом с селом, на болоте, до этого известном только гнилым своим запахом. И тут же в трест пришел рапорт с

буровой, расположенной в лесу: «Ударила нефть. Суточный дебит шестьсот тонн».

А на Вишневой горе фонтанировала первая нефтяная скважина Татарии. Отовсюду поступали поздравительные телеграммы и телефонограммы, отдавались приказы о благодарностях и премиях. У Зубаирова даже голова немножко закружилась. А вскоре его вызвали в контору.

Большой деревянный барак, где располагалась контора, был плотно окружен выдавшими виды синими и какими-то бурыми «Победами», маленькими куцыми «Москвичами». Рядом с ними выстроились зеленые «газики» с брезентовыми кузовами и грузовики с фанерными вахтовыми ящиками. Налицо был весь транспорт нефтяников — и конторский, и буровиков-разведчиков, и вышковых, и промысловиков.

Во дворе, у входа и в коридоре толпился народ. Невобразимая теснота была в кабинете директора конторы. Кроме знакомых мастеров и геологов, руководителей района и области, прибыли гости из Уфы, Казани, Куйбышева, Баку, были даже московские ученые и представители министерства. Нещадно дымили самокрутками, папиросами, трубками, спорили о чем-то наперебой, и Зубаиров со странным чувством удивления и радости слышал из уст совсем незнакомых людей до боли знакомые слова: Вишневая гора, Ромашкино, месторождение, Ромашкино, Вишневая гора, Ромашкино...

Почти всю стену занимала какая-то странная карта. Она, конечно, была похожа на обычную геологическую, однако границы ее были непомерно расширены, и число проектируемых скважин утроилось. Черные контуры охватывали не только окрестности Вишневой горы, но соседние районы, простирались до берегов Ика и даже Камы, находившихся за сотни километров от Ромашкинской скважины! Что это, фантазия собравшихся здесь заезжих ученых, мечта руководителей конторы, преувеличения большого нефтяного начальства? Неужели он, Зубаиров, стоит у истока такого великого дела?

Нефтяные места с локальными границами геологи называют источниками. Если источники занимают большую территорию — это считается площадью. А когда нефть в земных недрах заполняет несколько площадей, то это уже величают месторождением.

На какое богатство набрели буровики в Вишневой го-

ре, какой пласт вскрыли? Что это — источник, площадь или месторождение? Каковы запасы клада, где его границы? Пока все это еще было для разведчиков неразгаданной тайной.

Началось совещание. Авторитетные нефтяные спецы, известные всей стране ученые утверждали, что Ромашкино — не случайный источник, а огромное месторождение. На карте разноцветными карандашами были намечены точки. И вот, тыча пальцами в эти точки, и местные и гости размечтались: Ромашкино, дескать, скорее всего центр Волго-Уральского бассейна «черного золота», теоретически обоснованного когда-то знаменитым геологом Губкиным, академиком.

И вот, оказывается, в каком виде предстают новые задачи: бросить на разведочное бурение в Ромашкине главные силы, организовать конторы в соседних районах, обеспечить бригады руководящими кадрами, рабочими, техникой, — то есть срочно взять в руки большую нефть Татарии, если она действительно таилась в здешних недрах.

Зубаиров какое-то время сомневался: пока все это на словах да на бумаге, первые же возможные неудачи охладят общий пыл. И неизвестно, где столько людей брать — инженеров, мастеров, буровиков. Однако он уже знал: такое большое дело, как нефть, не терпит долгих сомнений. Скоро его снова пригласили в контору. Теперь в ней было тихо и пусто, будто не здесь происходило главное штабное заседание перед решающим сражением. В кабинете директора по-деловому буднично, привычно говорили свои люди — инженеры, мастера бригад, парторги, профорги.

Директор конторы Иван Андреевич Никитин, человек, никогда не повышающий голоса, сказал Зубаирову коротко:

— Довольно ходить командиром без солдат, мастер. И не жди, пожалуйста, журавля в небе. Сам находи людей. Собирай, откуда хочешь, бригаду и начинай бурить!

Ничего себе — начинай. Как начинать? Где найти людей? К кому идти за советом? Как стать настоящим мастером, хозяином и руководителем буровой бригады?

Вообще-то советчиков в конторе было больше чем достаточно. И каждый учил по-своему. Поздравив с новой должностью, один маститый буровик сказал, что с первых же дней подчиненных надо крепко взять в руки и больше не отпускать, а то сядут на шею. Другой выдавший виды

мастер советовал быть очень мягким, действовать в полном согласии с рабочими — тогда они уж не подведут. А опытный, уважаемый в конторе инженер, бывший разведчик, педантично, по пунктам сформулировал принципы общения с рабочими. Первое: в одной палатке с ними не спи — это развивает вредное панибратство. Второе: из одного котла не ешь — можешь стать зависимым от повара или коллектива, и вообще, чавкать перед подчиненными неприлично. Третье: не поддавайся их шуткам, иначе они потом твои серьезные слова могут обратить в шутку. Четвертое: в личные их дела не лезь, люди этого не любят. Пятое: если пьешь, не показывай этого, а то сразу потеряешь уважение и никто тебя слушать не будет. Шестое: не ходи к женщинам, дорожи престижем руководителя и, если уж гуляешь — знай меру, главное, чтоб никто не замечал...

— Хотя, постойте, — запнулся старый инженер, — ведь вы, кажется, женаты? Такой молодой, вот никогда бы не подумал! Ну тогда трудное ваше дело! В голове будет не разведка, не буровая, а жена, дети, квартира, вещи...

Зубаиров засмеялся, вспомнив тот разговор. Да, советов и советчиков было много, но хоть бы кто толком объяснил обязанности мастера, подсказал, как привлечь рабочих, посвятил бы в методы организации труда.

В институтские годы у Зубаирова была одна звезда — Ибрагим-заде, первый наставник. У этого гордого и требовательного мастера, который и на буровой-то появлялся с орденом, он несколько раз проходил практику. Когда Зубаиров уезжал в Москву защищать диплом, Ибрагим-заде проводил его до поезда и, подняв в вокзальном ресторанчике фужер с шампанским, сказал: «Заруби себе на носу, парень: буровой мастер — великая профессия! Мастер должен быть выше горы, тверже скалы и просторнее моря! И не делай так, чтоб люди на твоей буровой выполняли только то, что указано...»

«Выше горы, тверже скалы, просторнее моря!» Что это такое, если поконкретней, и как стать таким? В довершение всего услышала по радио про нефтяной фонтан Райса и собралась приехать из Бугульмы. А это уже известное дело. Приезжает, ходит, чуть ли не держась за полу, и донимает, как всегда: «Значит, Фазыл, говоришь, ты нашел нефть? Хорошо! И теперь уже мы наконец будем жить вместе? И квартиру дадут?»

Ему не раз уже приходилось изворачиваться. Да, говорит он, нефть в самом деле нашли. И много нефти. Только всдь дело, Райса, обстоит следующим образом. В конторе толкуют, что я разведчик... И если, мол, ты действительно разведчик, так будь им... Понимаешь, опять надо ехать, Райса... Ты ведь, Райса, долго ждала, подожди еще немножко... Вот колупнем карабашские земли, а потом... Между прочим, Карабаш — это совсем рядом с Бугульмой, Райса... Всего-то двадцать километров. При удобном случае можно приезжать каждую неделю... Ну хорошо, хорошо, в крайнем случае, через день! Потерпи уж, Райса.

У бедняжки Райсы в глазах закипают слезы. Она кусает дрожащие губы, останавливает взгляд на одной точке, с обидой твердит: «Оказывается, нет нам совместной жизни, а говорил...»

Еще студентом Зубаиров решил стать разведчиком и, советуясь с Ибрагимом-заде во всем, однажды затеял разговор насчет женитьбы: «Как быть? Жениться или подождать? Не помешает ли это ученью и работе разведчика?»

— Вот один старик собрался женить сына,— начал Ибрагим-заде.— Выбирает, значит, сноху. Ведет сына к девушкам и при них бьет. «За что ты его наказываешь, дядя?» — спрашивают девушки. «Пока не велишь — не сделает, проклятый!» — отвечает тот. «Раз не велишь, чего же ему делать-то!» — удивляются невесты. Старик подводит жениха к другой группе девушек и опять начинает драть его. «За что ты его наказываешь?» — спрашивают девушки. «Пока не велишь — не сделает!» — отвечает тот. «Раз не велишь, зачем ему делать!» — удивляются невесты. Старик подводит жениха к другой группе девушек и опять начинает его колотить... «Почему бьешь парня, отец?» — спрашивают: «А он делает только то, что указано!» — «Так это же хорошо, раз он делает, что указано!» — говорят ему. Ведет отец сына дальше и снова наказывает на глазах у невест. «Зачем бьешь?» — «Делает то, что велено, и не делает того, что не велено!» Все опять удивляются, но тут выходит одна девушка и говорит: «Добавьте ему еще — пора самому знать, что делать!» — «Вот эта и будет моей снохой!» — воскликнул старик.

— Не жди, когда научат, ищи сам, что делать! — не раз потом повторял мудрый Ибрагим-заде.— Тогда станешь разведчиком, сделаешься мастером!

Слово «мастер» Ибрагим-заде произносил громко, буд-

то с трибуны. «Ищи сам!..» В этом была суть и главная трудность. И, как ни крути, начинать следовало с людей.

Первого человека Зубаиров встретил в дороге, когда его командировали на один из уральских заводов за буровым оборудованием. «Толкач» он был малоопытный, но с делом сладил. На обратном пути в его купе зашел здоровенный моряк со светлыми кудрями и еще более светлыми бровями. В руках он держал маленький чемоданчик и гитару. Парень поставил чемодан в изголовье, скинул форму и остался в тельняшке. Устало растянулся на свободной нижней полке.

Измучившийся от каких-то загульных попутчиков и невыспавшийся Зубаиров не успел даже обрадоваться спокойствию нового пассажира, как моряк потянулся за гитарой, забренчал и запел:

Очи черные,
Очи жгучие,
Очи стр-п-астные!..

Он долго надоедал Зубаирову бесконечным помпнанием на разные лады цвета тех очей. Так бывает, что человек день, а то и два не может избавиться от какой-нибудь пессенки, и надо в таких случаях что-нибудь предпринимать. Зубаиров спросил наконец:

— Извините меня, но неужели так уж хороши были эти очи?

Моряк будто ждал вопроса. Тут же отложил гитару, приподнялся и сел.

— Ее глаза? Удивительные! Только не знаю, какие они — карие или серые, нет уверенности, понимаете? Зовут Валя. Ее снимок был опубликован в журнале, и мы познакомились заочно.

Парень быстро раскрыл чемоданчик, вынул журнал и, перелистав его, нашел снимок девушки.

— Вот она! Геолог, поехала сюда искать нефть. Вот, можете прочесть. Я ей писал...

Фазыл и сам на первом курсе хотел вот так же написать, да постеснялся. И еще подумал тогда, что такую красавицу русские ребята уж не пропустят. А потом Райсу увидел...

Зубаиров взял в руки журнал. Да, и эта девушка тоже была красивой. Высоко взбитые волосы повязаны легкой косынкой. Глаза ее удивленно, даже несколько чересчур,

распахнулись. Ну, рюкзак, конечно, для «романтики», а в руках эта вчерашняя студентка держала планшет и непужный в обиходе поисковиков-нефтяников геологический молоток. Видимо, это нужно было фотокорреспонденту.

— Ничего,— Зубаиров вернул парню журнал.

— Писал ей, потом приехал к ней, а ее уже нет...

— Замуж?

— Нет, на работу в другое место,— вздохнул моряк.

— Значит, знакомство было непрочным,— сказал Зубаиров.— Что-то я не верю в любовь по переписке.

— Ну, это вы меня не знаете! — возразил парень и погрузился. — И я не виноват, да и она тоже... Мы ушли в океан на шесть месяцев, из-под воды не напишешь...

— А теперь что думаешь делать?

— Даже не знаю...

— Некуда, что ли?

— Никого у меня нет. Мать и братишку убили фашисты. Под Пинском мы жили. Отец так и не вернулся с войны. После демобилизации устроился мотористом на торговое судно... Если б не Валя, сроду б не увидел этих мест...

— Да, брат,— вздохнул и Зубаиров.— Жизнь. Но все же куда сейчас-то едешь?

— Да поезжу... Деньги есть. Поищу...

— Что поищешь?

— Не «что», а «кого»! Валю поищу! — Парень смотрел в окно.— Знаете, я б вообще не стал с вами разговаривать, если б вы в первый момент засмеялись надо мной, как другие.

— Я не смеюсь,— сказал Фазыл.

— Вот я и говорю... Фамилия ее Валентинова. А я Валентин Валентинович. Тут судьба, понимаете?

— Понимаю.

Зубаиров стал перебирать в памяти девушек по имени Валя. Может, ему и приходилось когда-нибудь встретить среди местных геологов эту Валю, да только внимание не обратил? Нет, едва ли, вспомнилось бы сразу.

— Ты вот, парень, уже едешь по Татарии, но здесь твоей Вали нет,— проговорил Зубаиров, не щадя моряка.

— Откуда ты знаешь? — вздрогнул парень.

— Я тут работаю. Нефтяник.

— Серьезно? Кем?

— Буровым мастером. Знаешь, в наших местах сейчас

нефти находят много. Геологам работы еще по завязку. Может, она и появится здесь, не знаю. В конце концов, человека можно всегда найти!

— Вот и я так думаю! — вдруг воспрянул собеседник и протянул Зубаирову широкую, как лопата, ладонь. — Валентин Валентинович! А она где-то тут или будет тут! Остаюсь... Слушай, я по двигателям внутреннего сгорания все умею. Помоги найти работу...

Зубаирову показалось смешным, что моряк уважительно величает себя Валентином Валентиновичем.

— Поехали со мной, Валентин Валентинович! — сказал серьезно Фазыл. — Я — Зубаиров...

Так был найден первый член будущей бригады, которая сокращенно будет звать его «Тин-Тинычем».

Вторым в бригаду пришел Кадермат. Сразу по приезде из командировки у порога конторы Зубаирова остановил пожилой человек с седеющей головой и черными висячими усами.

— Случайно не Зубаиров? — встал он напротив.

— Я.

— Хочу поступить к вам на работу.

— Профессия?

— Нефтяник, — отвечал усач.

— Стаж есть?

— Еще какой!

— Не бурильщик ли? — с тайной надеждой спросил Зубаиров.

— Техник.

— Горный техник?! Так вам же можно работать мастером! — воскликнул Зубаиров. — Знаете, как нам люди такие нужны! Ну-ка идемте в отдел кадров! Идем, идем!

Он схватил усача за рукав, но тот аккуратно и решительно высвободился, прислонился к столбику крыльца.

— Нет уж. Мне подойдет бурильщиком...

— Если нравится, отлично! Ко мне и пойдете...

В это время открылось окно, и Зубаирова попросили зайти. «Я сейчас», — сказал мастер, входя в контору.

— Ты бы, товарищ Зубаиров, подумал, прежде чем взять этого человека, — сказал начальник отдела кадров. — Подозрительный тип... Биография...

— В тюрьме, что ли, побывал?

— Хуже! — проговорил начальник отдела свистящим шепотом.

— Ну что, что?

— Не будь ребенком, товарищ Зубаиров,— зашипел еще сильнее кадровик.— Ты лучше зайди к Ивану Андреевичу...

«Подозрительный тип», оказывается, уже побывал у директора, и Никитин сразу понял, о ком речь:

— Был он у меня. Да, поговорили, познакомились. Посмотрел я его документы,— спокойно заговорил директор.— В принципе я не против. Нам нужны, очень нужны сейчас такие люди. Только... Почему же он не стал работать в Баку, где жил и учился? Почему не остался в Башкирии? Наконец, почему, имея специальное образование, работал у куйбышевских нефтяников грузчиком? Вот что меня беспокоит! — Иван Андреевич стал барабанить по столу карандашом, который до этого вертел пальцами.— И статья «сорок седьмая» значит. Понимаешь — нарушение трудовой дисциплины...

Уходя от директора, Зубаиров был уже уверен, что не примет того человека. С первого же взгляда понял это и усач, который стоял во дворе, на солнцепеке. Нет, тому-то все было понятно с самого начала. Секретарь послала к начальнику отдела кадров, тот направил к директору, а директор не сумел определенно ничего сказать, велел дожидаться Зубаирова. Известно, Зубаиров тоже сейчас найдет какую-либо причину...

— Ясно, мастер! — сказал усатый, почти неуловимой презрительной интонацией задевая самолюбие Зубаирова.— Ничего хорошего обо мне вы не узнали.

— Да, не узнал! — признался Зубаиров.— Документы у вас не совсем чистые.

— Если бы они были чистыми,— он в упор разглядывал молодого инженера,— я бы и просить вас не стал.

И как-то сразу сник. Увидев усталое лицо, угадав какую-то глубокую, скрытую муку, снедающую этого человека, Зубаиров не решился тут же оборвать разговор, почему-то не уходил. И усач, будто еще надеясь на что-то, смотрел выжидательно и настороженно.

— Что же мне делать? — проговорил он злым голосом, в котором однако слышалась растерянность.— На войне фашисты не сумели убить... И сейчас никто не убивает. Самому попробовать, что ли? Ну, скажи, пожалуйста, что мне делать?

Зубаиров закурил и предложил папиросу усачу.

— Ладно, пиши заявление, — сказал он, думая, что никогда не быть ему «тверже скалы». — Беру под свою ответственность...

Третьего к Зубаирову направил сам директор. Мастер с первого взгляда невзлюбил этого Мутгарая, одетого в бешмет, домотканые суконные чулки и галоши. Фигура! Низкорослый, коротконогий, широкое красное лицо, маленький ноздрястый нос. По виду и разговору типичный сельский житель, неотесанная деревня. Чем этот Мутгарай понравился проработавшему всю жизнь в промышленности директору, Зубаиров так и не сумел понять. К тому же Никитин написал на заявлении принять его «верховым».

— Вышку ты когда-нибудь видел?

— Комбайнер я, — угрюмо ответил новичок.

— Почему сбежал из колхоза? — задал мастер второй вопрос.

Парень мучительно открывал и закрывал сухие губы, смотрел налево и направо, топтался грязными галошами на одном месте.

— Назло Салимгараю, — сказал он наконец.

Кто такой Салимгарай и почему держит на него зло этот парень, Зубаиров не стал интересоваться, с него было достаточно. Он яростно написал в левом углу заявления: «Даже издалека буровую не видел». Отправил. Довольно с него! Взял одного — моряк, второй — какая-то грешная душа, третий — колхозник, который и представления о буровой не имеет. В конце концов бурить — это не картошку копать.

Трижды посылал директор Мутгарая — и Зубаиров трижды отсылал его, уже из принципа. Если б не приехал человек от Ибрагима-заде, Зубаиров и близко бы не подпустил Мутгарая к буровой. Настоящий все же человек Ибрагим-заде, за тысячи верст понял положение своего ученика — прислал, хотя и временно, одного из самых своих опытных бурильщиков Сергея Саакяна, хорошо знакомого Зубаирову.

После этого в бригаду были приняты и Мутгарай, и Сапарбай, и другие, сроду не нюхавшие нефти. Первую скважину близ Карабаша Зубаиров и начал бурить с такими вот, собранными с бору по сосенке, людьми.

Трудно было, ох, трудно! Людей работе можно научить, но как работать, если не хватает инструментов и совсем

нет труб? Да и с людьми иногда возникали совсем неординарные сложности из-за того, что на буровой Зубаирова, будто нарочно, собрались люди различных национальностей, и каждый из них нес в себе частичку своего народа, родные традиции, бытовой уклад. А жизнь в палатках? А постоянное пребывание в поле? Неудобные частные квартиры, производственные и бытовые неурядицы, в общем, суeta суeta. Зубаирову иногда казалось, что вся эта грешная планета — от полюса до полюса — чересчур уж загромождена всякого рода неудобствами...

Но... Если эта скважина даст нефть? Безвестная деревушка Язтургай станет городом, а зеленый лес у палаток превратится в парк.

Другая, лучшая жизнь придет и в этот уголок его Родины. А это он начнет, Зубаиров. Все с разведчиков, с их первых палаток. Так было на Вишневой горе, и у карабашской уремы, и на берегу Ика. У первых палаток загорается первый костер, поются первые песни, одолеваются первые метры. Потом сдается первая скважина. За ней — каменные дома, клуб, школа. Глядишь — и первый город в новой местности родился, как в сказке, светит в ночи огнями...

А на карте только разноцветные точки да черные пятна, потерянные края и сгибы.

4

Скорей копнуть, скорей! Какой тут грунт? От этого многое зависит, — может, судьба его бригады и судьба самого мастера.

В предрассветных сумерках Зубаиров просунулся в палатку Тин-Тиныча.

— Подъем! — крикнул он охрипшим от недосыпа голосом. — Первая вахта, подъем!

Буровики заворочались на скрипучих кроватях, кто-то ругнулся в полусне, кто-то нарочно захрапел, но ни один не поднялся.

— Подъем, подъем! — Зубаиров дернул за ноги Тин-Тиныча, ткнул в спину Фархутдина. Сапарбай, громко сопя, уселся на койке, потер глаза и снова свалился на подушку.

— Что, Ускенбаев, не выспался?

— Не выспался, Фазыл-ака.

— Подъем!

Фархутдин показал один глаз.

— Брось, пожалуйста, выражаться, мастер. Это же самое плохое слово на свете! Я его с детства не уважаю, а в армии окончательно возненавидел. Очень некультурное слово! Тот человек, который его произносит, для меня...

— Зажму я тебе когда-нибудь язык в тиски! — перебил Зубаиров. — Подымайся!..

Будто спущенная пружина, вскочил Валентин, отбросил одеяло в сторону:

— Правда, мастер, или переведи отсюда Фархутдина, или прогони его к черту с буровой!

— Что случилось?

— Он же не дает людям спать! Всю ночь трепался, а утром как хочешь работай!

— А кто тебя заставляет слушать? — поднялся и Фархутдин. — Положи на уши подушки или заткни паклей! Я для себя рассказываю, понял?

— Вот если уснешь сегодня на буровой, подтащим к тискам и отдавим язык, так и знай! Это очень хорошее предложение нашего мастера... На зарядку!

Этот возглас Тин-Тиныча — обязательная деталь утреннего ритуала. Какой бы день на дворе ни стоял — холод или снежок осенний, реденький, — Валентин не изменяет флотской привычке. Скидывает тельняшку, становится перед палаткой и старательно делает гимнастику. Потом с головы до пояса обливается водой, докрасна обтирается полотенцем.

В иные, особо погожие дни следом за ним тащится и Фархутдин. Подпрыгнет несколько раз, присядет, помашет руками, зябко дрыгнет ногой и бежит в палатку умываться. Выходит уже одетый и даже в кепке.

Если верховой Назип считает своей зарядкой заготовку дров — он и на самом деле добровольно, охотно занимается этим по утрам, — то Сапарбай совсем не считается с призывами Валентина.

«Моя зарядка на буровой, — рассуждает он. — За день сделаешь столько гимнастики, что едва поднимаешь руки-ноги», Умывается Сапарбай тоже по-своему, как кошка, — ополаскивает только нос и щеки, а глаза вытирает мокрым концом полотенца.

Когда вахта Тин-Тиныча, позавтракав, уже направилась к буровой, проснулись остальные. Как и в другие дни,

Геннадий Еланский с двухпудовыми гирями в руках начал бегать вокруг палатки. Сняв свою неизменную тюбетейку с бритой головы, грелся на солнце Мутгарай. Кадермат принес хворосту и готовился варить завтрак. Все привычно, все как раньше, все как у разведчиков.

— В добрый час! — крикнул Кадермат вдогонку уходящим. — Легкой рукой вам начать!

— Смотри, товарищ завхоз, к нашему возвращению баня должна быть готова, — сказал Зубаиров. — Это приказ!

— Не только баня, блины будут!

Баней буровики называли землянку, которая делалась по проекту Кадермата на основании его фронтового опыта. Стены обычно рубит «мастер Мутгарай», единственный в бригаде человек, знакомый с плотничьим делом. Полы и потолки из кругляков настилают Сергей и Миргазиян. Засыпают землей крышу и таскают камни Еланский и Габбас, которые не знают, куда девать свою силу. Каменку же Кадермат не доверял никому, в ней была вся соль.

Буровики научились быстро строить такую баню. Не жаль было никакого труда, если впереди блаженное тепло, обжигающий тело пар, безжалостное хлестанье друг друга березовыми вениками и счастливое изнеможение в конце. На строительстве этого сооружения все смиренно сносили самые мелочные придирки Кадермата.

Земляную баню не уважал только Мутгарай. Хотя он и не отказывался сделать для нее сруб, но считал для себя унижительным баниться под землей, поэтому обычно уходил в деревню и мылся там в настоящей бане. И вообще все привыкли к тому, что Мутгарай обособляется и живет, правда что, как на беспривязном содержании...

Рытье котлована под баню, пробивание наклонного стока, заготовка леса и рубка сруба шли под гул близкой буровой. Несколько раз приходил на строительство бани и Зубаиров. Предупредил:

— Капитально стройте. Здесь грунт, оказывается, особый. Если буровая изматывает нервы, будем успокаиваться в бане.

Прибегал и Фархутдин. Этот баню любил до беспамятства. Сказал, что в Язтургае одновременно заложены два строительных объекта: коммунальная баня и девонская скважина, а какой из них горячее — можно поспорить. Его прогнали, потому что на буровой начинало что-то

твориться — по звукам можно было догадаться. Кадермат все время прислушивался. Вот уже вскрыли шахту и раздался знакомый звон — опустилась направляющая труба. Но почему вдруг все остановилось? Почему не шумит лебедка? И дизели умолкли. Будто чуяло беду сердце Кадермата — через несколько минут прибежал Сапарбай.

— Вышка падает, вышка! — крикнул он и снова кинулся к буровой.

У палаток не осталось никого. На буровой положение было хуже некуда. Как только спустили в скважину направляющую трубу и начали бурить шурф, из-под буровой стала уходить земля, оседать, проваливаться. Устье скважины пугало своим зевом, рыхлой, сползающей по краям почвой. Создалась реальная угроза падения вышки.

Из двери бурового вагончика выскочил Зубаиров. Все ждали его. Увидел плотную группу рабочих, и сразу мелькнуло: или он нынче предстанет перед этими людьми мастером, или бросит разведку.

— Чего сгрудились! — крикнул он. — Ждете, когда вышка свалится? Срочно накачивай раствор! Камень, бревна! Сейчас подвезут цемент.

Все разбежались. Зарокотали моторы. Зубаиров и Кадермат, скинув рубашки, начали швырять в провал все, что подтаскивали буловики — бревна, пни, швырки. За полчаса в горло скважины ушли несчитанные кубометры бревен, возы хвороста. Около буровой лежала гора цемента для укрепления колонны — не стало и ее. Однако опасность не миновала, но все еще не подвозили цемент, обещанный конторой. Как быть? Если валить лес, потребуются два-три часа, за это время вышка уйдет в землю. Вот когда, не ожидая указаний, нужно было действовать по своему усмотрению.

— Разобрать баню! — скомандовал мастер. — Живо!

— Она ж почти готова! — Кадермат тускло посмотрел на него.

— До бани ли сейчас? — Зубаирова трясло. — Ты-то должен понять!

— Я даже печку начал складывать...

— Тащи камни и кирпичи!

Ругаясь, Кадермат взялся разбирать баню. Жалко, но ничего не поделаешь, такое уж их счастье. Не успеешь начать — вышка валится, еще и к бурению не приступишь — бьет вода. В Карабаше на глубине полутора тысяч метров

пласт прихватил инструмент. На Ике со стометровой глубины ударил мощный водяной фонтан, и на тридцатиградусном морозе оказались под водопадом. Ледяная вода била до площадки верхового и лилась оттуда на людей. Как это мог выдержать человек?!

Кадермат понимает положение Зубаирова. Нелегко с этим пестрым народом, почти каждый только и ждет повода, чтобы сбежать с буровой, а ведь как надеялись, что на новой площади пойдет нормальная работа — не может же все время так не везти! И вот — на тебе, началось...

Только к вечеру из конторы подъехали машины, груженные камнем и цементом. Буровая уже проглотила банию, не меньше трех машин дерева сожрала, две машины камня, здоровую кучу цемента, однако утроба ее все еще не насытилась.

Люди шатались от усталости. Но не ругался уже никто, работали как-то механически, чуть ли не равнодушно. Наконец к заходу солнца пустота под землей была заполнена, основа буровой закреплена. Теперь вышка будет стоять, и то хлеб. А там посмотрим — может, и разбежимся. Переговаривались:

— Нет, оказывается, нам нигде спокойной жизни!

— На этой буровой заработаешь!

— Килу заработаешь! Бурили б сами геологи!

Сменив Тин-Тиныча, Кадермат уже хотел приступить к бурению.

— Подожди, Кадермат, — сказал Зубаиров, тронув его за рукав. — Подожди-ка, друг.

Всё устало посмотрели на мастера. Это все из-за него. Это у них такой невезучий мастер. У других все как по маслу: и работа в удовольствие, и заработки — карманы пухнут.

— А вы знаете, ребята, почему мы всегда мучаемся на буровой?

Зубаиров зажал рукой подбородок. Буровики уже знали — когда мастер что-нибудь придумывал, он хватался за подбородок. Он у него довольно сильно выступал вперед, раздваивался, и мастер будто бы стеснялся его.

— Ну, кто из вас знает, почему мир всегда смотрит на нас затылком?

— Я знаю, — сказал Фархутдин.

— Ну?

— Ты, товарищ наш мастер, родился в тот час, когда ангелы не успели выспаться.

— Не думаю, — улыбнулся Зубаиров. — Дело в том, что у нас своего обряда и своей молитвы нет. Иди-ка, Сапарбай, неси сюда из моей палатки белый ящик. Только осторожней, будто судьбу несешь!

— Что ты хочешь? — устало спросил Кадермат.

— Майна! Отпусти инструмент! — скомандовал Зубаиров. — Бурить!

Прибежали Сапарбай и Фархутдин, неся новый ящик с замочком. Буровики с любопытством наблюдали, как мастер, улыбаясь, поставил ящик потверже и уселся сверху.

Когда пробурили метров пять, Зубаиров велел поднять инструмент. Он открыл ящик, развязал какой-то мешочек, в котором звенели мелкие монеты. В картонной коробке лежали яйца в рядочек. Что за чертовщина? Мастер взял горсть монет, яйца и подошел к скважине.

— Этот обряд, мужики, совершал Ибрагим-заде, Саакян знает. Древние при постройках в раствор добавляли яйца. В добрый час!

Зубаиров сделал вид, будто что-то приговаривает, потом со звоном опустил в скважину монеты, бросил вслед яйца. После мастера к скважине по одному подходили буровики, кидали туда яйца и монеты. Каждый высказывал свое: «не ломаться», «не сидеть на аварии», «не мучиться зря-понапрасну». Фархутдин бросил в скважину свою долю и, воздев руки к небу, запричитал, как мулла:

— Афсун, туфсун! Падать до дна, пробить ад, добратся до рая, там разбиться и нефтью наверх явиться! Алло, бисмалло! Шахсей-вахсей!

В ящике еще были винные бутылки в стружке. Стоя, каждый ополовинил бутылку. Хорошо пошла.

— Только и всего?

— Ах, кабы еще по капле! С устатку-то...

Фархутдин, подмигивая товарищам, смотрит на Зубаирова:

— Надо бы немного укрепить буровую, мастер...

— Нет, за работу! — скомандовал Зубаиров. — Майна инструмент!

Когда долото с дребезжанием ушло в черную пасть скважины, Зубаиров вытер пот со лба, вышел из буровой, сел в сторонке на штабеля труб, поднял глаза к небу. Красное пламя зари затухало за деревьями. Мастер, ощу-

шая в теле приятную тяжесть усталости, дышал глубоко, всей грудью и смутно думал о том, как дружно сладили с бедой и какие все же молодцы его буровики. «А я все-таки свинья — не дал им хотя бы немножко передохнуть. Даже по-человечески не смог угостить. А ведь намекали. Эх, мастер ты, мастер! Не только угостить, спасибо сказать не догадался. Разве ты станешь мастером без их помощи?»

5

Для Мутгарая все чужое на буровой — не к чему руки приложить, некуда время деть. Восемь часов можно провести во сне, восемь берет работа, но ведь остается столько же! Мутгарай изнывает. Медленно готовит сам себе еду, стирает носки и рубашки, и даже после всего этого уйма летнего времени, подохнешь от безделья. Уходит в лес и подолгу бродит там, жует ягоды, собирает для Тин-Тиныча грибы — сам-то он их не ест, брезгает. Возвращается, усядется у ближайшего муравейника и, дымя папироской, наблюдает за хлопотливой жизнью этих вечных трудяг. «Не буровая, — медленно думает он, — а сплошное безделье. Ведь в такое время колхозники, настоящие работники-то, почти не появляются в деревнях, все в поле да в поле. При деле, хорошо!»

Под ногами снуют мелкие оранжевые муравьи. Нет, эти не болтаются зря, каждый нашел дело. Вот нашли мусор и по гладкой дороге таскают. Одни переносят личинки, другие волочат хвоинки, кусочки дерева, третьи заготавливают корм, козявок всяких. Некоторые поднимают груз в десять раз больше себя. Один пытается втиснуть в узкий лаз большого синего жука. А эти дружно, десятком, тербят длинный стебелек и сообща тянут. Старательный народ. Не увидишь ни одного бездельника, ни одного праздношатающегося...

Как только начинает подходить страда, Мутгарай заболевает — не ест, не пьет, не разговаривает ни с кем. Просто не о чем с ними разговаривать. А если на далеком поле заслышит комбайн, способен всю ночь не спать. Скрипит койка, ворочается Мутгарай, словно клопы кусают.

«Хоть бы разок сесть за штурвал и по полю, по полю поплыть, хлебного духу глотнуть», — мечтательно думает он.

И правда, куда деться? Если б зима, другое дело. Чистил бы двор от снега, колол дрова, воду носил. И хозяевам квартиры приятно, и сам убивал бы время. Хорошо тоже пошло хозяйской корове вынести, сена задать и смотреть, как она ест. А здесь только и знай дрыхнуть в палатке или пустую трепотню слушать. Разве это жизнь?!

Прошлым летом Мутгарай собрался было бросить буровую да вернуться в село, но остался назло председателю колхоза Салимгараю. Скажет еще, что не сумел тут работать, прогнали. Конечно, тут еще была и нехватка людей. Короче, побоялся сбежать. И не столько Зубаирова побоялся, сколько руководителя своей вахты Саакяна. Горячий армянин, огонь! Чего доброго, приедет следом, обзовет при людях дезертиром да утащит за шиворот. Неохота позориться перед односельчанами...

Этой весной совсем подперло. Мутгарай сознательно стал работать через пень-колоду. Думал: «Буду работать шалый-валяй, сами прогонят из бригады, а моя совесть будет чиста». Но как назло, никто не говорил Мутгараю обидных слов, терпели почему-то. И все еще терпят. Сколько можно?.. А на полях уже запели комбайны. Интересно, как в этом году хлеба? Сколько выходит с гектара?

Однажды Мутгарай встал пораньше, тщательно побрился, будто собирался в гости, и отправился за реку Сагындык, откуда всю ночь слышался гул комбайна.

Вот он, красавец! Хорошо знакомый Мутгараю «С-4» проплыл мимо, пошел на большой круг и вот уже он берет другой конец поля. Над ржаным морем был виден только его белый зонтик.

Мутгарай придирчиво осмотрел стерню, кучи соломы, ровность среза и понял, что здесь работает пачкун какой-то, а не комбайнер. А про Мутгарая в свое время говорили, что он хлеба не косит, а бреет, как парикмахер. На участках, где он убирал, срез был ровный, низкий, солома ложилась в строго параллельные золотые рядки. И свои и приезжие ахали — мутгараевский комбайн будто магнитом втягивал колоски. Годами портрет Мутгарая не снимался с колхозной доски Почета...

А здесь? Здесь никто и не упоминает его имени. Даже не хотят зачислить в самые плохие бурильщики. Жизнь бродячей собаки — вот это что.

Он сел в солому, с наслаждением вдыхая ее сухой дух, стал дожидаться комбайна. Комбайнер оказался совсем

сопливым, безусым юнцом. Наверно, только этим летом и обучился. Как можно таких сажать за штурвал машины?

Поравнявшись с Мутгараем, парнишка остановил комбайн и прыгнул на землю.

— Нет ли папироски, дядя? — развязно спросил он, стараясь показаться бывалым мужиком.

— Неужели ты уже курить умеешь?

— Ха! А ты комбайн водить умеешь? — снисходительно спросил парнишка, желая, видимо, сразить Мутгарая.

— Умею, — тихо сказал Мутгарай.

Парень смутился, а Мутгарай, положив папиросы и спички на солому, решительно поднялся.

— Тогда вот что. Машина не должна простаивать. Ты покуда покури, а я сделаю круг.

— Да, пожалуйста! Хоть сто.

Когда Мутгарай сел на пружинное сиденье комбайна и почувствовал руками штурвал, его охватило ощущение свободы и счастья. Переключил скорость, нажал на педаль. Через ступни по всему телу пробежала трепетная дрожь. Ах, хорошо! Слабо покачиваясь, комбайн медленно тронулся. Крылья хедера нагнули к резцам первые колосья ржи. Хорошо! Вот уже три года, как Мутгарай не испытывал такого. А жизнь течет и течет, не поймаешь...

Все эти три года Мутгарай пытался забыть день, когда он покинул родное село. Не получалось. День тот прежде всего вспоминался серым жеребцом. Сильным, с жаркими розовыми ноздрями рысаком, запряженным в легкую коляску с красным полотнищем и колокольчиком на дуге.

У Мутгарая в соседней деревне была любимая девушка Халида. Он познакомился с ней в гостях у зятя. Девушка была живая, как ручей, острая на язык и работающая. И, наверно, она знала тайну, как влюбить в себя с первого взгляда, причём так, что ни забыть, ни успокоиться. А Мутгарай до этого ни с одной не дружил, ни разу в жизни еще не подержал девичью руку в своей руке. Увидел он Халиду и пропал. Халида иногда приходила в их село под разными предлогами, а Мутгарай совсем туда зачастил — будто бы повидать сестру и зятя, будто бы по родным соскучился. Так прошел год. В деревне Халиды все удивлялись: «Такая золотая девушка! У нас есть отличные парни, чего же она нашла такого в этом чурбане?»

Потом решили, что дело ясное — ведь у него зять председателем.

В самом деле, на селе многие ухаживали за Халидой. Стоило ей только выйти на улицу или появиться в клубе, она тут же попадала в такое окружение парней, что палкой не разгонишь, но вот чудо — девушка на них и не глядела, только посмеивалась про себя. Мутгарай наконец сказал Халиде слово, и она сразу согласилась. Жених пообещал после захода солнца приехать за Халидой на сером жеребце.

А этого серого жеребца знала вся округа. Он был в колхозе единственным племенным производителем, содержался отдельно, во дворе правления, и его берегли как зеницу ока. Только изредка председатель Салимгарай запрягал серого для поездок в район да провожал на нем самых дорогих гостей. Кроме председателя, никто не имел права даже ласкать жеребца.

Мутгарай и сейчас не понимал, и до сих пор жалеет, почему ему взбрело в голову попросить именно этого жеребца, за гриву которого председатель держался руками и ногами. Мог бы взять любую другую лошадь. Не дал ему Салимгарай свою «зеницу ока».

— Я очень тебя уважаю, Мутгарай, братец, ты наш самый передовой комбайнер, но жеребца дать не могу, — решительно сказал Салимгарай. — Жеребец только что с дальней дороги, из района, не могу...

— Салимгарай-абый, да ведь я еду за невестой, это бывает один раз в жизни! Пожалуйста, выручи.

— Не могу, братец! Жеребец не мой, а колхозный. Собрание же не станем по этому поводу собирать...

— Да ничего не случится! Подумаешь, пятнадцать — двадцать километров. А, Салимгарай-абый?

— Проси жену — отдам, а жеребца не дам. Нельзя, — закончил разговор Салимгарай, не оставив парню никакой надежды.

Надо было плюнуть, запрячь другую лошадь и поскакать к Халиде. Но ведь зло всегда впереди ходит — Мутгарай вдруг вспомнил, сколько он пыли проглотил за штурвалом комбайна, сколько гектаров убрал, сколько почей не спал в поле... От позора он в ту же ночь покинул деревню. Уехал куда глаза глядят.

А Халида, сидя на сундуке с приданым, до утра плакала и ждала Мутгарая. Потом через мать передала слово

одному парню, который давно сватался к ней. Тот сразу прибежал, и свадьба сладилась.

Сколько пережил Мутгарай из-за того серого жеребца! Ушел из родного села, потерял Халиду, расстался с любимой работой, ничего не нашел...

Мутгарай заканчивал первый круг, а парнишка-комбайнер все еще спокойно спал на соломе. «Ладно, пусть поспит, устал, наверно. Сделаю еще круг», — решил Мутгарай, проезжая мимо парня медленно, на малых оборотах, боясь его разбудить. Но и после второго круга молодой комбайнер не проснулся. «Беззаботный. Хорошего комбайнера из него не получится», — решил Мутгарай и нажал на газ. Комбайн громко зарокотал, однако парень не шевельнулся. «А, черт с ним, пусть дрыхнет... Работничек!..»

И уже с другого конца загона он вдруг заметил среди ржи машущую ему платком женщину. Что такое? В одной руке женщина держала ведро, в другой — большой красный узел. Все ясно — повариха, как и в родном колхозе, несет комбайнеру обед. Мутгарай остановил машину, и тишина окутала его, только рожь шуршала.

— Камиль, негодник, почему не идешь обедать? Я кричу, кричу. Батрачка я тебе, что ли? — повариха ругалась, не замечая Мутгарая. Имя комбайнера она произносила по-своему — «Кямиль», делая при этом губы бантиком.

Через высокую рожь добралась до комбайна и удивленно застыла.

— Вот так блин, а я думала Кямиль! — она испуганно прикрыла рот передником. — Черти, что ли, его подменили?

— Неужели я похож на черта? — засмеялся Мутгарай, вытирая тюбетейкой потный и пыльный лоб.

Женщине все еще не надоело удивляться. Она обошла вокруг комбайна, недоверчиво и растерянно огляделась по сторонам.

— О, господи! Куда же это я, дура, забрела? Неужто здесь поле чужого колхоза?

Кажется, собралась уходить. Давно Мутгарай не смеялся с таким удовольствием и, может впервые за три года, будучи трезвым, забыл все плохое.

— Не спеши, не спеши! Садись ко мне, поехали к твоему Камиллю.

— Где же он? — округлила женщина глаза. — Ты правду говоришь?

— Через минуту встретитесь.

Повариха, с сомнением покачивая головой, подошла к комбайну, подала узелок, потом ведро. И растерялась, не зная, как влезть. Она было взялась подбирать подол, но сильные руки Мутгарая подхватили ее и подняли в кабину. Мелькнули круглые колени, теплое и мягкое тело коснулось Мутгарая.

По пути он поглядывал на эту простую и милую женщину, на ее полные руки, схватившиеся за раму.

— Камиль — это муж твой, что ли?

— И-и, Камиль еще ребенок! — засмеялась женщина. Потом вздохнула: — Мой муж давно уже за Магдиевым полем.

— Что это за поле?

— Место, откуда не возвращаются. Врагу не пожелаю тех дней, о господи!..

Когда Мутгарай узнал, что за каким-то Магдиевым полем располагается сельское кладбище, он еще раз взглянул на женщину. Такая красивая и молодая осталась без мужа...

— Отчего же он умер?

— Поехали лес готовить. Деревом...

Женщина грустно смотрела на стоявший вдоль поля лес.

— Давно? — спросил Мутгарай.

Желая лучше расслышать, он даже замедлил ход комбайна, но женщина молчала, отвернувшись.

— И дети остались? — осторожно, участливо спросил Мутгарай.

— Не успел увидеть. Теперь уже дочурке скоро три годика...

Разговор прекратился, они подъехали к парню. Тот даже не шелохнулся.

— Чего лежишь, негодник! — стала тормозить парня повариха. — Пока тебя искала, суп совсем остыл!

Мутгарай посмотрел на часы и заспешил.

— В общем так, — сказал он протирающему глаза парню. — Мотор у комбайна хороший. Надо бы посмотреть мотовило, смазать цепи. Да, и не забудь чуть опустить и отрегулировать хедер — он у тебя бьет колосья. Пока!

Мутгарай пошел к лесу, но парень вскочил, догнал, схватил его за рукав. Подбежала и женщина, которая до этого расстилала на земле скатерть.

- Это что такое — уходить, бросив еду!
- Надо заступать на вахту.
- Не говорите пустое! — схватилась и повариха за другой рукав Мутгарая. — У нас стол не покидают. Такого обычая нет! Это что за такое?!
- Спасибо, спасибо. Спешу.
- Постой! Кто же ты и куда спешишь?
- Завтра ещё приду. До свидания.

Оставив удивленного комбайнера и совсем уже недоумевающую повариху, Мутгарай по лесной дороге направился к буровой

6

Первая неделя в Язтургае выдалась хлопотливой — отладка оборудования, бытовое устройство, то да се. Но дело пошло. Были пройдены начальные сто метров к девонским пластам. Разведчики уже успели дать с глубины образцы пород и, если верить геологам, Язтургайская площадь обещала быть очень своеобразной, совсем непохожей на другие. Короче, ожидались плохие или хорошие чудеса. Разумеется, буровики-то надеялись на открытие больших запасов — на что еще в жизни может надеяться буровик?

Жизнь палаточного городка вошла в привычное русло. По проекту Кадермата была достроена земляная баня, а также сооружены прачечная и кухня. Буровики сделали между палатками дорожки, установили написанные на красной материи и фанере лозунги и плакаты. Теперь со всех сторон поляны кричали призывы: «Развернем борьбу за досрочное выполнение плана бурения!», «Будем бороться за бурение 7 тысяч метров горных пород в год!» И так далее. Все это изготовил признанный художник бригады Миргазиян.

Способность Миргазияна к рисованию выявилась в первые же дни прихода его в бригаду. На собраниях он доставал карандаш, блокнот и начинал что-то набрасывать. Посмотришь, уже через минуту блокнот пестрит какими-то крючками, диковинными домами, причудливыми пирамидами, куполами церквей и мечетей. Но вот он добирается до присутствующих. Тут и заснувшие, и худой, с выступающим, как у старухи, подбородком Зубаиров, и голова-тыква Мутгарая в тубетейке, и соколиный нос Саакяна.

Излюбленная тема Миргазияна — вахта Валентина: уж больно все там подходит для шаржей! Тин-Тиныч своей кудрявой головой ушел в огромную бескозырку. На волнистых лентах надпись «Тихоокеанский флот». Рядом с ним восседает, показывая свои кабаньи зубы, Фархутдин, рот его, как всегда, до ушей. Чтобы нарисовать глаза Сапарбая, Миргазияну достаточно две черточки вразлет — получается вылитый Ускенбаев. Проще всего с верховым Назипом — он изображается вороной на вышке, только и делов.

Миргазиян в комсомоле не состоял, но все же однажды комсорг бригады Валентин пригласил его на собрание. «Хорошо знаем, что твои руки могут держать карандаш, — сказал он. — И ты не имеешь права разменивать свой талант на мелочи. Поручаем тебе оформление палаточного городка». С того дня Миргазиян числится художником стенной газеты буровиков.

С приходом в газету Миргазияна она неузнаваемо изменилась. Раньше это была обычная «Колючка» с примитивными карикатурами и заметками. Миргазиян стал делать в «Колючке» цветные рисунки, а подписи к ним сочинял сам Тин-Тиныч — был он большим мастером писать стихи на тему и мог даже складывать частушки.

Сегодня, запершись в вагончике буровой и не пуская туда даже самого мастера, Тин-Тиныч и Миргазиян занялись выпуском очередного номера. Рождение смешных и острых стишков сопровождалось знакомым дуэтом — Валентин вдруг взрывался громовым хохотом, а Миргазиян мелко хихикал, словно грыз сухари. Видимо, на этот раз они были особенно довольны своей работой.

Буровики стучались в дверь:

— Эй вы, черти полосатые! Оставьте и нам немного посмеяться.

Перед сменой вахты газету повесили. Бросив даже очень срочные дела, буровики собрались у вагона. Свежая газета всегда вызывала интерес, смотреть ее приходил даже Еланский, который знал одно развлечение — гири.

Да, это была не какая-нибудь там жалкая «колючка», а разветвленное колючее дерево, кактус в виде дуба. На огромном, как экран, листе, занимающем половину стены вагончика, в глаза бросались репинские «Бурлаки на Волге», точнее, миргазияновские буровики на нефтяной площадке, тянущие не баржу, а буровую вышку.

— Вот свиньи, так исказить Репина, — проворчал Зубаиров, узнав себя, и как ни старался скрыть улыбку, не сумел.

Зубаиров шел впереди всех, налегая телом на лямку. С его длинного подбородка обильно капал пот. Рядом с ним три его помощника. Вот длинный, усатый, с трубкой в зубах Кадермат. Тащится с усталым видом Тин-Тиныч, держа в руках драную бескозырку, и тут же носатый Сааян, придерживает лямку носом.

— И что вы пристали к моему носу! — возмутился Сергей, вызвав громкий смех.

— Посмотрите на Сапарбая, на Сапарбая!

— Гляньте на Мутгарай! Где сам Мутгарай?

— Фархутдин, братец, это же ты! Что-то лямка у тебя вроде провисла?

— Встретится еще мне этот художник в темном переулке!

Художнику в самом деле «бурлаки» удались. Каждый был запряжен с учетом его места на буровой, оценен по характеру и труду. Мутгарай, скажем, шагает с таким видом, что, мол, можно тянуть, а можно и не тянуть, перебьются. У Фархутдина вид напряженный, но лямка натянута слабовато. Сапарбай взялся сразу за две лямки, однако видно, что силенки у него на исходе, едва плетется сзади. Еланский с гириями в руках — они его до земли согнули. Миша Кубрак рот раскрыл и руку отвел — сейчас запоем, а Назип вверх смотрит, готовится взлететь, крыльями уж взмахнул.

Остальная часть «Колючки» состояла из тематических шаржей и стихов о людях и событиях. «Колючка» всем воздала по справедливости, никого не забыла. Правда, одних только царапнула, других чувствительнее кольнула, а некоторых исколола в кровь.

Вот на телеге Мутгарай. Видны только его тюбетейка и бутылка водки. Под карикатурой стихи:

Ехал бы на своей телеге
Мутгарай, странный тип!
Ненужен совсем бригаде,
Ему буровая до фени.

— Хорошо сказано, черт возьми! — Еланский даже прищелкнул языком.

— А ты на себя-то посмотри, на себя!

Еланского подтолкнули вперед. На рисунке стоял чудо-богатырь Геннадий Еланский и поднимал одновременно семь двухпудовых гирь.

В охотку он поднимает
Семь и более гирь,
Но на работе ленится
Даже гайку прикрутить!

Еланский тихо удалился. Теперь уже буровики смеются над Фархутдином. Он изображен в виде лисы, которая с мешком на плечах возвращается на буровую. Из мешка выглядывают множество женских головок. Под рисунком значится: «Жертвы Фархутдина».

— Раздули! Это ложь! Мне и во сне не снилось одновременно столько женщин! — пытается оправдаться Фархутдин. — Ну, погоди, попадется мне этот незаконнорожденный сын шайтана!

В нижней части «Колючки», как обычно, — загадки. И тут же ответы. «Сам на буровой, глаза на деньгах. Кто это?» Внизу нарисован Сапарбай вверх ногами. Один его глаз смотрит на буровую, а другой в кассу. «И не лает, и не кусает, и не отпускает. Это кто?» «Это — мастер Зубаиров, который по два года не дает людям отпусков». «Буровая есть, а людей нет. Это что такое?» «Это вахта Кадермата, состоящая из трех человек». Там же и вопрос в лоб: «Когда же думаете, мастер, найти бурильщика?» Хотя Зубаирову этот раздел «Колючки» не особенно понравился, он остался доволен работой Тин-Тиныча и Миргазияна. Насмотрелись на стенную газету, насмеялись, разошлись по палаткам.

Кадермат прошлую ночь не мог заснуть — почему-то бредилося белорусскими лесами, где он когда-то погибал в топких болотах. С того все и пошло, завертелась жизнь, запуталась... Хоть часок соснуть днем. Вдруг у палатки загудела машина, и до его слуха донесся непривычный детский плач и женский голос, успокаивающий ребенка.

— Тихо, доченька, тихо. Мы уже доехали, видишь — доехали...

«Это же Райса!» — Кадермат по напевному говору узнал жену Зубаирова, быстро оделся и вышел из палатки. Незнакомый зеленый грузовик, в его кузове какой-то мужчина с большими чемоданами в руках. Женщина в желтой шапке, присевшая на подножку автомашины, что-

бы покормить ребенка. Да, это Райса. Только чего это она приехала так неожиданно, ничего не сообщив? Вся бы буровая подготовилась.

— Здравствуйте, Райса! — сказал Кадермат, приблизившись. — Хорошо ли доехали?

— Очень хорошо, очень хорошо, Кадермат, — запела Райса, стеснительно прикрывая грудь. — А где мастер?

Иногда она, как и буровики, называла Зубаирова «мастером».

— Мастер? На буровой, конечно! Где же ему быть? Сейчас придет. Только слышит про ваш приезд, бегом прибежит. В последнее время он только и говорил, что о дочери и жене, — добавил уже от себя Кадермат.

— Может быть, все может быть! — Райса сузила глаза. — Наверно, потому и приезжает раз в год!

— А как дочка? Дочка-то как? — спросил Кадермат, уводя Райсу от опасной темы. — Растет Ляля?

Райса взяла дочь на руки и стала подкидывать вверх.

— А что мне, скажи, дочка. Расту, мол, уже стала большой! На днях, мол, мне исполнится десять месяцев!.. А как дела у тебя, Кадермат?

— Хорошие у меня дела, Райса, — отвернулся Кадермат, как всегда.

Подшли буровики из других палаток. «Райса приехала, да, Райса приехала».

Пошли расспросы о здоровье, взялись передавать из рук в руки Лялю, несмотря на ее плач. Миргазиян побежал на буровую за мастером. Вахта Саакяна занялась вещами, размещением гостей. Кто-то разжег костер и повесил котел на тагане.

Райса застеснялась от такого внимания к себе. Ей даже подумалось, что это делается в угоду мастеру. Однако она знала, что ее тут уважали как единственную женщину, бывающую иногда на буровой. К тому же они побаивались ее врачебного контроля; даже в свои короткие поездки Райса наводит порядок в этом таборе.

Некоторые из ребят уже нырнули в палатки заправить койки, пересортировать содержимое тумбочек. Вон Мутгарай торопливо бреется. «Райса приехала, сейчас начнет вводить больничный режим», — говорили ребята.

Райса уже укладывала дочь спать, когда прибежал Зубаиров. С шумом ворвался он в палатку.

— Где моя дочь? Почему моя Ляля не выбегает на встречу и не кричит «папа!»?

Райса прижала палец к губам, скосила глаза на дочь, Отец умолк, на цыпочках приблизился к кровати, с восхищением разглядывая дочь. Обнял Райсу.

— Ну, жена, здравствуй! Приехала?

— Разве нельзя было, Фазыл?

— Да не ждал. Не сообщила же...

— Потому и приехала, что не ждал, — проговорила Райса обиженно. — Ты-то не приезжаешь...

— Видишь, Райса, — работа! Переезд. Налаживание буровой. На первой же неделе авария замучила. В небо глянуть некогда...

— И-и-и, Фазыл!..

Зубаиров не выдержал. Несмотря на возражения Райсы, он поднял с кровати спящую дочь и стал целовать ее личико, ручонки, розовые ножонки.

7

То, что палатка Зубаирова стояла рядом, не доставляло радости Кадермату. Мешали отдыхать машины, с шумом подъезжающие к мастеру, лезло в уши воркованье мужа и жены, которые так долго не виделись. Как только Кадермат ложился спать после вахты, то сразу, будто нарочно, голос Райсы начинал напевать: «И-и-и, Фазыл мой, золотце ты мое, колючка моя, иголочка...»

Кадермат поворачивался на другой бок, засовывал голову под подушку, но сон все равно не шел. Лежит Кадермат и, как мальчишка, дразнит супругов, повторяя слова Райсы: золотце, колючка, иголочка. Конфеточка помадная! Впрочем, «золотце» — понятно, ибо у Фазыла волосы золотисто-желтые. «Колючка» — тоже, так как Зубаиров вечно торопится по утрам и не пробивается как следует. А вот почему «иглочка»? При чем тут иголка? Почему это Зубаиров вдруг стал портняжной принадлежностью? Иголка? Мастер вообще-то у них мягковат и только старается казаться твердым. Это все равно что еж назовет свое дитя пушистым. А может, тут другое? Зубаиров, как иголка, воткнулся в сердце Райсы или, как иголка, терялся прямо на глазах? Или, как русские говорят, — жена за мужем, что нитка за иглой?.. «Ладно живут, словно молодожены, — признавал Кадермат. —

Но все же было б лучше, если бы они целовались по-тише!»

Однако все это, оказывается, были цветочки. Зрели ягодки.

Через неделю заболела Ляля. Ее ночной плач доносился до самой крайней палатки Тин-Тиныча. А Кадермат совсем замучился. По ночам он совал в карманы папиросы и спички, хватал одеяло и подушку, уходил из палатки на берег Сагындыка и там ложился. «Тоже мне врач, — ворчал он. — Собственного ребенка не может вылечить и успокоить!»

Уж сколько лет Кадермата мучит бессонница. Странная она какая-то у него. Шум двигателей, компрессоров, насосов, лязг железа ему не мешают. Он даже лучше спит, когда шумит буровая. Но его может разбудить писк мыши под крылом палатки, и он до утра уж не заснет, вспоминая страшный барак на чужой земле. Ровное гуденье леса под ветром, дождь, стучащий по брезенту, тоже отшибает сон, и он тогда ворочается, ворочается, травит воспоминаниями душу, словно залез в нее дьявол...

Пленных красноармейцев гнали, как скот, на запад. Спать они ложились прямо под открытым небом, плотно прижимаясь друг к другу, образуя одно изъямшее, продрогшее тело. Чтобы не примерзнуть к земле, кто-нибудь переворачивался с одного бока на другой, и все начинали двигаться, кашлять, стонать. Утром многие не могли подняться. Конвоиры их пристреливали.

Часть Кадермата оказалась в окружении дождливой октябрьской осенью. Батальон, потерявший связь с командованием полка, ожесточенно дрался с наступающими фашистами в полусотне километров западнее Брянска. Отчаянно атакуя, он в рукопашном бою выбил фашистов из одной деревни. Когда наступило затишье, остатки батальона собрались на окраине горящего села. Грязные, мокрые, донельзя усталые и голодные красноармейцы и командиры должны были вместе решить, что делать дальше. Выход был один — уходить в лес, что начинался за просторным выпасом. В это время подъехала легковая машина. Оттуда вылезли штабисты и объявили, что их батальон — последний остаток части. Полк окружен и рас-

сыпался по лесам и болотам. Среди приехавших Кадермат узнал троих: начальника штаба Козырева, его адъютанта Соболева и писаря штаба старшину Пиотковского.

С гимнастерки начштаба был содран один карман, на поясе болтался ремешок портупеи, белесые волосы прилипли ко лбу, глаза блуждали, не могли ни на чем остановиться. Он еще раз повторил, что Брянск в руках противника, командир полка по дороге убит и они находятся в глубоком тылу врага.

— Воинская часть как таковая уже не существует. И я слагаю с себя все обязанности! — вдруг закричал начштаба. — Пленение считаю позором. Предпочитаю уничтожить самого себя!

Перед оцепеневшим батальоном майор быстро вынул пистолет из кобуры и выстрелил себе в висок. В жуткой тишине он рухнул на крыло машины.

— Дур-р-ак! — ринулся к нему капитан Соболев, но вдруг остановился и тоже вынул пистолет. — Ни с места! Смирно-о-о! Полк существует и борется с врагом!

Он бросился к машине. На глазах у замершего батальона Соболев содрал полотнище полкового знамени с древка, свернул его и спрятал за пазуху.

— Полк, за мной! — скомандовал капитан, подняв револьвер над головой. — В лес!

Лес был маняще близок, и Соболев принял тогда единственно правильное решение. Деревню взяли наскоком, из этого леса, и немцы вроде бы даже охотно откатились в сгоревшее, слегка всхолмленное поле, что тянулось вдоль желтого лесного окоема. В той стороне рычали далекие танки, лениво и редко били по селу из своих пушчонок. Идти через село и дальше, открытой дорогой, по которой пробились штабисты, невозможно: батальон стал бы просто живой мишенью. И сейчас нельзя было терять ни минуты. Однако это единственно верное решение стало роковым для остатков полка.

Батальон ринулся из деревни. Кадермат бежал вслед за Соболевым, хотя тот кричал, чтоб не сбивались в кучу, рассредоточивались по всей ширине поскотины. Но каждому хотелось поскорей достичь спасительной чащи, которая, как оказалось, таила главную опасность. Кадермат с ужасом увидел, что навстречу, гремя гусеницами и сотрясая землю, выползают немецкие танки, плюющие огнем. За ними показалась густая колонна мотоциклистов.

Самого страшного Кадермат и не видел почти: бежал, не спуская глаз со спины капитана Соболева. Люди падали, сраженные огнем, метались по полю. Некоторые повернули назад, в деревню, которая стала для батальона настоящей мышеловкой. Многие с диким воем, сжимая в руках гранаты, бросались на танки и погибали под гусеницами. А Кадермат бежал и бежал, стреляя на ходу в сторону мотоциклистов, что торопливо спешили и залегли, поливая бегущих автоматными очередями...

Перед самым лесом, в кустарнике, Кадермат потерял из виду капитана Соболева. И уже в сумерках, забившись один в густую чащу, Кадермат заплакал. Не от радости; что целым пробежал сквозь верную смерть, и не от страха. Плакал от горькой обиды, от позора, от горечи поражения, от жалости к самому себе. Плакал как мужчина, — глухо, мучительно рыдая, беззащитно и жалобно, как эта больная девочка Зубаировых...

В палатке мастера скоро стало спокойнее. По утрам бурувики видели, что Райса развешивает пеленки, подходили, интересовались здоровьем малышки.

— Корью переболела...

Фархутдин удивленно хлопает ладонями по бокам:

— Ты скажи — даже дочь такого врача и такого мастера заболеть может!

— А голос крепкий объявился! — удивляется Кадермат. — Как у Зубаирова, когда он над нами строжится.

— Вы еще не слышали моего голоса! — улыбается Райса.

— Слышали, слышали! Еще как слышали-то! «Золотце», «иголочка».

— Неужели слышно? — краснеет Райса и убегает в палатку.

Не прошло и недели после выздоровления ребенка, как из соседней палатки стали доноситься совсем иные слова. Сначала Кадермат подумал, что это шутливый разговор, но когда поневоле прислушался — не будешь же затыкать уши ватой, черт возьми! — то понял: Зубаиров и Райса скандалят. Вот тебе и молодожены!

— Говорю же, ты должна уехать!

— Тебе тесно, что ли?

— Это рабочее место — понимаешь? Мы не на курорте!

— Что мне делать в Бугульме? Охранять квартиру и ждать тебя? Довольно. Долго охранял уже!

— Глупая! Как тут жить в палатке с ребенком?

— Говори, что хочешь, но я не уеду!

Для Кадермата это было неожиданностью. Вот чудеса! Приехавшая на месяц в отпуск жена Зубаирова хочет остаться с ребенком на буровой!

Зубаиров же все уговаривает Райсу:

— Ты подумай головой, Райса, здесь ты никакой пользы мне не принесешь.

— А ты только о своей пользе думаешь. А обо мне ты подумал?

— Ты же пример другим показываешь! Глядя на нас, все они начнут жениться и вести на буровую своих жен. Ведь тогда разведка превратится в детский сад! И Ляльку мы тут загубим.

— Не уеду, и все! — со слезой в голосе кричала Райса.

Кадермат вообще-то решение Райсы нашел правильным. В самом деле, имея мужа, не должна же она жить вдовой! Скоро похолодает, начнутся дожди, разведчики, как обычно, переберутся в деревню, и будет теплая изба, какой-никакой, а угол. Немного бы терпенья мастеру, и все наладится. Да и о ребенке ему надо думать, а то что ж это за детство без отца? Кадермат ни за что не жил бы врозь с женой, имей он пусть не такую, как Райса, красавицу, а просто жену, лишь бы любила...

Кадермат с болью вспоминал свою Зумару. Она бросила Кадермата в самое трудное для него время. Нет, он не осуждал ее и осуждать не мог — Кадермат женился на ней, не решившись рассказать о своем прошлом. А разве шило в мешке утаишь?..

После женитьбы Кадермат не прожил в Баку и недели. Его отец, нефтяник-пенсионер, старый Имамутдин, спокойно сказал: «Сынок, уезжай-ка ты лучше отсюда. Мы, нефтяники, любим большую нефть, и она нас тоже. Вон в Башкирии открыли новое месторождение, и только там ты найдешь свою дорогу». Кадермат понял: в Баку, среди знакомых и родных, ему жизни не будет.

Вместе с Зумарой Кадермат приехал в Башкирию и сразу же устроился буровым мастером в одну из контор. Однако радость была недолгой — его потихоньку отстранили от работы, даже не удосужившись объяснить, в чем же конкретная вина Кадермата. Огорченная жена недо-

умевала, и тогда-то Кадермату пришлось признаться во всем. Зумара была потрясена. «Почему же ты этого не сказал мне раньше, почему скрыл?» — плакала она, заламывая руки и дергая себя за волосы.

«Ладно. Была бы шея — хомут найдется», — подумал Кадермат и уехал с женой в Куйбышев. «Место мастера? Хо, брат, таких, как ты, нам подавай!» — встретили его, посмотрев диплом. Но когда он сдал личное дело, заговорили совсем по-другому: «Придешь через два дня». Через два дня: «Место все еще не освобождается». А когда наконец освободилось, отказали окончательно: «Из института прислали молодого специалиста, а ты техник»... Кадермат сказал, что готов на любую работу по специальности. «Да, но у вас был большой перерыв...» Потемнело в глазах. Он закричал зубами и раненой ногой пнул дверь — заглушить болью отчаяние, поскорей наружу, чтобы не сотворить что-нибудь непоправимое...

Да, у него был большой перерыв. Шесть лет. Лучше б их не было совсем, этих шести и всех последующих лет! Лучше б тот маленький футлярчик с его фамилией и адресом кто-нибудь нашел на нем тогда, развинтил и сообщил отцу в Баку: «Ваш сын доблестно погиб...»

Каждый день, уходя из дому, Кадермат уверял жену, что сегодня приступит к работе, но возвращался ни с чем. Опухшие от слез глаза Зумары стали совсем чужими. К тому же не осталось денег, чтобы заплатить за квартиру, и даже в еде они себя начали ограничивать.

— Скажи, Кадермат, — истерично спросила наконец Зумара. — Неужели ты всю жизнь собираешься так обманывать меня?

— Успокойся, потерпи, переменится жизнь, — попытался он уговорить жену, но Зумара зарыдала и опять стала дергать себя за волосы.

У Кадермата не осталось ни терпения, ни возможности искать работу по специальности — он устроился на материальный склад разгружать трубы. В тот день он вернулся домой в покрытой железной ржавчиной спецовке.

— Все понятно, — сказала Зумара, взглянув на мужа совсем потухшими глазами. — Прощай. Я ухожу...

Кадермат с опущенной головой сел на стул. Зумара не спеша собрала вещи, спокойно уложила их в чемодан и тихо, как кошка, вышла из комнаты. Кадермат только печально посмотрел ей вслед.

Ведь все рассказал ей честно, как было, хоть, конечно, и с запозданием. Не поняла женщина, не поняла. Может, не поверила. Все бы он для нее сделал, если б поняла и простила!.. А за что, собственно, прощать-то? В чем его вина? Где его ошибка? Кадермат до сего дня не может разобраться...

Да, он был в плену. Многие там были. Кто попал раненый, без сознания, кто сдался сам. Кадермат был ранен, но легко. Сдался в полном сознании, сам, и, может, здесь его ошибка, но какой у него был тогда другой выход? И не в этом даже дело! Дело в полковом знамени. Говорил же комиссар: знамя — сердце полка. И он один мог вернуть этот символ воинской чести. Вот что мучило Кадермата...

Часть разгромленного батальона чудом уцелела, бойцы укрылись в лесу. Но танки долго и безнаказанно обшаривали лес, сминая кусты и обваливая деревья. Со всех сторон слышался треск автоматов, резкие хлопки винтовок, взрывы гранат и предсмертные крики. Кто стрелял, кто кричал, кто остался в живых, Кадермат не знал. Пока совсем не стемнело, немцы разыскивали и добивали раненых красноармейцев. Плача, Кадермат лежал под кустом. Он был практически безоружен. Гранаты все распхвирял во время страшного прорыва. Теплая еще винтовка без единого патрона лежала рядом.

Наступила полная ночь, в лесу стало тихо. Он вылез из своего укрытия. Услышав неподалеку стон, шагнул туда, но почувствовал острую боль в правой ноге. Сел. Ранен? Пощупал ногу, обнаружил маленькую дырочку в сапоге и теплую кровь за голенищем.

А стон поблизости усилился. Опираясь на винтовку, Кадермат дохромал до человека, лежащего лицом к земле. Нагнулся и узнал капитана Соболева. Дотронулся до его горячего плеча, но тот очнулся и закричал: «Не подходи! Застрелю!» Кадермат увидел, что капитан пытается вынуть из кобуры револьвер.

— Это я, товарищ капитан, рядовой Имамутдинов из третьего батальона.

— А я подумал, что немец...

Присмотревшись, Кадермат увидел на правом плече Соболева черное пятно, которое расплывалось к поясу и шее. Он снял гимнастерку, разорвал нижнюю рубашку на ленты и плотно, через шею и под мышку, обмотал плечо

капитана, потом себе ногу. Полегчало. Пуля, видать, едва задела ткань, кость цела. А Соболев бредил остаток ночи. Громко кричал, отдавал какие-то команды, кого-то ругал на чем свет стоит.

На рассвете открыл глаза. С удивлением посмотрел на Кадермата, будто что-то вспоминая. Потом, еле шевеля губами, спросил:

— Какой роты?

— Второй.

— Молодец, хорошо дрался. Лично видел..

Что там мог увидеть капитан — неизвестно, если и сам Кадермат очень смутно помнит прорыв в лесу. Только один момент запечатлелся в памяти — это когда он уже пробежал мимо горящего танка, сквозь дым, Кадермат швырнул через голову Соболева две последние гранаты и кинулся на взрывы. Увидел прямо перед собой немца, приподнявшегося над мотоциклом в дыму и пыли, с размаху ударил его прикладом по голове. Рядом мелькнул капитан, стреляющий из револьвера по сторонам. Вслед за ним Кадермат прыгнул в низкий кустарник — лишь бы не отстать.

И вот они идут вдвоем. Кадермат упрямо тащил бесполезную теперь винтовку, чтобы легче было ступать на раненую ногу, выломил себе палку с сучком. Идти можно, только вот капитан на каждом шагу останавливается, прислоняется к дереву и тяжело дышит. Оказалось, он был ранен не в плечо, а в грудь, потерял много крови. «Кружится голова, все плывет», — бормотал он.

Деревья тут стояли гуще. Земля была сырой. Превозмогая боль и усталость, шли и шли. Казалось, что они уже в самой глубине леса, думалось, что спаслись. Вдруг послышался далекий лай собак и треск автоматов. Приостановились. Да, немцы решили еще раз прочесать лес.

Кадермат снова прислушался. Сомнений нет: собаки взяли их след. Лают наперебой, тянут в одном направлении — сюда, к ним. Не уйти.

Зачавкала под ногами пропитанная водой земля, жесткая ржавая осока зашуршала. Болото! Кочки, тухлые разводья, тина и густые камыши, из которых торчали черные семенники. Туда! Метров через сорок—пятьдесят провалились. Кадермат поддерживал Соболева и поэтому стоял глубже. Холодная вода подступила прямо под сердце,

которое било гулками толчками. За камышом ничего не было видно, кроме низкого серого неба, но в глазах Кадермата стоял их неровный след по девственной болотной траве, подсохшей местами, ломкой. И без собак этот след ничего не стоило заметить.

А собаки приближались. Кадермат знал, что немцы своих овчарок специально натаскивают на людей, учат этих звероподобных тварей хватать жертву за горло, бросаться сзади на спину человека и вгрызаться в шею. Нет, лучше уж пуля... «Живыми не сдадимся», — сказал капитан. Он перед болотом вынул свой револьвер и сейчас держал его у плеча, сухим.

Сначала к болоту, бешено лая, подбежали собаки. Потом слышались другие отрывистые лающие звуки — немцы. Совсем рядом. Что-то обсуждают, спорят, но в болото никто, видно, не решается лезть. Собаки тоже не идут, хотя хозяева науськивают их, бьют ремнями, пихают ногами. Слышался треск моторов — кружным путем, прогалинами, подъехали мотоциклисты. «Рус, сдавайс!» — уловил Кадермат и шепотом ответил одним грубым русским словом. Ветер принес острый запах бензина. Сливают они его, что ли? Вспыхнуло высокое пламя у берега. Да, задумали поджечь камыши. Едучий дым пополз, но болото не загорелось: камыши были еще зелеными, и вчерашний дождь хорошо промочил болото. Фрицы начали палить из автоматов по камышам. Взулькивала вода вокруг, подламывались подрезанные пулями семенные стебли, но Кадермата и Соболева, к счастью, не задело.

«Они не уйдут, пока нас не убьют или не схватят, — зашептал капитан, придя к определенному решению. — Они точно знают, что мы здесь. Может, кто-нибудь не выдержал и сознался, что полковое знамя тут, в лесу... Ты еще можешь идти. Бери знамя и уходи. Я их задержу... Жми!»

Это было последнее слово капитана «Жми!» — еще раз яростно прошептал он. Кадермат взял знамя, засунул его под гимнастерку, пополз в густом камыше, почти вплавь, к лесному клину, что виднелся за болотом. Он был уже недалеко от деревьев и сухой земли, когда услышал пистолетные выстрелы и ответный рев автоматов...

Сквозь дым он успел увидеть кучу немцев на той стороне болота, за камышами, а они его не заметили. Побе-

жал, но сил почти не оставалось и болела нога. Дрожа всем телом от озноба, Кадермат сел отдохнуть. Неужто спасен? Надо вставать и идти, идти, идти в глубину леса. Спасен?! В сторонке снова послышался собачий лай. Со всем недалеко. Побежал. Нет, не спастись. А знамя? Кадермат решил спрятать его. Несомненно, это был правильный выход. Он, рядовой Имамутдинов, — одно, а знамя — другое. Оно не должно попасть в руки врага. В мягкой подстилке под деревом выкопал небольшую яму, снял с себя гимнастерку, завернул в нее знамя, закопал, разровнял землю, засыпал опавшим дубовым листом. Осмотрел местность. Два дуба, сросшиеся на одном корне. Толщина корневища — около метра, высота дерева — около двадцати. Рядом молодая сосна. Координаты такие — от болота на запад примерно полтора километра. На север просвет, опушка леса — метров двести, не больше. Один такой тут раздвоенный старый дуб и совсем рядом юная сосенка...

Волоча ногу, задыхаясь, Кадермат из последних сил попылся уйти из редколесья в чащобу — надо запутать следы, увести собак от места, где зарыто знамя. Однако на старой траве оставался заметный след, и чащобы никакой не было вокруг — поляночки с молодой лесной порослью, грибами пахло, и в одном месте он мельком увидел семью больших боровиков, свежих, крепких, несказанно красивых.

Собачий лай приближался, и Кадермат с ужасом представил, как серый зверь бросится сейчас на его голую спину и вгрызется в шею. Лучше сразу пуля, сразу. Только сразу. Собаки были уже совсем близко, рядом. Кадермат полез на густую ель. Откуда-то в руках сила еще взялась, а раненая нога висела, тянула своей тяжестью вниз...

Немцы пробежали было мимо, но собаки, проклятые, вот они, бросаются на ствол, прыгают вверх, свирепо грызут нижние ветки... «Сейчас подстрелят, как белку, я рухну вниз, на раненую ногу, и меня разорвут собаки, — думал Кадермат, прислушиваясь к приближающимся голосам врагов. — Только бы сразу, сразу...» Он полез еще выше.

Солдаты подошли к дереву, залаяли, захохотали, показывая на него пальцами, закричали: «Рус, сдавайся!» Потом привязали собак и сели под деревом, время от времени

они устало вскрикивали: «Рус, сдавайс!» Кадермат уловил носом тонкий табачный аромат и подумал, что ему ничего на свете уже теперь не надо, только бы две-три глубоких затяжки. Один из немцев поднял автомат и дал очередь вверх, не глядя. Острая боль свела больную ногу. Руки враз ослабли... «Может, перед смертью дадут закурить?» — удивляясь сам себе, как-то даже вроде спокойно подумал он и бессильно сполз с дерева.

Фрицы засмеялись, увидев на его голом плече синюю татуировку — нефтяную вышку с бьющим врассыпную фонтаном. Показывали пальцами, что-то говорили, а Кадермат мрачно разглядывал их. Эту вышку он по молодости, по глупости наколол еще в техникуме, на первом курсе — все ребята кололись, и он наколол. А немцы все хохотали, и он жестом попросил закурить. Дали, поднялись. Один из них повел автоматом: «Комм!» Он пошел, ожидая спасительной очереди в спину, однако они двинулись следом, сдерживая на ремнях собак. Снова заржали, когда он сорвал грибную шляпку и сунул в рот. Больше суток он ничего не ел. У деревни зачем-то заставили, грозя автоматом, снять с трупа телогрейку и надеть на себя...

Так началась его бесславная, адская жизнь военнопленного...

Зубаиров, когда узнал Кадермата в работе, а тот в двух словах объяснил ему свою историю, сказал: «Война без жертв не бывает, Имамутдиныч. И без пленных тоже». Но сам Кадермат, на своей собственной судьбе испытавший все, твердо знает: военнопленный, даже если нет у него никакой вины перед народом, живет угрызениями совести. Да, были бы у Кадермата тогда на поясе гранаты, он бы всех внизу положил с их собаками, и пусть бы и его самого порвало верхними осколками... Но он спас полковое знамя. Спас? А как подтвердить это? Ты был в плену, а сдача в плен — тяжкое преступление, позор перед Родиной и народом.

Кадермат свою судьбу проклинал вдвойне. Не оправдал он доверия капитана Соболева: последний, самый важный в своей жизни приказ, особое боевое задание он не выполнил. И все те страшные годы в нем жила надежда найти в брянских лесах знамя. Найти и доказать, что он не только пленный, но и спаситель драгоценной воинской реликвии!

Шелк хорошо лежит, долго не гниет в земле. И сначала должна сгнить гимнастерка, в кармане которой, конечно, цел-целехонек патрончик с именем и адресом Кадермата Имамутдинова. Если даже шелк истлел в сырости, то шитье, золотые буквы наверняка все целы!..

Родные собрали деньги, и Кадермат приехал в ту деревню. Но у знакомого болотца увидел он пни. Тысячи пней вместо дубняка, все одинаковые среди густого папоротника и сныти, пни на десятки гектаров! Леса у деревень свели на нет немцы, боявшиеся брянских партизан. Люди, оставшиеся на оккупированной территории, использовали ближайший лес для восстановления сгоревшего жилья и на топливо. Потом огненный пал прошел по нашей земле вторично, когда немецкие орды в панике бежали на запад и жгли за собой все и вся.

После войны отстроились заново колхозы, государство заготавливало лес для степных районов. Нет теперь на этом месте раздвоенного дуба и молодой сосны, нет леса, только пни...

Часто снятся Кадермату эти пни. Снятся то в виде бесконечных надмогильных постаментов, то в виде трепещущих на ветру знамен, то в облике человеческих голов, торчащих из-под земли. И все эти головы — соболевские, и все они смотрят на Кадермата и требовательно вопрошают: «Где знамя?»

Ужас сковывает Кадермата. Лежит он ночами без сна и вот уже принимает окончательное решение взять за два года отпуск, поехать снова на Брянщину, поставить у тех пней палатку и копать, копать, копать! Поднять в селе комсомолию, пионеров и с ними поискать. Но, может, тот пенёк заветный давно выкорчевали, а место распахали? Может, знамя нашли пахари? Да, надо снова ехать, а пока забыть бы все, не вспоминать. Пятнадцать лет прошло, пора. «И еще встретить бы простую работающую женщину, которая поняла б меня, — как бы я ее любил!» — думает Кадермат, завидуя Зубаирову и тому, с кем живет сейчас Зумара, и Тин-Тинычу с его сумасшедшей любовью, и беспутному Фархутдину, и даже Сапарбаю, который однажды намекнул Кадермату о снедающей его заботе.

Перед закатом солнца с буровой под руки привели Сапарбая. Тин-Тиныч с Фархутдином проводили его к палатке мастера. Райса и Зубаиров ужинали. Они выскочили из-за стола.

— Что с Ускенбаевым?

— А черт его знает, что с ним! — развел руками Тин-Тиныч. — Спотыкается и на все натыкается.

Мигая глазами, Сапарбай стоял молча.

— Слепой он, ничего не видит! — добавил Фархутдин. — Я ему подаю разводной ключ, а он, будто филии, уставил глаза мимо.

— Куриная слепота, — определила Райса, добавив: — И их, и губит же вас эта буровая...

Не от хорошей жизни покинул Сапарбай степь и родной кишлак. Как у всех, у них был свой, хотя и саманный, дом, были овцы, пусть немного, другая скотина была. Однако аллах не дал здоровья его отцу и счастья самому Сапарбаю.

Вернувшийся с войны Ускенбай, контуженный в голову и раненный в грудь, пожил немного. Перед смертью он позвал к себе старшего брата Суенбая. «У меня в легких осколок снаряда, — сказал он. — Мои дни сочтены. Прошу: Сапарбая не обижай, научи грамоте, воспитай, вырасти его, жени. Не забудь, что он помолвлен с дочерью Жаксыбая из Карал-Тубы, помоги ему завести семью».

Ускенбай еще не расстался с жизнью, а Суенбай уже пошел по дворам приглашать людей на рытье могилы. Увидел отец Сапарбая односельчан с лопатами, приподнялся на постели — страшны были его глаза в тот момент — и тут же свалился замертво.

В памяти десятилетнего Сапарбая сохранилось немного. Однако до сего дня сердце щемит оттого, что на второй же день Суенбай-ака загнал свой скот на их двор и, несмотря на плач матери и Сапарбая, забрал с собой все ключи от их сараев и кард.

«Все мне завещано!» — кричал он, кривя и без того кривой рот. Это запомнилось, а что означает «все завещано», Сапарбай тогда еще не понимал. Только потом уже понял, когда подрос.

После этого Суенбай-ака проторил дорожку между

двумя домами — ужинал у себя, а почесать приходил к ним. Из слезных сетований жены Суенбая мальчишка понял: будто и мать Сапарбая была «завещана» Суенбаю. Выходит, Суенбай-ака стал отчимом Сапарбая?!

Мальчишке хотелось учиться вместе со своими ровесниками, но Суенбай-ака о школе даже не вспоминал. С двенадцати лет он стал посылать Сапарбая пасти лошадей. Незаметно промелькнули юношеские годы, и пришло время Сапарбаю узнать, что в соседнем селе Карал-Тубе в роду Жаксыбая живет его нареченная Райхана.

Ему еще не было восемнадцати, когда он верхом на скакуне съездил на смотрины девушки. Райхану увидел со стороны, когда та несла воду из реки. Не понравилась. Высокая девушка со сросшимися бровями и тонкими икрами. В своем кишлаке он не рассказал ни одному парню, что есть у него такая длинноногая невеста. Не заговаривал он о Райхане и дома. Только бабка Сапарбая — восьмидесятилетняя старуха, повязанная под шапкой шалью, сидя на кошме, жаловалась: «Скота нету, калыма нету. Наверно, не увижу невестку Райхану, весной расстанусь с жизнью».

Она целыми днями повторяла, как молитву, эти слова и в самом деле весной скончалась. Вскоре умерла мать, и остался Сапарбай один на всем белом свете.

Следующим летом он увидел свою Райхану на скачках в игре кыз-куу. Вернее, на сей раз Суенбай-ака завел его в юрту отведать кумыса. Кумыс в пиале преподнесла сама Райхана.

Нет, эта девушка совершенно не была похожа на прошлогоднюю Райхану. Перед Сапарбаем стояла стройная, с длинными черными косами, спелая, как вишня, девушка. Ее сросшиеся у переносицы брови напоминали крылья ласточки в полете — стрелками в обе стороны!

Когда вышли из юрты, Суенбай сказал:

— Видишь, какую красавицу мы тебе наметили!

Парень нетерпеливо спросил:

— А почему мы не увозим ее, Суенбай-ака?

Суенбай многозначительно прищелкнул языком:

— Ничего ты не понимаешь, гой! Калыма недостаточно, калыма! Если бы калыма хватило, мы бы ее увезли сегодня! От рода Жаксыбая нам не удалось откупиться только скотом, гой!

Вот почему, оказывается, не везут в юрту Сапар-

бая Райхану! Чтобы увезти девушку, нужно было отдать ее отцу много скота, денег, одежды и еще кое-какие вещи. Только тогда понял Сапарбай причитания бабушки: «Скота нету, калыма нету». Оказывается, она не бредила.

И в то же время он никак не мог постигнуть одного: вот здесь, между двумя кишлаками, ежегодно устраивают погоню за девушками. В игре участвуют старшие нежепатые парни. Если верхом на лошади парень догонит и поцелует девушку — она становится его невестой. Интересно, отпускают тут девушку без калыма, или и за нее требуют тоже большой выкуп?

Хотя и давно это было, в детстве, но Сапарбаю случилось увидеть обряд доставки калыма в дом невесты. Хорошо помнит, наверно, потому, что была очень холодная осень. В ожидании подарка ему пришлось долго стоять на ветру, и он так замерз, что на завтра заболел.

Тем днем только и говорили в кишлаке, что старик Мулдобай выдает свою дочь. Ребятя бедноты такие моменты не упускает — мальчишки приходят к воротам и целыми днями мозолят глаза в надежде получить какой-нибудь подарок.

Сапарбай пошел босиком, в одной рубашке и даже без тубетейки. Долго дежурили у ворот, ожидая, что кто-нибудь выйдет из дома и осчастливит их. Но дверь не открывалась. Все замерзли, окоченели от холода.

Наконец кто-то крикнул:

— Калым везут!

И вот со стороны улуса появились празднично одетые молодые всадники. Все в ярких одеяниях, в красивых лисьих шапках. Размахивая плетками, лихо подскакали к дому невесты и что-то разом закричали — видимо, сообщили хозяину о своем прибытии. Но никакого еще калыма не было.

Скоро со стороны степи показались четыре подводы. Они двигались медленно, степенно, чтобы, наверно, было видно, какой тяжелый груз везут. Когда подводы приблизились к воротам Мулдобая, Сапарбай увидел в арбах подушки и перины, свернутые в трубы ковры и кошмы, чем-то заполненные тугие мешки, большой медный самовар. Подводы сопровождали бородатые старики в длинных полосатых чапанах и черных блестящих галошах на мягких ичигах.

И тут, важно поглаживая бороду, вышел из дома сам Мулдобай, какие-то гости, незнакомые Сапарбаю люди в цестрых чапанах. Начались приветствия наперебой, рукопожатия.

Не успели мальчики насладиться этим зрелищем, откуда-то пригнали к дому штук тридцать овец, несколько коров с телятами и даже одного бесхвостого ишака.

Сапарбай, смеясь, смотрел на Мулдобая, как тот недовольно почесал бороду, увидев ишака, потом начал деловито считать и ощупывать каждую овцу, крепко хватать их за шерсть и пинками направлять через ворота во двор.

Потом подошел Мулдобай к арбам и взялся разгружать барахло на землю. Старательно проверял каждую вещь, то нюхал, то пытался разорвать ткань руками. Разворачивал ковры и ползал по ним, раскатывая кошмы, выдергивал и смотрел на свет шерстинки. Вот взял в руки самовар, перевернул его вверх дном и зачем-то потряс. Потом все сбились в кучу — и те, что привезли калым, и встречавшие. Посовещались, поторговались, поспорили, потом забрали все вещи, унесли в дом. «Калым что-то больно богатый, — говорили люди у ворот. — Не много ли добра за кривобокую дочь Мулдобая? Может, жених с придурью или хромой?»

Мальчишкам все же раздали по конфетке и прянику. Сапарбай долго потом пролежал в постели, но зато увидел интересное зрелище! И все-таки чудно ему показалось — отец отдает свою единственную дочь за какие-то тряпки, за скотину...

Столько лет прошло с тех пор, а Сапарбай ни разу больше не видел, чтобы в дом невесты что-нибудь привозили. Началась война, молодые джигиты уходили на фронт и несколько лет о женитьбах не было слышно. После войны снова пошли свадьбы, но калыма уже никто не давал. Какой может быть калым, когда война разорила кишлак и люди жили кое-как, с одной-единственной коровой на семью, а некоторые и совсем без скота. Да и сама молодежь уже не хотела жениться по-старому, считая это позором для себя.

Время пришло другое, но Суенбай-ака, старый хрыч, одобряет дурацкий обычай. Не только одобряет, а все время только и твердит о калыме, ссылается па отца Сапарбая и отца Райханы. Конечно, отсталый человек. Но что

же делать теперь Сапарбаю, когда от дяди зависит и его судьба, и судьба нареченной невесты?

В тот день Сапарбай внимательно следил за ходом игры кыз-куу. Ему самому захотелось вместе со старшими парнями на горячем суенбаевском скакуне погнаться за Райханой. Если он поймает Райхану, отдаст ли ее отец без калыма? А не поймает? Вдруг у Райханы лошадь окажется быстрее, а сама она хорошей наездницей? А ну как Райхану догонят другие?

Вначале Сапарбаю показалось, что все парни гонятся за Райханой. У него даже голова закружилась. И он пустил своего коня за ней, но не догнал...

На следующую осень Сапарбай прошел комиссию, однако для армии его признали негодным из-за плоскостопия. Суенбай-ака пригласил его в свою юрту, угостил кумысом и сказал: «То, что в солдаты не взяли, хорошо. Года твои дошли, пора жениться. Но чтобы жениться, как тебе известно, нужно накопить денег, много денег... Учти, одной только пастьбой лошадей здесь на калым не накопишь...»

И стал подсказывать Суенбай-ака, заботливый брат отца, как можно накопить денег. Оказывается, их легко заработать в городе Алма-Ате, если устроиться там на какую-нибудь стройку. Много денег привозят и с шахт Джезказгана, но еще быстрее можно разбогатеть, если пойти в разведку, которая ищет воду в степи. Да, да! Старший сын знакомого Суенбаю Хиялетдина из улуса только год поработал с разведчиками воды, а привез полный мешок денег. За эти деньги он выбрал себе самую красивую в улусе девушку.

Стали готовить Сапарбая в дальнюю дорогу. Перед отъездом парень оседлал скакуна и поскакал в Карал-Тубу, чтобы увидеться и поговорить с Райханой. Сапарбай дважды объехал двор Жаксыбая на взмыленной лошади и, привязав ее, вошел в юрту. Самого Жаксыбая дома не было, и Сапарбая встретила Райхана. Увидев жениха, она и застыдилась, и обрадовалась.

— Я ведь тебя знаю, — сказала она мягко, стоя за занавеской. — Ты — Сапарбай. Ты уже приезжал к нам два раза...

— Я уезжаю, Райхана, — сказал Сапарбай и как-то сразу сник.

— Куда уезжаешь?

— Сам не знаю. Но я скоро вернусь. — Простодушный Сапарбай хотел было сказать и о причине своего отъезда, но Райхана сама догадалась.

— Знаю, от отца слышала. А ты не думай про калым, — посоветовала Райхана. — Возьми и увези меня с собой...

— Что ты говоришь, Райхана?!

Райхана опустила на колени и взялась за полу бешмета Сапарбая.

— Давай сбежим! Иначе отец выдаст меня за другого. Я слышала...

— Не выдаст. Я скажу своему аке. Твой отец подождет. Я скоро вернусь с большими деньгами...

Плачущая Райхана осталась стоять у порога. Чтобы не видеть этого, Сапарбай с разбегу прыгнул в седло и поскакал к своему кишлаку, нахлестывая лошадь нагайкой.

Разведчиков воды он разыскал быстро. Его приняли бурильщиком, однако, когда они пробурили колодец и не обнаружили пресной воды, — алма-атинская контора отозвала гидрологов. Сапарбаю обратной дороги не было. По совету инженеров он поехал в Татарию, где искали нефть.

Остальную его жизнь знают и сами разведчики. Сапарбай прибыл на буровую в день выдачи зарплаты. Всем тогда запомнилось, какими жадными глазами смотрел он на пачки денег в сумке кассира, о которой говорили: «Тетя Маша, сумка ваша, сумма наша».

Буровики по одному подходили и получали большие деньги, а Сапарбай так и стоял, застыв у кассы.

— Почему он не уходит? — шепотом спрашивала у буровиков тетя Маша.

— Влюбился в тебя, тетя Маша, — дразнили кассиршу буровики.

— Ох, не в деньги ли?

Потом уже к «характеру» новичка привыкли и тетя Маша, и буровики: оказывается, бедный Сапарбай не мог равнодушно смотреть на деньги.

Буровикам предстояло познакомиться и с еще более странной привычкой Сапарбая. В отличие от буровиков, которые хранили деньги в чемоданах, тумбочках, под подушками, Сапарбай всегда их держал при себе, зашитыми в кушаке. И на работу он ходил в кушаке, не снимал его даже на ночь. При этом себе он оставлял только на хлеб и жалкий приварок, а остальные отсылал на родину. И без

того худой, с остро выступающими скулами, он прямо таял на глазах.

— Ты не эконошь на питании, Сапарбай, братец, по-мрешь, и останутся деньги в кушаке! — ругали его в шутку и всерьез буровики. Сапарбай отмалчивался. Разве поймут эти люди его положение?! Ведь ему, по словам Суенбая-аки, чтобы заполучить Райхану, нужно накопить не менее сорока тысяч рублей. Сорок тысяч! Чтобы сыграть свадьбу, пригласить сватов и гостей, потребуется еще десять тысяч рублей. Итого — пятьдесят. Даже если посылать домой ежемесячно по две тысячи рублей, потребуется двадцать пять месяцев. Это значит, больше двух лет. Сапарбаю нельзя так долго. Его ждет Райхана. Значит, нужно экономить, больше посылать, чтобы приблизить день встречи с любимой. Об этом пишет и Суенбай-ака.

Как и другие буровики, Сапарбай получал около двух тысяч в месяц. Однако этот заработок можно было увеличить. В бригаде не хватало людей, а желающих работать во второй смене не так-то много. Мастер иногда умоляет, нередко даже заставляет выходить в эту смену. А Сапарбай, тот сам просится, ну прямо рвется на работу.

Слов нет, Сапарбай был парнем трудолюбивым. В его обязанности входило таскать к буровой трубы, поднимать тяжелые инструменты, замешивать раствор для накачки в скважину. И он никогда не жаловался на усталость. Проработав одну смену, он имел право отдыхать две, но выходил уже через восемь часов.

Сейчас он ежемесячно отсылал аке в далекий Казахстан три тысячи рублей. И получал от аки письма одно радостнее другого. Оказывается, тот часто ездит к Жаксыбаю и навещает Райхану. Райхана передает привет, с нетерпением ждет дня встречи. Но все письма Суенбая заканчивались неизменными словами: «Пошту плешь мало». Сапарбай еще на двести рублей увеличил «пошту». Дней через пятнадцать пришло письмо. «Райхана по пальцам считает дни до свадьбы, но пошты мало, мало». Сапарбай перешел на хлеб и воду, зато в адрес кишлака ушел перевод на три тысячи пятьсот рублей. И вот с буровой его привели под руки.

9

Райса много думала о буровиках. С «сыном степей» было ясно: заморил себя длиннорублевщик, но что за народ

остальные? Сколько раз Райхапа приезжала к Фазылу, теперь вот около месяца с ним, но так и не разобралась. Отдыхать по-человечески не умеют, нет у них ни нормального сна, ни культурного досуга, ни жен, ни детей. Давно забыли о смене дня и ночи, живут как дикари. Уходят на буровую, ковыряются там смену, а по возвращении будто тяжелобольные валятся в постель. Да и тут никакого режима — один отдыхает, другой шумит, кто поест, кто ходит впроголодь. Об одежде и говорить не стоит — обкосились, оборвались, будто бродяги какие.

Даже сам хозяин, ее Фазыл, и тот не знает, что такое порядок жизни. В любое время дня и ночи может убежать. Сколько же они думают вот так в разведке мучиться, ведь не может человек прожить две жизни? У всех она только одна. Надо говорить с мужем, он тут главный.

— Фазыл, друг, — наконец решилась Райса. — Надо бы навести порядок в твоём таборе...

— А что здесь не в порядке? Слава богу, работа пока идет, график выполняется...

— Это хорошо, но ведь ребята жертвуют собой! А организм человека имеет свои пределы...

— Не понимаю, что ты хочешь сказать, товарищ доктор? — спросил Зубаиров, оттеняя слово «доктор».

— Надо тебе подумать об условиях их работы и жизни, — и она слегка нажала на слово «тебе». — Организовать постоянный завоз продуктов, своевременное и правильное питание. В селе свежей зелени завались, а вы на вермишели да на консервах сидите. Запретить пустую трату времени во время отдыха. И непременно покончить с работой в две смены. У тебя же люди валятся с ног!

— Ты имеешь в виду Сапарбая?

— А разве это не пример? Парень может совсем сдать от непосильной работы и переутомления!

— Много ты знаешь! — закричал Зубаиров. — Он же почти не ест — все деньги посылает домой! И в этом мастер виноват, да?

— А почему он все деньги посылает? — удивилась Райса.

— Спроси у него! От жадности, конечно.

Вот оно что! Значит, болезнь Сапарбая не только от переутомления. Райса торопливо направилась к палатке Сапарбая. Вот тебе и раз! Вчера она посоветовала ему есть

побольше щавеля, молодой крапивы, моркови, огурцов, зеленого лука.

— Сапарбай, милый, я вчера дала тебе ошибочный рецепт, — сказала ему Райса виноватым голосом. — Бывает, и врачи ошибаются. Тебе вовсе нельзя употреблять в пищу щавель и крапиву, совсем ослепнешь. Вредны морковь, огурцы и лук! Тебе нужно есть мясо! Да, да, а также молоко и яйца!.. И мяса, мяса побольше!

— Мясо, молоко, яйца! — раздраженно передразнил ее Сапарбай. — Чтобы их купить, нужны деньги...

— Деньги? Не говори чушь, Сапарбай! Ты же получаешь большие деньги, работаешь по две смены.

Сапарбай опустил голову, и она увидела его худую шею с проступающими позвонками.

— Ну, скажи, договорились? — Райса участливо и жалостливо взяла Сапарбая за рукав. — Мясо, молоко, яйца! В деревне их продают...

— Не выйдет, духтыр Райса.

— Почему не выйдет?

— Денег нет.

— Как нет? Ты только вчера получил!

— Я их отнес на пошту.

— А ты все не посылай! Неужели в Казахстане жизнь такая дорогая? Или, может, твои родители очень бедно живут?

— Вы, нугай, ничего не знаете про нас, — вздохнул Сапарбай.

— Но ведь три с половиной тысячи рублей в месяц! Как можно такие деньги прожить?

— Не в этом дело, — угрюмо сказал Сапарбай.

— А в чем же? — Райса все больше недоумевала. — Расскажи! Даю тебе слово, что во вред тебе ничего не сделаю.

После небольшой паузы на черняво-желтом лице Сапарбая появилось подобие улыбки.

— Мне нужно жениться.

— Так женись, кто тебе запрещает! — ласково, понимающе улыбаясь, сказала Райса. — Я бы вас всех тут переженила.

— Ах, Райсахан! Не понимаешь ты! Деньги держат, деньги!

И вдруг он вывалил все, что так долго держал в душе. Никому до этого не рассказывал ни о чем, но эту женщи-

ну Сапарбай очень уважал, потому что она была «дух-тыр», и, кроме того, супруга мастера, и еще, кроме того, — ласковая, а Сапарбай уже не помнил, чтоб к нему когда-нибудь так относились.

Когда Райса рассказала Зубаирову о трагедии Сапарбая, он возмутился.

— В наше-то время! Калым! Дурак он, оказывается, этот Ускенбаев. Совсем башка не шурупит!

— Не говори так, Фазыл! Сапарбай вырос сиротой, в школе не учился и жизни не видал как следует. А пережитки повсюду. Если хочешь, их полно еще и у всех твоих буровиков и у тебя самого.

— Нет уж, Райса, мы, конечно, не ангелы в белых халатах, но что ни говори, а молодому человеку, как Сапарбай, не к лицу дикие привычки далеких предков! Он должен бороться с ними!

— Деньги посланы, дело сделано. Он говорит, что скоро соберет полный калым и девушка станет его женой. Только боюсь, как бы он до этого не протянул ноги...

— Так, так, — задумался Зубаиров, все еще не оправившись от удивления, и Райса заметила, что Фазыл вдруг стал похож на своего отца, будто повзрослел сразу. — А мы-то! Столько времени вместе и ничего не знали. Думали, что просто жадюга. Но что же делать?

Райса предложила:

— Может, Фазыл, пусть он съездит в отпуск? Увидится со своей Райханой. Ведь подходит уже второй отпуск — первый он, как и ты, не использовал.

— Да не вернется он! А работник хороший.

— Вернется, если пообещает. Честней этого парня нет никого у тебя на буровой!

— Ну уж!

— Да-а. И если вы понимаете что-нибудь в жизни, то и соберите ему недостающие деньги! Пусть привезет сюда свою Райхану.

— Что-о-о? — вскочил Зубаиров. — Мы, коммунисты и комсомольцы, будем собирать на калым? Дичь какая-то!

— Нет, не дичь, — спокойно возразила Райса. — Если вы такие сознательные, так помогите человеку в тяжелый момент его жизни. А то ишь, сознательные! Заморили парня.

— Гм, — опять задумался Фазыл и вдруг рассмеялся.

— А давай! Тем более что теперь Ускенбаев все равно не работник. Хоть выздоровеет.

Тайно от Сапарбая мастер собрал рабочих на буровой и все рассказал. Сначала поудивлялись все, затем Тип-Тинич сказал:

— Мужики, бабу ему все ж таки надо купить, если нет другого выхода. Никогда ничего подобного не покупал! Вношу три тысячи.

Добавили — кто тысячу, кто две. Деньги вручили Райсе, чтоб она от своего имени дала Сапарбаю займы недостающих двенадцать тысяч рублей.

Райса повела дело, будто настоящий детектив.

— Говорю с тобой, как врач, Сапарбай, — начала она. — Тебе нужен отдых! Съезди на родину, в степь. Увидишь Райхану...

— Йок, не могу! — возразил Сапарбай. — Если уеду, так пасовсем. Отпуск не возьму.

— У тебя есть двухгодичные отпускные. Плюс последняя зарплата. Значит, на калым хватит. Женишься на Райхане и приедешь с ней сюда...

— Йок, на калым не хватит.

— Если не хватит, так я одолжу. Десяти тысяч хватит?

— Хватит! — крикнул Сапарбай, но тут же насупился: — Нехорошо брать от вас деньги...

— Так ты потом вернешь! Бери, бери! И вот две тысячи на дорогу.

Сапарбай двумя руками прижал к груди пачку денег; врученную ему Райсой, стал прыгать и кружиться по палатке, словно ошалелый.

— Ой, рахмат, Райсахан! Век вас не забуду! Вы теперь сестра мне старшая!

— Ты давай женись! — смеялась Райса, хотя ей хотелось тихо заплакать от радости. — И вези сюда Райхану!

— Есть! Привезу! Уй, вы бы увидели мою Райхану! Она такая одна на свете!..

Сапарбай тотчас стал собираться в дорогу.

10

Кроме поездок в контору с отчетами, на различные собрания и совещания, два раза в месяц Зубаиров ездил в далекое Ромашкино за авансом и зарплатой для разведчиков. Конечно, деньги самому не дают, в машину садится

тетя Маша с хозяйственной сумкой, туго набитой деньгами.

Вот и сейчас Зубаиров завершает бесконечные дела и собирается с кассиром в Язтургай. Нужно уехать засветло. Получка, большая сумма. Тетя Маша уже сидит в кабине с толстой сумкой и торопит Зубаирова. Однако он все еще бегает по двору, о чем-то расспрашивает людей, всматривается в них. Вот большая группа новичков, в ней три женщины, и одна из них похожа на Валю Тин-Тиныча. В самом деле, дать ей в руки кирку, кипуть за спину рюкзак, волосы взбить, повязать косынкой — и получится вылитая Валя!

Может, она действительно Валя Тин-Тиныча?

Поначалу Зубаиров и сам думал, что удастся разыскать Валю. По просьбе Тин-Тиныча, где бы он ни бывал, расспрашивал про Валю геологов. Дело дошло до того, что он, как и Тин-Тиныч, присматривался к каждой незнакомой женщине. А однажды, чтоб преподнести Тин-Тинычу сюрприз, написал в журнал сам, справляясь о Вале, однако оттуда не ответили, и Зубаиров устыдился своей наивности.

Все в бригаде знали, что Тин-Тиныч влюбился в девушку-геолога заочно, по фотографии, переписывался с ней, затем ушел в далекое плавание, потерял ее, и сейчас они никак не могут встретиться. Каждый старался по возможности помочь несчастному Тин-Тинычу. В самом деле, ведь только гора с горой не сходится, а человек не иглолка в стоге! Валентин не мог смириться с мыслью, что Валя для него навсегда потеряна.

Зубаиров же со временем перестал разыскивать Валю и лишь успокаивал Тин-Тиныча, мол, ищет, расспрашивает о ней всех. А вот сегодня его взгляд случайно остановился на девушке, так похожей на ту Валю из журнала! Однако обратиться к ней не посмел — еще в неудобном положении окажешься...

— Второй глупец по образу Тин-Тиныча! — выругал он себя и быстро зашагал к машине, откуда тетя Маша звала его.

Он словно убежал от той девушки. А что, если бы она действительно оказалась Валей, как бы он поступил тогда? Ведь если Тин-Тинычу сообщить по приезду, что встретил Валю, наверное, он, придя в себя от шока, бросит буровую и поедет следом за Валей. А кто будет бурить скважину?

Мутгарай, что ли, который бредит селом? Саакян, который не сегодня-завтра вернется к Ибрагиму-заде? Или Сапарбай, приехавший собрать деньги на калым? Нет, Валя это или нет, Тин-Тинычу ни гугу.

Все вроде верно. Однако скрывать нехорошо. Вдруг счастье Тин-Тиныча только с Валею? «Ладно, что будет, то будет», — вдруг решил он, когда уже порядком отъехал из Ромашкино, и попросил шофера повернуть назад.

— Опять в контору! — рассердилась кассирша. — Эти мастера кассиров за людей не считают!

— Только на минутку, тетя Маша. Забыл про одно важное дело. Буровая иначе встанет.

К их возвращению новичков уже не было на дворе. Зубаиров побегал туда-сюда, но не нашел никого. Оказалось, что группа заехала по пути, заправила машины и куда-то отбыла. Кто такие, куда направились — никто этого не знал.

«Все. Надо замять это дело, — решил Зубаиров по дороге. — Иначе ребята заклюют, а Тин-Тиныч вообще никогда не простит».

Машина остановилась перед палатками. С криком «Тетя Маша — деньга наша!» на улицу высыпали разведчики. Они не только ждали деньги, но и соскучились по тете Маше, хотели согласно старому обычаю подразнить ее. Сейчас, расписавшись в ведомости, каждый скажет — «мелочь не нужно», но тетя Маша отдаст все деньги до последней копейки, причем еще поворчит, посоветует не тратить их зря, особенно на водку.

Зубаиров хотел было пройти в свою палатку, к жене и дочери, но его остановил Кадермат.

— Не встретила, конечно, Валя Тин-Тиныча?

— Похожих не видал, — ответил мастер, вдруг неожиданно для себя покраснел и добавил резко: — Вообще не встретил ни одной женщины.

— Даже если и встретишь, конечно, не узнаешь, — безнадёжно проговорил Кадермат, внимательно взглянув на мастера. — А Тин-Тиныч сегодня особенно ждал. Только перед самым вашим приездом отошел от телефона.

Из палатки с дочуркой на руках вышла Райса. Прежде чем поздороваться, она слово в слово повторила вопрос Кадермата.

— Да что вы сегодня все! — взбесился Зубаиров. — Будто я только ее и ищу! Больше мне и делать нечего!..

— Да я просто так, Фазыл, на всякий случай. Кто знает, может, и встретится? Пока тебя не было, Тин-Тиныч узнал по телефону, что в этих краях появились какие-то новые геологи...

— Мало ли здесь бродит геологов!..

«Что-то он сегодня не в себе, — подумала Райса. — Да нет, ясно! Все из-за меня, недоволен, что я приехала. И неужели он думает, что я так и буду сидеть в палатке без дела? Вон в селе говорят, что требуется фельдшер-акушерка. А что? Возьму и поступлю на работу! Вот будет ему тогда жена-домоседка!»

Даже со стороны было видно, что Фазыл за эти дни переменялся. Не разговаривает, не смеется, думает о чем-то своем. Придет, поест и молча на буровую. Или садится в машину да в контору. Райса все оправдывала трудностями на буровой, на это раньше жаловался и сам Фазыл, но, судя по всему, дела у них там паладились, а муж все такой же.

— Почему ты злой ходишь, Фазыл? Ко мне претензии?

— Да нет! — Зубаиров отложил вилку и виновато посмотрел на жену. — Ошибку я одну совершил... Совесть мучит. Ты уж не говори Тин-Тинычу. И другим тоже. Может, это была не она?.. Просто похожа... Я ведь, кажется, встретил Валью Тин-Тиныча!

— Встретил? Где? — Райса струной вытянулась перед мужем.

— Нет, может, мне просто показалось...

Зубаиров, заикаясь, рассказал, как он вернулся во двор конторы, но к тому времени девушка уже успела уехать. И решительно закончил:

— Показалось!

— Ин-те-рес-но! — пронзительно протянула Райса. — Как ты мог? Я тебя не узнаю совсем! Да немедленно нужно сказать об этом Тин-Тинычу!

— Не дури!

— А я скажу!

— Вот почему мне и не нравится, что ты живешь здесь! Суешься во все, будто делать нечего,

— А я поступаю на работу! Вот!

Зубаиров даже поперхнулся,

После пятого круга, когда голова затуманилась от колыхания ржаного поля, Мутгарай спрыгнул с комбайна и свалился на солому рядом с Камилем.

— Устал, дядя? — спросил Камиль.

— Голова кружится. Раньше работал сутками, а такого не бывало! Слабею, что ли?

Нет, дело было не в этом. Просто он пришел сюда прямо с вахты, совсем не отдохнув. Но Мутгараю все еще не хотелось уходить с поля. Ждал, не покажется ли во ржи махающая платком повариха. У Камилия он узнал, что зовут её Фаридой. По словам парнишки, она была известной всему колхозу хлопотуньей и чистюлей, очень вкусно готовила, и поэтому механизаторы каждый год просили ее быть поварихой.

— А когда же придет Фарида? — Мутгарай и не заметил, как нетерпеливо он задал этот вопрос.

— В желудке подсосало?

— Да... Пойду. Ночью на вахту.

Услышав слово «вахта», Камиль дернулся вперед, словно хотел поймать что-то ускользающее, таинственное.

— А на вахте интересно?

— Поработай — узнаешь!

— А меня примут? Я ведь прочитал объявление на дверях магазина. Там сказано, что подойдет и комбайнер. Примут, а?

Мутгарай промолчал. «Вот ведь глупый! Тут человек не знает, как сбежать с буровой, а этот вон чем бредит!» Захотелось выругать парня, но из-за ржи появилась Фарида с посудой в руках.

— Далеко ушли, работнички, никак не доберешься, — говорит она, собирая пухлые губы в бантик, и притворно осуждающе смотрит на Мутгарая.

Буровика обдаёт жаром. Неизвестно чем — белозубой улыбкой, или толстыми своими ногами, или вот этим шутливо осуждающим тоном, приворожила его Фарида. К тому же ее алые губки все время как-то выпячиваются, словно дразнят Мутгарая: «Если ты парень, то поцелуй!»

Мутгарай сильно жалел, что и в первый раз не остался обедать. Ведь она так уговаривала, даже своими пальчиками-коротышками ухватила его за рукав. Сегодня уж он не заставит себя упрашивать, по первому приглашению

сядет за еду. Но, может, чуточку поуспираться? Для приличия. Пусть Фарида еще раз возьмет его за руку...

— Да на вахту мне, — пробормотал он.

— Нет уж, сегодня я тебя не отпущу, — решительно сказала Фарида. — Столько сделать для нашего колхоза! Эту площадь Камиль убирал бы два дня! Я уж знаю, кто из них чего умеет! Кто работать, кто лопать. А мне нравится, когда человек и работает, и ест, как мужчина. А какой он работник, какой он мужчина, если не поест как следует...

Так лепетала Фарида, расстилая белую скатерть на соломе, ловко расставляя посуду, доставая еду. Мутгарай даже залюбовался. Был здесь пышный белый хлеб, пупырчатые свежие огурцы с приятным запахом и даже любимый мутгараевский катык — кислое молоко. Потом Фарида налила в жестяные тарелки суп, положила туда большие куски мяса с мозговой косточкой. Когда появились на свет божий разукрашенные деревянные ложки, Мутгарай даже крикнул от удовольствия — все это напоминало ему родное село, родной дом. А Фарида говорила и говорила, то и дело облизывая пухлые губы.

— В тот день мы сначала совсем растерялись, не зная, кто же ты. Вот же и Камиль, комбайн доверил, а кому — не спросил. Думаем: или это святой, что помогает другим, или просто бездельник. Потом вспомнили о буровиках, что остановились около Калиновой рощи. Камиль говорит: «Не может того быть! Не станет тебе бурильщик работать на комбайне!» А я говорю: «Почему! Они тоже люди и произошли от таких же крестьян». Вот и выходит, что не ошиблась! Говорят, вы живете в палатках? Как там, не холодно по ночам?

— Начнутся холода, переедем в село.

— Да? А надолго ль приехали?

— Пока не пойдет нефть. Возможно, будем бурить до половины зимы. — Мутгарай, чувствуя, что представляет здесь буровую, держался степенно. — Таков план.

— Ай, как долго нужно бурить! Разве так глубоко спряталась нефть? Нет, не может быть, что в нашем Язтургае нефть нашли!

— Ну почему не может быть? Найдем!

— А всегда вы живете в палатках и на квартирах?

— Куда же денешься, приходится.

— И-и, бедняжки. Трудно, наверно? Если, случаем,

переедете в село, можете остановиться у меня. Впрочем, вам найдут, наверно, дом и попросторней моего.

Только начали есть, как подкатила легкая коляска. Послышалось сердитое «тпру!» и вместо обычного приветствия нетерпеливые похлопывания кнутовища по сапогу и сердитый голос:

— Ты, товарищ, не вертись тут около наших комбайнеров, ясно? Нечего агитировать механизаторов, понятно?! Самим нужны, хлеб-то кто вам растит-убирает? Топай живей отсюда, ясно? Шпионы-агитаторы!

Застучала колесами по неровному жнивью повозка, исчезла в пыли. Мутгарай, Фарида и Камиль сидели с открытыми ртами. Это надо же: «Шпион-агитатор!»

Теперь уж Мутгарая не могли остановить ни уговоры Фарида, ни просьбы Камиля. Он ушел с поля язгургайского колхоза в гадком настроении. Ведь это поле было единственным его утешением здесь, он приходил сюда работать для души, и вот у него отняли и эту радость. Тот, с кнутом-то, совсем не знал Мутгарая, не догадывался о его тайной страсти. Особенно досадно было, что он не сумел поговорить с Фаридой, которая по приезде этого дяди сразу замкнулась и стала грустной. Пока Мутгарай добирался до Калиновой рощи, перед его глазами все время стояло видение — появление Фарида из ржи, скорая, упругая походка ее, крепкие загорелые ноги, и этот шуточный голос слышался, и эти влажные губы мерещились.

У палаток никого не было, только чуть в стороне, у корней старой березы, Райса стирала в корыте. Мутгарай знал: добрая душа Райса украдкой от мужа постирывала одежду буровиков, а они ей воду таскали и кипятили, бегали в деревенскую аптеку и магазин. Увидев Мутгарая, Райса подбежала к нему с мокрой тряпкой.

— И, Мутгарай милый, где пропадая? Тебя мастер искал! — сказала она. — Ушел на буровую наказание тебе придумывать...

— А в чем дело?

— Некого на вахту. Мастер хотел послать тебя, обыскался, расстроился до невозможности.

Мутгарай кинулся в палатку и стал торопливо надевать спецовку. От спешки и усталости пальцы не слушались. Только выскочил из палатки — Зубаиров навстречу.

— Ты хоть немного подумал бы о бригаде, а не шлялся там, где не нужно!..

Мутгарай промолчал.

— Пропадешь еще раз, — мастер в сердцах швырнул ключи. — Пеняй на себя!

По пути на буровую Мутгарай не думал о мастере и его ругани. Хлеба нынче уродились — вот это было событие, о котором стоило думать! В пшенице перепелки заблудятся, рожь — под хомут лошади. Еще о комбайне думал Мутгарай, о поварихе.

Райса слышала, как Фазыл накричал на Мутгарая. Нет, не тот стал Фазыл! Тот Фазыл сказал бы: «Эх, дорогой товарищ Мутгарай, где пропадаешь? Ты же знаешь, что я без тебя жить не могу». И все обошлось бы! А разве это дело — так повышать голос, кричать на подчиненного? Откуда, Фазыл, у тебя взялась эта привычка?

Вечером Райса хотела все высказать мужу, но, подумав, промолчала — Фазыл пришел усталым, голодным. Когда он поел и прилег отдохнуть, Райса, как бы между прочим, сказала:

— И-и, Фазыл, зря ты обидел Мутгарая...

— Тебе бы, Райса, быть заместителем мастера по воспитательной части, — пробурчал Зубаиров. — Жаль только, что нет такой должности на буровой.

12

Камиль на грохочущей телеге, груженной бочками с горючим и запасными частями, стал ежедневно проезжать через буровую. Он уже завершил уборку ржаного поля, перебрался на пшеничное. Правда, к комбайну можно было ехать дорогой покороче, но парня, будто магнитом, тянула стоявшая на берегу Сагындыка и устремленная в небо чудо-вышка, золотые огоньки, мерцавшие на ее вершине по ночам, никогда не смолкающий удивительный гул инструмента, сверлящего земные недра.

В селе уже, наверно, не осталось ни одного человека, который бы не посетил Калиновой рощи и не посмотрел буровую. Все побывали тут, начиная с нестерпимо любопытных босоногих мальчишек и кончая горбатыми старухами да древними стариками с палками. О буровой говорили с радостью, опаской и недоверием. Под Калиновой рощей, дескать, стоит целое море нефти, и буловики сами боятся бурить, потому что нефть хлынет оттуда в реку Сагындык и затопит Язтургай со всеми его домами и

постройками. Болтали даже, что отец Камиля портной Сабирзян подыскал уже более возвышенное место, чтоб перевезти туда свою избу. Были и такие, кто совершенно не верил, что здесь найдут нефть. Когда заходила об этом речь, они скептически усмехались.

Однако таких было мало. Большинство жителей понаслышке и из газет знали, что в Ромашкине и его окрестностях начали добывать помногу «черного золота». «А чем хуже Язтургай? Наш Язтургай тоже не божья сирота! Раз везде есть нефть, почему ее не должно быть у нас?»

А Камиль еще в пятом классе из какой-то книги узнал, как бурится земля, как ударяет фонтан нефти, и не дай бог в это время поднести горящую спичку — буровая вспыхнет огромным, до самых небес, факелом. Но он уже не был сопливым мальчишкой. Те, что помладше, сразу же побежали на буровую встречать разведчиков, а Камиль остался стоять на улице. И даже когда прочитал объявление на дверях магазина о найме рабочих, сразу не решился.

А вот оставаясь один на один с комбайном, он неизменно думал об этом объявлении, где прямо писали: «Могут обращаться трактористы, комбайнеры, шоферы и другие лица, знакомые с техникой». Он теперь невольно заворачивал лошадь в сторону буровой и, проезжая мимо, с восхищением глядел на вышку. Книга книгой, а лучше все же поглядеть своими глазами... «Интересно, что же такое «рабочий буровой» и что он должен на вышке делать?»

Надо бы остановить пеструю кобылу, войти на буровую и посмотреть, но, во-первых, нет времени, во-вторых, не велит гордость Камиля. Еще скажут, что ты и на комбайн-то, мол, сел только-только, и не примут...

В тот день Зубаиров ходил пешком в Язтургайский сельский Совет, чтоб окончательно узнать, может ли он рассчитывать на местную рабочую силу. Мастер не спеша возвращался на буровую, и его догнал на подводе Камиль.

— Нам по пути, парень? — спросил Зубаиров, когда телега поравнялась с ним, и, не ожидая разрешения Камиля, подсел на ходу. У Сагындыка лошадь зауросила, не захотела войти в воду.

— Дай-ка сюда! — Зубаиров хотел было взять в руки вожжи, но парень не уступил.

— Сам. Ишь ты, дохлятина! Н-но!

С малых лет Камиль знал, что надо по-взрослому ругаться и покрепче дернуть вожжи — скотина чует руку.

и характер хозяина. Лошадь плюхнулась пузом в воду, замутила глубокий брод, в момент вынесла телегу на другой берег. Зубаиров почувствовал, что его подмочило. Сам виноват, надо было встать в телеге на ноги, как этот возница.

— А ты парень ничего, — проговорил он.

— Конечно, не пацан какой-нибудь!

Зубаиров заговорил уважительно, как с равным.

— Далеко едешь?

— К комбайну.

— Горючее возишь?

— Вышел я из того возраста, чтоб горючее-то возить!

— Кто же ты? — с трудом сдерживая улыбку, спросил Зубаиров.

— Комбайнер.

— Даже так? Значит, ты только на вид такой! — заметил Зубаиров.

— А вы, дядя, с буровой? — помолчав, спросил Камиль.

— Да. Мастер я, хозяин этой буровой.

— Я так и подумал...

Остальная часть дороги прошла в расспросах Камия о вышках, буровиках и их работе. Зубаиров серьезно отвечал на все наивные вопросы паренька и поинтересовался:

— Слушай, а сам-то ты не хочешь поработать на буровой?

— Хотел бы! — вскричал Камиль, потом погрузился. — Не примете, разыгрываете!

Они уже доехали до буровой. Слезая с телеги, Зубаиров тронул плечо Камия.

— Приходи-ка ты ко мне. Поставлю тебя к хорошему бурильщику

В сельском Совете Зубаиров понял, что язтургайцы не дадут буровой ни одного человека, потому что колхозу и так не хватает механизаторов. Председатель сельсовета Хафизов, познакомившись с мастером, отметил, что бурение скважины на Язтургайском поле очень важное и ответственное мероприятие, затем начал, будто на собрании, распространяться о том, что татарская нефть явится большим шагом в укреплении экономики страны, в деле создания материальных благ и послужит новым толчком в строительстве коммунизма. Не забыл председатель подчерк-

нуть и роль промышленности в деле помощи селу и набо-
рот. «Но лишних людей, чтобы дать нефтяникам, нету, —
сказал он под конец и распорядился вызвать секретаря
колхозной парторганизации директора местной школы
Даминова. — Сейчас он тут будет, спросите у него».

— Нет у нас таких людей, — решительно заявил Да-
минов, выслушав Фазыла. — Если не верите, спросите
председателя.

Председатель колхоза Галлям разговаривал как оби-
женный собственник:

— Забрали у меня часть поля, качаете воду, заняли
хорошее сенокосное угодье. С меня этого достаточно...

А Камиль назавтра прибежал рано, еще затемно. Уви-
дев, однако, что здесь уже все гремит, застеснялся:

— Оказывается, опоздал...

Он не знал еще, что буровики работают в три смены,
не останавливаются ни на минуту, бурят и в дождь, и в
буран, и в холода. Увидев Камиля, Зубаиров вышел на-
встречу ему.

— Пришел? — спросил он. — Значит, будем работать?

Взял паренька за руку и по пологому дощатому трапу
завел юношу на бурильную площадку.

— Вот, Кадермат, помощник тебе.

Кадермат отпустил рычаги, приблизился к парню.

— Хорошо, давно жду. Как звать?

— Камиль.

— Камиль — это очень хорошо! А я буду дядя Кадер-
мат. Буровую видать приходилось?

За Камиля ответил мастер.

— Он местный, язтургайский... Говорит, что работает
комбайнером.

— Очень хорошо! Значит, знаком с техникой.

У помощника Геннадия Еланского мрачно изломались
брови.

— Что ж это такое, мастер? Неужели не сумели найти
человека постарше?

— Научишь!

— Здесь же не школа буровиков! Сами говорите — нам
нужны метры и метры!..

— А ты-то, ты-то знал работу, когда пришел к нам? —
осадил его Зубаиров. — Удивляюсь, почему это у людей
так память коротка? Забыл, как в поисках компрессии бе-
гал на склад?.. Вот что. Пусть сегодня парень познако-

мится с буровой. Пусть просто смотрит. Понравится — сам скажет...

Работа вахты началась со спуска инструмента в забой.

Блок, похожий на огромный амбарный замок, с шипением ходил вверх-вниз. С помощью толстого стального троса и крюка поднимались и опускались трубы. Лебедки оглушающе шумели. Буровая фыркала, ухала, дрожала всем своим сорокаметровым телом. Подчиняясь бурильщику, трубы одна за другой ныряли в землю. Все это Камиллю показалось чудом.

Он хотел помочь буровикам, но не знал, за что хвататься, совался туда-сюда. Еланский, не выдержав, заворчал: — Нашли рабочего! Ходячая беда!

Кадермату же поведение нового рабочего понятно и состояние его знакомо. «У меня тоже были такие времена, — думает он. — Но все это давным-давно. До войны, будто сквозь дым...»

— Что, друг Камиль, непонятно?

— Непонятно.

— Подержи-ка, Гена. — Кадермат отдал тормозной рычаг Еланскому, сошел с платформы и потянул Камилля к ротору. — Смотри, как надо заряжать ключи. Вот!

Указательным пальцем бурильщик придвинул ключ к трубе, чуть толкнул левой рукой, и замок крепко охватил трубку. Все это Кадермат проделал одним пальцем за какую-то секунду. На языке опытных бурильщиков эта операция так и называется — «настройка ключа одним пальцем». Потом Кадермат в роли помощника бурильщика продемонстрировал спуск инструмента. Да так ловко, будто у него в руках было не железо, а резиновый мячик. Он не думал, куда и что ставить, что брать — все это автоматически делали его сильные и хваткие руки.

И вот больше двухсот метров труб с долотом ушли в землю.

— Начинаем бурить!

Кадермат принял от Еланского рычаг. Стрелка прибора рванулась вправо.

— Долото в забое, — сказал спокойно Кадермат.

Грохот, от которого дрожала вышка, подтверждал, что глубоко внизу бур грызет твердую породу. Стрелки на стенде хорошо показывали ход бурения. Индикатор даже записывал его на бумагу. Все пишет — и работу и простой, поэтому буровики называют его еще и «провокатором».

Руки Кадермата лежали на тормозах, а взгляд обращался то на приборы, то на Камиля. Его радовало, что у парня глаза полны любопытства и внимания.

— Добрый бурильщик будет, — сказал он Еланскому тихо.

— Да бросьте вы, — возразил тот снисходительно. — Сопля еще! Он даже не знает, чем облако пахнет.

Еланский посмотрел на «люльку» верхового, из которой виднелась голова Миргазияна.

— Рано еще ему, рано! — возразил Кадермат. — Пусть обнюхается внизу.

— Да, пожалуй, — вздохнул Еланский. — К тому же и штанишек в запас не взял...

Эти слова больно задели Камиля. Он швырнул ключ, спрыгнул с моста и, даже не спросив разрешения, стал быстро подниматься по узкой лестнице буровой.

Ну, он сейчас докажет этому Еланскому! Не он ли, Камиль, будучи еще совсем мальчишкой, лазил по самым высоким деревьям? Не он ли добирался до макушки и доставал из гнезда вороньи яйца? Даже самые отчаянные деревенские пацаны дивились, как он, смазав слюной пятки, ловко поднимался по голому столбу и дергал телефонные провода, доказывая, что от телефона током не убьет. А кто, кроме Камиля, мог бегать по крышам старой мечети, смеясь, ходить по ее карнизу? В позапрошлом году он даже добрался до тонкого шпиля, влез по нему и потрогал недостижимый серебряный полумесяц...

Узкая деревянная лестница вздымалась вверх да вверх. Она слегка качалась вместе с вышкой, но это не страшило Камиля, наоборот, — он весь был охвачен счастьем подъема, чуть ли не полета. Еще десяток ступеней, и вот она, «люлька» Миргазияна... Победно подняв руку и не обращая внимания на крики верхового, пошел дальше. Вот кронблок — барабан с тугими стальными тросами. Это сорокаметровая высота, зенитная точка буровой.

Посмотрел Камиль вниз и засмеялся. Там, на платформе, задрав голову, спокойно наблюдал за ним Кадермат Имамутдинович, грозил пальцем, а Еланский то подымал кверху кулак, то разжимал его и сверлил указательным пальцем у виска. Ну, гляди, гляди! Камиль не такой уж трус, как ты думаешь. Он еще покажет, на что способен!

Камиль окинул взглядом окрестности буровой. Далекий

лес, Калиновая роща, поляна, обставленная ровными рядами палаток. Хорошо, просторно! Видны извивы Сагындыка, покрытые голубоватым маревом ржаные поля, соломенные крыши родной деревни, из которой Камиль изговился улететь...

Когда он благополучно спустился вниз, Кадермат повторил:

— Из него выйдет настоящий бурильщик!

Еланский только хмыкнул в ответ. А перед самым концом вахты произошло неожиданное. На буровой, будто из-под земли, появился Галлям. Похлопывая кнутом по голенищу сапога, он по-хозяйски вошел в буровую и за сверлил злыми глазами Камилля.

— Ты, мальчуган, что здесь делаешь?

— На работу пришел, — с вызовом ответил Камиль, покосившись, однако, на кнут председателя.

— Ну-ка, марш к комбайну!

— Не пойду.

— Марш, говорят тебе!

Кадермат прекратил бурение, сошел с пульта и встал между непрощеным гостем и Камилем.

— Постой, дядя, ты кто такой? Чего здесь ходишь? Кто тебе разрешил войти в буровую?

— Я с тобой не разговариваю! Я говорю с моим человеком!

— Не говоришь, а орешь. Кто он тебе — раб, что ли?

Спокойные слова Кадермата вывели Галляма из себя.

— Саботаж! Подрыв сельского хозяйства! Не имеете права трогать моих людей! — Через плечо Кадермата председатель погрозил Камиллю пальцем. — Попробуй только не вернуться, попробуй сорвать уборку.

— Не грозите! — крикнул Камиль. — Не очень-то боюсь.

Колотя кнутовищем по сапогам, Галлям выбежал из буровой.

13

Что особенно по душе Зубаирову — это привозить бурувикам письма. На этот раз почта бригады оказалась особенно большой, потому что целую неделю мастер не был в конторе.

Заслышав шум мотора, бурувики бросились к машине.

Со стороны посмотреть — даже смешно. Впереди наперегонки идут-бегут Фархутдин с Валентином. Чуть позади поспешает Саакян. За ним, потирая заспанные глаза, топчется Миша Кубрак, регулярно получающий письма со своей Украины — от батки, длинные, похожие друг на друга письма с поклонами на две-три страницы от многочисленной родни.

А вот, взволнованно поглаживая усы и чуть прихрамывая, идет к машине Кадермат. Мутгарай выходит наблюдать эту процессию, хотя сам никогда не получает писем.

— Почта пришла, почта! — кричат далеко и близко, и весь палаточный городок наполняется движением, будто на буровой авария или нефть пошла.

— Ну, скорее же, мастер!

— Не торопи, ради бога, доставай, что там есть?

— Спокойно, товарищи, спокойно! — Зубаиров не спеша открывает дверцу, медленно спускается на землю, вручает Назипу пачку газет и журналов. — На, агитатор! Смотри, не растеряй и следи, чтоб сразу не разорвали на курево!

— А письма?

— Письма? Имеются...

— Мне есть? — с нетерпением спрашивает Фархутдин.

— Тебе? Целых три!

— А мне?

— Пишут... Впрочем, сейчас посмотрим.

Сунув руку во внутренний карман пиджака, Зубаиров вытаскивает пять-шесть писем, веером поднимает их над головой. Ребята со всех сторон кидаются на Зубаирова, и он отступает.

— Не смейте ближе подходить! Сергей Саакян здесь?

— Здесь!

— Тогда давай, начинай!

— Дрыгни своими кривыми ногами! — подхватывают разведчики. — Дрыгни!

Габбас подбирает ржавое ведро и начинает громко барабанить по его дну. Сергей, изображая армянский танец, сцепляет руки на затылке, бочком приближается к Зубаирову, ждет момента, когда тот потеряет бдительность и можно будет кинуться, чтоб хватануть свое письмо.

— Да не ползи ты, не бойся, землю не продавишь! Потопай! — смеется мастер. — Получай, ладно...

— Валентину Валентиновичу! — Поднимает мастер второе письмо. — Есть тут такой человек?

— Есть, есть!

— Где? — Зубаиров будто бы не замечает Тин-Тиныча, чья льняная голова возвышается над толпой разведчиков. — Не вижу!

— Да тут я, тут!

— Если тут, тогда давай. Письмо-то с морфлота...

Валентин выходит вперед и «дает», а Зубаиров, забыв о своем авторитете, хлопает в лад чечетке, сам притопывает и смеется, превращаясь в озорного мальчишку, а ребятам, видно, нравится, когда мастер такой свойский, жалко только, что это редко бывает.

Сергей Саакян не читает полученного письма. Он его прячет в карман и вскрыет, лишь когда заварит в палатке чай, закурит, сядет на койку. Только тогда. А пока смотрит на мастера и удивляется тому, как тот на их глазах изменился. Поначалу Зубаиров во всем хотел походить на своего наставника Ибрагима-заде. Ни с того ни с сего начал носить брюки галифе, хромовые сапоги, толстовку из диагонали. С усмешкой вспоминает Саакян, что мастер даже отрастил короткие усики. Только у Ибрагима-заде они были черными, как нефть, и жесткими, будто из проволоки, а у Зубаирова выросли реденькие рыженькие усишки — ни дать ни взять след от нюхательного табака.

Много сил потратил Зубаиров, чтобы внедрить в своей бригаде методы и порядки бакинского мастера, но получилось все по-другому. Иные условия труда и жизни, особое геологическое строение земли, другая глубина скважин, не та техника и технология бурения, люди новые и очень разные. Все было непохожим.

Зубаиров скоро сбрил усы, скинул кавказскую одежду, которая так не шла ему, перестал пыжиться, изображать из себя черт те чего. Он уже был не Ибрагимом-заде, не каким-либо другим мастером, а самим Зубаириным со всеми своими плюсами и минусами. Сделался он понятней, доступней, буровики узнали его, Зубаирова, и приняли таким, каким он был на самом деле. Может, везде бы все шло получше, если бы каждый оставался самим собой?..

Сейчас Сергей с улыбкой наблюдает, как Зубаиров упрямо и притворно строго заставляет плясать Фархутдина, зная, что тот не умеет этого делать.

— Ну что за привычка у тебя, мастер! — возмущается Фархутдин. — Пляши да пляши! Понимаешь, это стандартный подход к людям! Кроме того, в письме могут быть неприятные вести! Вот в армии у нас был такой же, как ты, старшина. Придет почта, он и заставляет всех солдат плясать. Раз мой сосед по койке получает из своей Вологодской области письмо. Да-а-а. Старшина на своем настаивает. Ну, он возьми да пустишься в пляс посреди казармы. Наплясался, отдышался, раскрыл конверт и давай лить слезы. Оказывается, у него дома горе — теленок в лесу потерялся.. Вот ведь что может получиться!..

— Нет, это все письма хорошие, — не сдается Зубаиров. — Видишь адреса! Все от твоих милых, любимых, единственных! Ну, будешь плясать или нет?

— Но ты же знаешь, мастер, что я в жизни не плясал! Ноги поднять не умею!

— Тогда песню спой! — кричат разведчики, поддерживая Зубаирова.

— Ну, дорогие друзья! Вы же сами знаете, как я пою! Какой из меня певец? Если затяну что-нибудь, сразу на другую мелодию сворочу. Поплутаю туда-сюда по всем песням и любой мотив под конец сведу к одной: «Бро-пя крепка». Что поделаешь, если аллах лишил меня слуха? Давайте, я лучше что-нибудь расскажу вам из жизни... Один раз наш старшина встречает меня в городе с девочкой...

— Нет уж, нет! — прерывают его буровики. — Это ты и задарма расскажешь! А не можешь петь, как все люди, — спой петухом!

Фархутдин умеет артистически кричать петухом. Даже лучше многих петухов. И вот разведчики помогают ему забраться в кузов машины и наблюдают снизу, как Фархутдин готовится к петушину пению. Сначала он втягивает шею, потом хлопает «крыльями» и на всю поляну протягивает звонкое и чистое «кукареку», блаженно прикрывая веками глаза. Фархутдин проделывает все это так истово, серьезно и так похоже, что ребята кричат:

— Еще! Ведь письма-то три!

Последнее письмо адресовано Кадермату. Разведчики начали расходиться по палаткам, потому что не было принято заставлять Имамутдинова плясать. Взглянув на штамп, Зубаиров протянул письмо.

— Опять какое-то казенное...

Буровики уже знали, что в адрес Кадермата Имамутдинова поступали такие письма из самых неожиданных мест и доставляли адресату большие волнения. Все помнили, как его вызывали красным конвертом к следователю прокуратуры. Говорили, будто Имамутдинов избил своего начальника. Из суда он приехал оправданным. Только начал было спокойно работать — жена возбудила дело о разводе, вроде собиралась замуж. Потом пошли письма из госпиталя. Оказывается, Имамутдинову нужно лечиться...

А потом Кадермат начал разыскивать капитана Соболева. Сколько можно жить в состоянии болезненного неведения, неизбывной тревоги, подхлестывая себя едва теплящейся надеждой? Кадермат не знал ни имени, ни отчества, ни довоенного домашнего адреса Соболева.

Пытаясь хоть что-нибудь узнать о судьбе капитана, он писал письма в часть, где служили они до войны. Ответа не пришло. Послал письмо в Центральное справочное бюро. Спустя долгое время оттуда кратко и странно известили: «Центральное справочное бюро сообщает Вам, что капитан Соболев, служивший до 1941 года в Н-ской части, является Соболевым Иваном Ивановичем, 1913 года рождения, национальности русский, уроженец города Свердловска (бывший Екатеринбург), в настоящее время на территории Советского Союза не проживает».

Эта справка вдохновила Кадермата — теперь он знал, кого искать. Написал в Свердловск и в Министерство обороны, кратко объяснив, зачем он разыскивает капитана Соболева. И сегодняшнее письмо было из министерства. Дрожащими руками Кадермат вскрыл конверт. Осторожно вскрыл, надорвав самый краешек конверта. Вынул гладкую, маленькую, с детскую ладонь, бумагу, прочел: «Капитан бывшего Н-ского полка Соболев Иван Иванович, которого Вы разыскиваете, в архиве Министерства обороны СССР значится в списке пропавших без вести».

Кадермат выронил конверт. Потеряна последняя надежда на встречу с единственным свидетелем того боя. Никто не узнает об их совместной попытке спасти знамя, ничто не поможет оправдаться ему перед людьми.

— Что же теперь делать? — потерянно подумал Кадермат и медленно, волоча ногу, пошел в палатку.

Еланский, недолголюбивающий руководителя своей вахты, ткнул в бок Миргазияна:

— Чуял? Думаешь, от нечего делать пишут письма с красной печатью? Говорю же, есть за ним какой-то грешок!

— Да брось ты! Слово скажет — душа видна. Какой может быть за ним грех?

— А почему тогда человек ночами ворочается? Мы же слышим, как он калечит кровать!

— Не ломай зря голову, пошли спать. А болезнь его не купленная — таким он стал после войны...

— Надо б ему спортом заняться, глядишь, и прошло бы. Почему-то боюсь я его...

Еланский и Миргазиян в палатку вернулись поздно, продрогшие. И даже света не стали зажигать, нырнули в постели. Еланский из-под одеяла с испугом наблюдал за Кадерматом. Тот долго сидел на койке одетый, без движения. Думал о чем-то. Вот встал и начал медленно раздеваться. Снял кепку, закурил, расшнуровал и сбросил с ног ботинки, налил из графина воды, выпил. В трусах и майке потоптался у кровати, неровно задышал. «Может, гимнастику делает на сон грядущий?» — подумал Еланский, засыпая.

Кадермат иногда всю ночь беспокойно топчется и вздыхает. В иные ночи, может, в бреду, бормочет: «Я еще докажу им! Я еще покажу! Неправда, будет и на нашей улице праздник!»

Сапарбай говорил: «Наверно, у него болезнь. Нужно позвать из села бабку-знахарку и заговорить». Еланский корень всего зла видел в том, что Кадермат не занимается спортом. Фархутдин считал, что нужно познакомить Кадермата с девушками, потому что без общения с ними у людей могут начаться всякие разные явления.

И Райса давно наблюдала за Кадерматом. В свободное от работы время он не способен сидеть спокойно. Постоянно дергает ногой, выбивает ею мелкую дробь, не знает куда девать руки, то и дело щупает в кармане папиросы. Всегда в движении и пальцы, будто играют на гармошке. При разговоре часто заикается, уголки губ дрожат.

В свое время Райса очень удивилась, узнав, что Кадермат судился. «За избиение начальника участка», — объяснили ей. Был на суде и Фазыл. Нет, не избивал он никого, только за грудки схватил. «Если бы на месте Кадермата был я, ей-богу, избил бы», — говорил потом Фазыл. Кадермат собирал людей в свою бригаду, возился с

ними, обучал, а тот готовыми рабочими укреплял другие бригады. Ну верно, Кадермат поступил неправильно, погорячился. Учитывая его фронтową контузию, Кадермата только оштрафовали, оставив в силе пункт «за нарушение трудовой дисциплины».

Состояние Кадермата тогда заметно ухудшилось, и врачи, по инициативе Райсы, решили послать Имамутдинова в военный госпиталь. Фазыл отругал Райсу за самовольство: «Чего лезешь в дела бригады, когда не просят. Что я стану делать без Кадермата, с кем буду бурить?!»

Когда официально, письменно, пригласили Кадермата в госпиталь, он доброту Райсы понял по-своему. Вышел из палатки в одних трусах и майке и, колотя себя кулаками в грудь, с шипением пошел на Фазыла:

— Решил выжить меня из бригады? Да? — Он резко повернулся и показал испещренную глубокими шрамами спину. — Неужели это я получил, чтобы меня выгоняли с работы! Ну, скажи! Скажи, мастер!

Вскоре, однако, он успокоился. Вернулся в палатку, надел висящие на спинке кровати брюки, закурил осыпавшуюся наполовину папиросу. Все, отгрохотал. До этого момента лучше молчать — ребята не раз испытали.

Утром пришел к палатке Зубаировых извиняться.

— Ну хорошо, хорошо, Кадермат, — мягко сказала Райса. — Ну бывает, бывает. А в госпиталь тебе, наверно, и в самом деле незачем, нужен только покой.

— Покой! — горько усмехнулся Кадермат и посмотрел на Райсу так, что у нее сжалось сердце.

Сложен человек! Не подберешь общего ключа ни к одному характеру, ни одной души не откроешь вдруг. Годами изучая в институте науку о человеческом организме и человеческой психологии, Райса, оказывается, еще многого не знала. Думала, что научится понимать людей в обыкновенных житейских условиях, но эта наука еще трудней.

Да чего далеко ходить: Райса до сих пор еще не полностью знает даже Фазыла, с которым рядом столько лет. Когда она первый раз приехала в Ромашкино и увидела, что за работа у ее мужа, то ужаснулась. В декабрьский морозный день из-под земли бил фонтан воды, который трепало студеным ветром. Одежда буровиков и Фазыла обледенела, будто ее покрыло стеклом. Из поднятых воротников, из-под шапок пар частыми толчками: вдох-вы-

дох, вдох-выдох... Тогда Райса подумала, что Фазыл не выдержит, сбежит. Что ни говори, он рос в интеллигентной семье, слабоват физически, даже несколько изнежен был ее ласковый и тихий Фазыльчик. В студенческие годы, боясь ангины, он никогда не пил холодную воду, даже не ел мороженого. На самом слабом ветерке опускал ушанку, наматывал на шею шарф и поднимал воротник пальто. Помнится, после долгого зимнего свидания под мерцающими белыми звездами, которые так любила Райса, Фазыл неделю кашлял и чихал.

Интересно устроен человек! Оказывается, могут быть такие психологические, бытовые и служебные обстоятельства, при которых люди не подчиняются ни законам медицины, ни нормам здравого смысла. Человек лучше любой машины приспосабливается к самым сложным условиям. Но надо и беречь его пуще всякой машины, дорожить душевным и физическим здоровьем человека.

14

Этот очень маленький коллектив был фактически разобщен своей работой. Да, как ни странно, однако это так. Разведчики очень редко собираются вместе. Ничего не поделаешь — сменная работа. Когда одна вахта заступает, вторая укладывается спать, а третья поднимается, чтобы готовиться на вахту. И в то же время всех этих людей работа объединяет. Одна вахта продолжает дело другой, люди скреплены общим усилием, железными деловыми связями, как звенья той стальной колонны, что буравит земные недра.

Все вместе буровики собираются, когда приезжают геофизики для измерения глубины и направления скважины. В первый раз они пригласили измерителей, пробурив пятьсот метров. Пока в больших, как амбары, машинах разматывали тяжеленные барабаны с проводкой и спускали в скважину приборы, лагерь и поляна празднично гудели. Всем было так хорошо, словно никогда они не выясняли отношений, не ругались зверски, разбирая претензии одной вахты к другой.

Вот на площадку Сергей Саакян выносит гитару, а Габбас — хромку. Музыканты поставили Мишу Кубрака перед собой и наперебой предлагают песни — на выбор слушателей. Шумно, весело! Наконец Миша запекает сильным густым баритоном:

Взяв бы я бандуру
Та й заграв, що знав,
Через ту бандуру
Бандуристом став...

Потом все вместе спели: «По диким степям Забайкалья», «Сулико», «Броня крепка», шепотом — озорную, и снова громкие песни, а к вечеру собрались у костра обменяться новостями, поанекдотничать, послушать трепотню Фархутдина. Одна новость была очень интересной. Валентин, оказывается, дозвонился в Тышляр, куда вроде бы приехали искать новую нефть геологи. Среди них несомненно должна быть Валя...

— Да откуда ты взял? — посомневались буровики.

Валентин кидает в костер хворост, мешает поварешкой суп.

— Чую я, робя! Эх, съездить бы на Тышлярскую площадь. Валя там! Я ее сегодня во сне видал...

— И все же заочное знакомство с девушками — не дело! — Вступает в разговор Фархутдин. — Ты тут вроде таешь из-за нее, чахнешь на глазах, а она, может, и ломаного гроша не стоит?

Тин-Тиныч откидывает назад свой сильный, обтянутый поблекшей тельняшкой корпус, подкладывает под голову руки в синих якорях и, глядя в светлое еще небо, мечтательно говорит:

— Ты не понимаешь, Фархутдин... У нее такие глаза! А тебе не дано знать, что за один взгляд можно жизнь отдать...

— Где уж ему! — подзадоривает кто-то. — Он же весь в сучок пошел.

— Да бросьте вы! Бросьте! — не сдается Фархутдин, рубя ладонью воздух. — Глаза, взгляд... Нет, лично я люблю потрогать! Слушай, Тин-Тиныч, а если она глухая? Ведь этого на фото не видно!

— Глухие геологами не станут...

— Ну, хорошо! А откуда ты знаешь ее характер? Может, она хуже гиены или змеи подколодной? — Фархутдин уверенно выходит на свою стезю и завладевает общим вниманием: — Нет, заочное знакомство может боком выйти! У нас в армии тоже был один помешанный заочник. К каждому солдату приставал — дескать, познакомь да познакомь с какой-нибудь хорошей девушкой вашего села. Наконец ему дали адресок. Взял и с ходу написал

любовное письмо: «Я отличник боевой и политической подготовки, люблю, мол, жить без тебя не могу, мне ребята все рассказали про тебя, красавицу и героиню буряковых полей». Скоро пришел ответ: «Спасибо, сынку, по получению твоего письма я будто помолодела на пятьдесят rokov. Пиши еще, будь ласка, жду ответа, як соловей лета». Так вот, Тин-Тиныч, может, и твоя Валя перестарок?

Этих слов Валентин уже не выдерживает. Вскрикивает, быстро приносит из палатки потертый номер «Огонька» и, взволнованно тряся белокурым чубом, тычет в нос Фархутдину:

— Ты посмотри, посмотри!

Буровики уже не в первый раз начинают рассматривать девушку в косынке, с рюкзаком за плечами и геологическим молотком в руках. Журнал переходит от одного к другому, каждый хочет поддержать его подольше и сказать свое слово:

— Хорошая девушка. Такую — стоит поискать!

— Дай-ка и мне глаз положить...

— Нет, ты посмотри на взгляд!

— Да, гордовата, а так ничего...

— Отличные фары! И шасси крепкие, — говорит верховой Назип, потому что служил в авиации. — Вроде, и фюзеляж подходящий...

Тин-Тиныч свирепо вырывает у него из рук журнал и уносит в палатку.

— Это ведь кому как, — Фархутдин делает еще одну попытку завладеть аудиторией. — Может, есть какой-то особый вкус и в заочном знакомстве. Тин-Тиныч ушел? Ага, появился! Ну, слушай тогда, не хмурься. Другой мой армейский дружок решил тоже познакомиться с девушкой. Увидел в газете имя, фамилию и написал письмо. Почему не познакомиться? Передовая ткачиха, комсомолка, к тому же земляки — он призывался оттуда же, из Орехова-Зуева. И пришла на фабрику после десятилетки из знакомой ему школы. То есть какое-то будущее намечалось. Вот они и начали переписываться. А парень-то с башкой, исподволь ее словами берет. Кажется, со временем и понравились они друг другу по-хорошему. Показал он мне однажды ее письмо — такое рассудительное и душевное, что я бы сам не прочь, как говорится. Ладно. И вот парень посылает свой снимок со значками — парашютист и так далее. Попросил и ее фотографию. Пришло письмо с

пометкой: «Не сгибать!» Когда он взял в руки фото, то чуть не потерял сознание! Если бы вы увидели эту физию! Лицо — тыква, нос — свекла, волосы — помело, рот — щель в почтовом ящике. А глаза! Один смотрит на запад, скажу вам, а другой на восток, прямо в нашу Татарию. Конечно, парень перестал писать. Что дальше, спросите вы? Дайте-ка закурить!

Фархутдина угощают со всех сторон, он пренебрежительно отмахивается, снисходительно выбирает «Казбек», закуривает и задумывается.

— Ну! — нетерпеливо понукает его Тин-Тиныч.

— Да... Через год этот солдат побывал на родине в отпуске. Пошел, говорит, в кино и вдруг его останавливает какая-то милая девушка. Остановила, смотрит в лицо, на значки и спрашивает: «Вы, случайно, не такой-то?» — «Я», — отвечает. «Ну тогда, значит, я буду та, которая с вами переписывалась!» Сказала, говорит, и ушла. Солдат чуть еще раз в обморок не упал. Девушка оказалась хоть куда, буквально не насмотришься. Побежал следом. Догнал и попросил поговорить хоть минуту, но девушка не захотела даже взглянуть на него. Отрезала: «Я, говорит, послала фото, чтобы тебя испытать, но тебе нужен был не человек, а каменная кукла». Вот на свете что бывает!

После этого рассказа настроение Тин-Тиныча заметно улучшилось. Он горячо воскликнул:

— Молодец! Моя Валя поступила бы точно так...

В это время на другом конце поляны Зубаиров по просьбе Тин-Тиныча разговаривает по телефону с Тышляром, а в соседней палатке латает рубаху Кадермат, не сняв ее с себя. Он невольно слышит разговор.

— Ало, Тышляр? Ало! Кто? Председатель сельсовета? Говорят, там у вас стоят геологи, правда это? Не знаете ли среди них девушку по имени Валя? Как же так — председатель и не знает?

Около Фазыла с ребенком в руках стоит Райса. Она глазами и губами что-то пытается поправить в словах мужа.

— Пусть пригласят к аппарату любого геолога, — шепчет она, нагнувшись к уху Зубаирова.

— А там поблизости геологов не видно? Нет? Надо бы кого-то из них пригласить. Дело важное. Далеко?

— Пусть, пусть пригласят! — повелительно говорит Райса.

Зубаиров, расстроившись, кладет трубку.

— Ты только не командуй, ладно?

— Как это не командуй! Решается же судьба человека! На твоём месте я бы дала машину Тин-Тинычу и заарядила её в Тышляр.

— Повторяю, не командуй ты здесь! — повышает голос Зубаиров. — Кто за него бурить будет? Ты или я! И Сапарбая ты отправила! Ты! А теперь Тин-Тиныча?

— Молчи уж! Насчет Тин-Тиныча ты сам кругом виноват...

— Я?! — недоуменно и растерянно Зубаиров прижимает руки к груди.

В это время в палатку Зубаировых входит Кадермат, на его рубашке висит заплатка, в руке иголка с ниткой. Застеснявшись Райсы, заправляет рубаху в брюки.

— Извините. Я вот что хочу сказать. Отпустим Тин-Тиныча в Тышляр, а? Валя там. Если нужно, я сам выйду на вахту за него.

Не ожидавший Кадермата и его слов, Зубаиров совсем растерялся.

— Что ты говоришь? Откуда ты знаешь?

По тому, как посмотрел на него бурильщик, Зубаиров понял, что его слова о девушке, похожей на Валю, слышал и Кадермат. Нехорошо. Вот что может получиться, если раскрыть жене какую-нибудь тайну в палатке!

— Нет, Кадермат, не видел я тогда Валю. Просто была похожа... Мне показалось... Вот и сейчас я по телефону искал геологов...

— Так пускай съездит! Подумаешь, восемьдесят — девяносто километров. Ничего с машиной не случится.

Признаться, мысль о том, что та девушка и была Валей, все эти дни не давала покоя и самому Зубаирову.

— Хорошо, пусть съездит, — сдался мастер. — Иначе он от этого не избавится...

— Сейчас я его позову, — обрадовался Кадермат и выскочил из палатки. Однако Валентин шел сюда уже сам, окруженный буровиками, — видать, все они что-то решили сообща.

— Вот что, Валентин, — сказал Зубаиров. — В Тышляре объявились какие-то геологи. Съезди-ка туда. Может, Валя там...

— Съездить? — Валентин бессмысленно огляделся и тут

же полез в кабину стоявшей рядом с палаткой машины. — Там она, там, — я чую!

— Наверно, все же нужно получше одеться? — остановила его Райса.

Тин-Тиныч побежал в свою палатку и мигом появился в морской форме — в бескозырке с ленточками, в брюках клеш.

Фархутдин с подхалимским видом открыл перед Валентином дверцу кабины, поклонился, потом грубо затолкал его в машину.

— Смотри, без Вали лучше не показывайся на глаза, не то загрызу я тебя своими зубами.

— К шести утра быть здесь! — предупредил Зубаиров. Войдя в палатку, Райса вздохнула:

— Хорошо, если б разыскал...

— Мечта! — Фазыл сел к столу, достал из сумки бумаги. — Однако пусть собьет охотку...

Зубаиров не верил в то, что отыщется Валя, но после отъезда Тин-Тиныча ему стало как-то полегче. Может, он чувствовал, что такого рода поступок, бессмысленный с точки зрения житейской логики и даже несколько вредный для производства, прибавляет ему уважения среди рабочих, хотя он твердо знал, что для них главное — условия жизни и труда полегче да заработки побольше.

Он-то знал своих буровиков! И не раз мечтал постепенно заменить всех их хорошими, основательными людьми, такими, о каких пишут в газетах. Мечтал вывести бригаду в передовые, в знаменитые. Однако ничего не получалось. Сам виноват. Комбайнера Мутгарая взял, который плюет на буровую. С Сапарбаем очевидную глупость совершил, жену послушал, командир производства! Сейчас сам посадил и отправил к девушке Тин-Тиныча. Хорошо, если не найдет. А как найдет да не вернется? Вахта ведь развалится. Так вот, можно ли быть добреньким в ущерб делу? Слабость, больше ничего! Хуже и производству, и себе, и самим же этим людям, потому что им прежде всего нужна ровная работа и добрая зарплата.

А что сказал бы Ибрагим-заде, узнай он о разброде на буровой и такой слабости Фазыла? «Ты не мастер, — сказал бы он. — Мастер должен быть выше горы, тверже скалы и просторнее моря!» Хорошо, гора и скала — ясно, а что такое «просторнее моря»?

— Опять ты невеселый, Фазыл, — прервала его мысли Райса. — Ну что, что тебя гложет?

— Да так...

— Нет, Фазыл. Ты раньше был не такой. Становишься черствым человеком... Знаешь, только не подражай никому...

— Советчица! — усмехнулся Зубаиров, почувствовав, однако, в словах жены правду.

— Вспомни студенческие годы! Первый наш вечер, нашу общагу! Морозные ночи! Ты тогда был подлинным Фазылом. И сейчас иногда промелькнет тот Фазыл — когда шутишь, смеешься или по-товарищески говоришь с рабочими...

Зубаиров опять усмехнулся. «Тогда был Фазылом, а теперь не Фазыл». А она какая была, такая и осталась — за всем наблюдает и все замечает, хотя тогда и не прикидывалась умной, и не читала морали...

Да, как-то даже не верится, что он, Фазыл, был когда-то веселым, доверчивым, видящим одно хорошее в жизни. За это и полюбила его тогда Райса. Она так и сказала: «Да, люблю. За то, что ты такой есть». Нет, теперь Фазыл сколько ни старайся, таким стать уже не может, прошло его время...

— В молодости ты был живым, общительным парнем, — будто подслушав мысли Фазыла, снова заговорила Райса. — Став мастером, ты почему-то изменился!.. Словно подменил кто-то тебя.

Райса поставила на стол еду, села рядом с мужем, но к ложке не притронулась.

— А ты? — спросил Фазыл, видя, что жена не ест.

— Кухарка наедается запахом пищи, — сказала Райса.

Она с самого начала была против того, чтобы отделяться от бригадного котла. Люди сидят за общим столом, а они, будто чего-то тая, едят украдкой. Фазыл зазнаваться начал, вот что. Он считает, что обедать вместе с рабочими — значит терять свой авторитет. Хорошо, что буровики понимают это по-другому. Райса, краснея, им объяснила так: «У Фазыла болит желудок, требуется диета».

Видимо, это не по душе и самому Фазылу. Он нехотя помешивает ложкой суп в тарелке и ест через силу. Райса тревожно смотрит на мужа, не знает, можно ли сейчас затеять с ним важный разговор. Еще утром хотела сказать, но не осмелилась.

Райса была в Язтургае, узнавала насчет работы. И так уж получилось, что пообещала завтра же утром приступить к делу. Как сообщить об этом Фазылу? Что он скажет? Будет ругать или смеяться? Но, если подумать, правильно ли в таком молодом возрасте сидеть дома, имея высшее образование? Да, Райса дала согласие занять единственную в деревне медицинскую должность фельдшера-акушерки. Что ни говори, а это выход — работать и жить рядом с мужем. Знал бы Фазыл, как тяжело ей вдалеке от него!

Правда, пока нет в деревне ни здания для медпункта, ни оборудования, ни медикаментов. Надо начинать с нуля. Хороший человек, оказывается, председатель сельсовета Хафизов — встретил чуть не с объятиями. «Все найдем, все достанем, все устроим, сестричка-доктор, сказал, только работай!» Он еще не верит, что Райса действительно согласна быть фельдшером-акушеркой. «Ты, сестричка-доктор, наверное, шутишь? К нам не только с высшим специальным образованием, но и со средним не хотели ехать! Тебя скорее всего сам господь бог нам послал». Когда председатель узнал, что Райса жена нефтяного мастера Зубаирова, до крайности удивился и начал хвалить Фазыла: «Видать, он сознательный человек, если направил свою жену к нам». И тут же Хафизов напомнил о роли интеллигенции на селе, о значении укрепления низовых точек здравоохранения квалифицированными медицинскими кадрами... Как сказать обо всем Фазылу?

Вот он поднялся с места, взял куртку.

— Пошел на буровую. Наверно, геофизики кончают работу.

— Подожди-ка, Фазыл, — остановила его Райса и с трудом взяла себя в руки. — Вот что... Ты меня ругай не ругай, но я поступила на работу...

— На работу? На какую работу?

— В Язтургайский медпункт.

Зубаиров повесил куртку, сел на табуретку и взялся звать:

— Не слыхал, что в Язтургае есть такое учреждение! Значит, говоришь, поступила на работу в Язтургайскую клинику имени товарища Хафизова? Похвально! На какую должность, если не секрет! Главврач? Главный хирург? Или просто зав. отделением? Кажется, там есть ординатура и аспирантура?

— Фельдшером-акушеркой...
— Ах, фельдшер-акушерка! Ха-ха, значит, повивальная бабка с высшим образованием?! Поздравляю!
— Не смейся, Фазыл! Подумай, что сделал бы ты на моем месте? Только честно!
Зубаиров сердито сорвал куртку с крючка.
— Учти — будь осторожна! Есть у меня подчиненные, и меня мастером зовут, поняла? Меня знает вся деревня!
Зубаиров повернулся и ушел.
— И меня будет знать вся деревня! — крикнула Райса вслед мужу и заплакала.

15

После обеда в лагере неожиданно появился Сапарбай. Он приехал на трубовозе, и, стараясь не показываться на глаза товарищам, пролез в палатку, откинув ее заднюю полость.

Ребята, к счастью, ушли на вахту. Сапарбай поставил чемодан и, не раздеваясь, зарылся с головой в одеяло. Он почувствовал себя ужасно одиноким, словно в необжитой бескрайней степи. Теперь у него никого нет и никто ему не нужен. Обманули Сапарбая. Коварный Суенбай оставил его в такой темной степи. А ведь Сапарбай знал Суенбая, не раз слышал о нем плохое. Покойный отец говорил: «Не верьте Суенбаю. Ему в рот плюнул шайтан».

Сапарбай раньше не понимал многого. Как еще при живом брате Суенбай-ака мог приглашать людей на похороны? Почему сразу после этого скот двух семей свел в один двор? И припомнилось, как Суенбай-ака, оставив при отаре Сапарбая, бывало, уезжал на базар, сунув в мешок колхозную овечку. Ничего этого он не понимал Сапарбай, наивное дитя.

Но тогда Сапарбай был мальчишкой. А вот почему, став взрослым, послушался Суенбая, ушел на заработки и посылал ему деньги? Почему он письма писал Суенбаю-ака, а не самой Райхане?

С юных лет в памяти Сапарбая сохранилось слово «завещание», то и дело повторяемое Суенбаем-ака. Он знал, что завещание отца свято и его нельзя не выполнить, вот в память отца все это Сапарбай и делал...

После работы Фархутдин и Назип увидели на кровати Сапарбая человека укрытого с головой. Зашли в палатку, громко разговаривая, а тут разом замолкли.

— Сапарбай, что ли? — тревожно прошептал Фархутдин.

— Не может быть! Еще нет недели, как он уехал.

— Ну, конечно, Сапарбай! Спит, свернувшись, как котенок! — Фархутдин осторожно приподнял угол одеяла. — Клянусь аллахом, Сапарбай! Он.

Сапарбай приподнял голову, тяжело дыша и ничего не видя перед собой. Ему приснилось, будто пасет он лошадей в темной степи и к нему верхом на лошади приехал Завещание. Оно было похоже на Суенбая-ака — рот кривой, редкие, желтые зубы. Говорит: «Твоя Райхана у меня, догонишь — отдам». Сам носится галопом вокруг. Сапарбай проснулся, когда во сне догонял Завещание. Он был весь в поту.

— Ну, хорошо ли доехал, Сапарбай?

Но тот был еще во власти сновиденья.

— Что, Сапарбай? Может, вернулся, не разыскав свою степь?

— Степь на месте...

Сапарбаю не хотелось никому рассказывать о своем горе. Разве кто-нибудь поймет его? Начнут смеяться и дразнить.

— Что с тобой, Сапарбай? Может, заболел?

— Йок, ничего, — сказал Сапарбай из темного угла палатки.

Фархутдин вроде обиделся.

— Не хочешь рассказывать — значит, не друг... А мы тут все думали о тебе, переживали...

— Чего переживали?

— Не говори так, Сапарбай, — положил ему на плечо руку Фархутдин. — Ты думаешь, твоя судьба, судьба твоей девушки — как ее звать-то — не интересует и не беспокоит нас? Вон Тин-Типыч, прочитав книгу в стихах, сколько переживал за Онегина. А кто такой Онегин? Дворянский сынок, бездельник! А ты-то наш, трудяга!

— Ладно, скажу. У меня уже нет девушки, — вздохнул Сапарбай. — Кончилась для меня Райхана. Еще в поезде чуяло мое сердце — так болело и щемило. Нет, даже до этого, уже здесь мне стало казаться, что со мной сотворили какое-то нехорошее, злое дело...

Лежавший в постели Назип поднялся и присел на койку Сапарбая.

— Дальше, дальше...

— Сами видели — я, как дурак, посылал в кишлак столько денег. Иногда не оставлял и на еду. Все смеялись, дразнили, называли меня «копилкой». Терпел, все терпел... Ну, зачем я говорю вам об этом? Все равно вы ничего не поймете!

— Раз начал, досказывай...

Сапарбай глубоко вздохнул и продолжал дальше.

— А зачем я посылал деньги — никому из вас и в голову не приходило. Я их посылал на калым!

— А что такое калым? — спросил Назип.

— Говорю же — не знаете! У вас, нугаев, нет такого обряда. В Карал-Тубе была моя нареченная девушка. Звали ее Райхана. Вот на нее и собирал я деньги. Посылал их Суенбаю-ака, который остался мне вместо отца. А злодей Суенбай получал эти деньги и тратил! Ух, я бы этого гада!.. — Сапарбай схватился за голову, закричал: — Хотя бы раз съездил к Жаксыбаю, увидел Райхану! Йок! Даже не отдавал он ей мои письма! А сам всегда писал: «Райхана скучает, ждет тебя с нетерпением. Только денег на калым не хватает!» А я, дурак, все больше и больше денег посылаю!

— Да, здорово тебя, братец, надули!

— А невесту-то видел? — поинтересовался Фархутдин.

— Поехал я в Карал-Тубу, — по глухому голосу Сапарбая парни поняли, как ему тяжело. — Прямо в юрту вошел. Тихо. Пусто. Только в одном углу сидит грустный старик Жаксыбай... У меня будто сердце оборвалось. «Где Райхана?» — «У-у, Райхана уехала!» — говорит. «Куда уехала?» — «У-у, далеко уехала. Покинула нас. Зять увез ее в Алма-Ату!» — говорит. Вот так. Райхана ждала-ждала меня, потом, не дождавшись вести, год тому назад вышла за офицера, приехавшего в отпуск... Год назад еще...

— Вот тебе и калым! — воскликнул Назип.

В палатке стало тихо. Желая облегчить горе парня, Фархутдин стал неловко шутить:

— Глупый ты, Сапарбай! Сказал бы мне, нашел бы тебе даром отличную жену. Пол-литра — вот и все затраты...

— Перестань! Райхана же была моей нареченной...

— Мало ли на свете всяких договоренностей! Ах, бедняга! Я, бывало, за один вечер клялся несколькими девушками. Если на всех жениться!..

Назип перебил его:

— Не все же такие, как ты! Однако, Сапарбай, не го-

рюй. И правда, найдем тебе юную татарочку с глазками, как у газели.

— А я о чем говорю?!— воскликнул Фархутдин и, соскочив с кровати, мигом присел к Сапарбаю.— Не вешай носа, брат Сапарбай, найдем даже с узкими глазами, если тебе такие нравятся! Между прочим, а чем не устраивает тебя Карима из Ика? Она же за тебя душу отдаст! Надо немедленно написать ей письмо! О-о, брат Сапарбай, если возьмешь Кариму, она сама даст тебе калым — девка бережливая, и всякое дело у нее в руках горит. Впрочем, зачем калым? Ты обратил внимание на то, что она кругом мягкая, как перина. Слушай меня, что я тебе скажу: Карима — она сама калым! .

Сапарбай отвернулся, ему не хотелось ни разговаривать, ни слышать о женщинах.

— А где Тин-Тиныч?— Сапарбай только сейчас заметил отсутствие Валентина, которого уважал и любил.

— И он, друг, как ты, гонится за ветром. Поехал искать свою девушку. Говорит, где-то есть сокровище по имени Валя,— проговорил Фархутдин с издевкой.— За Тин-Тиныча работал Кадермат, а за тебя мы с Назипом отдувались. Так вахта и распалась...

— Ты, Фархутдин, зря говоришь, что Тин-Тиныч гонится за ветром. Ты не смейся! У него любовь от чистого сердца, от всей души. И я верю, что найдет он свою Валу. А далеко ли уехал Тин-Тиныч?

— Далеко.

Назип сладко захрапел. И у Фархутдина глаза уже слипались, но Сапарбай все задавал и задавал вопросы, будто не бывал здесь целый год. «Сергей здоров?.. Как Миргазиян?.. Еланский все еще бегаёт с гирями?.. Как настроение мастера?..»

И вдруг Сапарбай рывком вскочил:

— А Райсахан ничего обо мне не говорила?

Фархутдин понимал Сапарбая, который, конечно, беспокоился за деньги, занятые у Райсы. Думает, наверно, что все обо всем узнали, и опасается, что буровики будут над ним теперь издеваться.

— Нет, не говорила... Давай спать, что ли?

Фархутдин уже заснул, но Сапарбай разбудил его еще раз:

— Сколько метров прошли?

Этот вопрос почему-то отогнал сон Фархутдина. Это

еще что за новость? Умереть можно — Сапарбай вдруг начал интересоваться метрами! Раньше он и рта не раскрывал об этом. Если буровая работала, интересовался: «На сколько рублей пробурили?» Если по какой-то причине простаивали, спрашивал: «Это сколько рублей будет?» Других вопросов Фархутдин не помнит.

— Теперь тебя только мастером назначить, Сапарбай! — сказал он и укрылся с головой.

«Утром рассчитуюсь с Райсахан и поблагодарю ее, — думал Сапарбай. — А что ей сказать о Райхане? Ой, Райсахан, не получилось же, не удалось! Не смог я привезти свою Райхану, не смог показать тебе, какая она красивая, хорошая! Нет, не Суенбай, а во всем виноват я! Я сам темный, овечья голова!..»

16

Бригада Зубаирова на Язтургайской площади прошла тысячу метров. Такому скорому и неожиданному успеху, достижению этой глубины без особых осложнений боялись верить и начальство, и геологи, и буровики, и даже сам Зубаиров. Плещущаяся в хвосте бригада вдруг вышла по конторе в передовые! Имя Зубаирова стало упоминаться в местных газетах и по радио. Потом несколько раз похвалили вахты Сергея Саакяна и Тин-Тиныча, а однажды привели в качестве хорошего примера лично Кадермата.

То, что бригада Зубаирова вырвалась вперед, буровики других бригад объясняли по-своему. Директор, дескать, просто подарил бригаде Зубаирова Язтургайскую площадь, и справедливо — не вечно же человеку положен ад, он должен побывать и в раю.

Действительно ли зубаировцы попали на хорошую площадь или это только временное везение — геологи не спешили сказать последнее слово. Предварительные исследования площади были противоречивыми. Полевая разведка, например, изучив верхнюю земную кору, предположила: «Площадь должна быть продуктивной, она скорее всего — продолжение Ромашкинского месторождения».

Потом приехала геофизическая разведка, чтобы определить строение горных пород. Гравиметрическим способом, очень чуткими приборами, геофизики исследовали залегание пласта под землей и установили, что здесь

нефти нет. Если даже и есть, сказали они, то ее запасы не имеют промышленного значения и недостаточны даже для покрытия затрат на бурение.

Применили магнитометрический способ. Специальная сложная аппаратура, способная видеть сквозь семь слоев земли, показала, что на большой глубине магнитные массы не одинаковы. Значит, нефть должна быть! А вот сейсмический прибор повел себя странно. Этот метод, основанный на изучении недр с помощью искусственных взрывов и фиксирования силы отражения толчков, засвидетельствовал: наличие нефти сомнительно. Большие надежды возлагались на электрические поиски. Геофизики несколько раз проверяли, как породы пропускают ток, и сказали: «Нефть есть!»

Исходя из этих противоречивых сведений, геологам предстояло решить главный вопрос: бурить или не бурить дальше Язтургайскую площадь. Это было ответственным делом, не пустячным — бурение только одной скважины стоило миллионы рублей. Миллионы эти суммарно выражали огромные затраты человеческого труда, электроэнергии, расходы на дефицитные материалы и эксплуатацию дорогостоящих машин. И для решения вопроса «бурить или не бурить» нужны были не только знания, но и опыт и какая-то внутренняя интуиция и чуткость специалистов.

Геологическая карта Язтургайской площади была наконец составлена. И хотя разрезы подземных пластов обрели четкие графические контуры, ответить на коренной вопрос — есть тут нефть или нет? — должны были вот эти буровики, которые вели самую достоверную разведку недр путем бурения глубокой скважины. Причем геологов особенно интересовали подлинные границы Ромашкинского месторождения.

Полученные при бурении образцы пород, вымытый из-под бура навверх шлам и спущенные в скважину геофизические приборы подтверждали правильность составления технического наряда. Земные пласты тут были неоднородными. Твердые и мягкие породы чередовались. Навверх извлекались то глина, то камень, то известь, а на глубине триста метров был обнаружен неспелый угольный пласт.

Но характерным и тревожным было то, что все еще не попадались предсказанные геологами подземные пустоты и газовые конденсаты. Это обстоятельство постоянно

держало буровиков в напряжении. Достигнутая тысяча метров составляла лишь половину проектной глубины. Привыкая бурить скважины с постоянными трудностями и неожиданными осложнениями, бригада Зубаирова все еще не верила, что дела у них, извечных мучеников, идут гладко. Буровики ждали скорых перемен.

Эти дни наступили.

Сергей Саакян со своей вахтой бурил последний час. Измучившись в начале смены с твердой породой, Сергей вдруг почувствовал, как бур вошел в мягкую среду. Он прибавил давление, чтобы хоть немного нагнать метры. За семь часов его вахта прошла только четыре метра. Четыре! Позор. И вообще за последнюю декаду люди Сергея добились не очень многого. Как назло, на их вахту всегда приходился твердый слой и много рабочего времени тратилось на подъем труб и смену износившихся долот. Поэтому его, ученика самого Ибрагима-заде, догнала вахта Кадермата, стала наступать на пятки и вахта Тин-Тиныча...

— Быстрее, ребята, быстрее! — погонял своих буровиков Сергей. — Чуете, нога наступила на мягкое!

Поднимая и опуская тормозной рычаг, Сергей осторожно щупает забой. За семь лет работы он научился через дрожь этих рычагов чувствовать горную породу на глубине сотен метров и правильно ее оценивать. Вот бур прошел указанный в техническом наряде булыжный пласт, дошел до мелкого кварца. Буровики называют его «тихим слоем». Но иногда даже и «тихий» показывает свой нрав... Может, прекратить бурение с глиной и переходить на воду?

Разве Сергею не приходилось, не возясь с глиной, проходить такие пласты только на воде? Приходилось. Сейчас есть бригады, которые всю скважину бурят только водой. Глина вышла из моды, скорость бурения повысилась вдвое.

— Да ничего не случится! — решил Сергей и, радуясь тому, что бур входит в пласт, как в воск, нажал на него посильнее. Иногда недельное бурение твердых пород компенсируется вот такими считанными минутами.

Непривычная скорость бурения встревожила Мутгаря. «Не к добру», — с особой осторожностью подумал он. Стараясь прокричать гул буровой, крикнул:

— Не забывайся!

— Давай, давай.

Сергей был очень самолюбивым человеком и не терпел плестись сзади. Если начинали обгонять Саакяна, он лишался сна и аппетита. И чего только не делал на первых порах, чтобы вернуть первенство!

В целях экономии времени он даже перестал осматривать перед началом работы буровое оборудование. А однажды был уличен в сокрытии опытных буров. На бригадном собрании Сергей не хотел признать свою вину. «Я же не продал их! И не бурил скважину для соседей!» — кричал он. На этом собрании резко выступил против Сергея Валентин. Оказывается, Саакян крепко подвел Тин-Тиныча. В обиход вошло, что при сдаче вахты буровики стараются не терять времени и принимают буровую под честное слово. Пришел на вахту Тин-Тиныч, спрашивает Саакяна: «Все в порядке?» — «Все на месте», — ответил Сергей. Но не успели даже остыть его следы, как Валентин почувствовал, что тормоз работает плохо. Посмотрел, — а ленты износились до бандажа, не держали. Сергей, решившись на легкую добычу метров за счет товарищей, был вынужден признать вину и покаяться.

После того собрания Саакян уже никогда не подводил сменщиков, к смене вахты подготовит инструмент, осмотрит оборудование, почистит буровую — пожалуйста, начинай бурить!

Да, изменился Сергей, но не настолько, чтобы уступить первенство другим. В соревновании он был все так же ревнив.

Если какая-либо вахта пробурит больше его на пару метров, Сергей выходит из себя, с горячностью кавказца бросит на землю шапку и начинает кричать на своих помощников:

— Тюхи вы, мямли! Люди могут, а вы нет!

А сегодня бур попал в полый пласт и, как бешеный, шел вниз. Это заставило Сергея забыть обо всем. Он бурил с яростью, жадно, не чуя опасности. А она притаилась в забое.

Когда прибыла вахта Кадермата, буровая молчала. Обхватив руками голову, Сергей спускался с мостика.

— Мастер не приехал? — спросил он хриплым голосом.

— Что случилось?

— Прихват. Инструмент в забое.

— Эх ты, метрогон!..

Несколько часов Кадермат и Саакян бились, стараясь

освободить инструмент, прихваченный на глубине одного километра. Пытались вытянуть трубы лебедкой, провернуть их ротором. Колонна под землей даже не шелохнулась.

— Да, Сергей, братец, здорово ты сел,— сказал Кадермат, дрожащими пальцами доставая папиросу.— Рекордист...

Услышав по телефону об аварии, Зубаиров немедленно вернулся из конторы.

— Эх, ребята, загубили вы нашу скважину!..

Схватив новые, ненадевавшиеся рукавицы, Зубаиров вошел в буровую, поднялся на платформу и взял рычаги на себя. Вертел ротор то в одну, то в другую сторону, пытался шевелить трубы, потом выгнал всех и стал вырывать инструмент. Со стоном гнулась сорокаметровая вышка, толстые стальные тросы, охватившие концы труб, натянулись до предела, однако порода не отпускала жертву.

— Не ожидал я такого от тебя, Саакян,— Зубаиров бросил рычаги.— Узнал бы Ибрагим-заде...

— Причина аварии ясна,— сказал Кадермат нарочито спокойным голосом, чтоб успокоить всех.— Рыхлый пласт завалился и прихватил колонну с инструментом.

— Верно. Пласт завалился, прихватил,— Зубаиров остро взглянул на Кадермата, предчувствуя, куда тот повернет разговор.— В журнал можно записать так. Но причина обвала в том, что Саакян не применил глинистого раствора!

— Нет, раствор не всегда может спасти скважину от завала, посмотри на соседей: бригада Нелина всю скважину пробурила водой, а Габдуллин сидел на аварии, хотя и применял раствор.

Зубаиров начал говорить о том, что, конечно, скоростное бурение водой дело новое, интересное. Дешево, бесхлопотно, можно сказать, прогрессивно. При уместном применении вода дает отличные результаты. Однако «тихий слой» надежнее проходить раствором. Тоже практика.

— Саакян это знает не хуже тебя, мастер, но все решает момент.

— Раствор, друг Кадермат, используется не только для верчения бура, но одновременно служит и материалом, который смазывает и укрепляет ствол скважины.

— Ты, Зубаиров, не читай мне букваря. Я его еще до войны прочел. Знаю, что такое раствор. Но я о другом —

сейчас не время виноватых искать! Ты лучше скажи, что будем делать? Какой у нас есть выход? И если уж я, Кадермат Имамутдинов...

Кадермат не договаривает, но Зубаиров прекрасно понимает: если уж он не смог сладить — дело дрянь. Тогда вообще нечего возиться. В бригаде не было другого человека, умеющего столь быстро, как Имамутдинов, ликвидировать аварии. Однажды на Икской площади во время подъема инструмента вдруг сорвался замок элеватора, который удерживал многотонную колонну труб, и она упала обратно в скважину. Дело казалось безнадежным. Однако Имамутдинов тут же спустил в скважину новую трубу и каким-то чудом нащупал резьбу. Это было все равно что засунуть руки в мешок и вдеть там нитку в иголку. Кадермат завернул трубу и поднял колонну. Зубаиров никогда не видел, чтобы кому-нибудь удавалось так легко справиться со столь сложной аварией. В Баку, бывало, возились самое малое полмесяца. А тут за полчаса!

Позже такая беда грянула в вахту Саакяна. Сергей решил применить метод Кадермата — спустить в скважину трубу с хорошо смазанной резьбой. Несколько часов крутили трубу ротором, но тщетно — резьбы в забое не сошлись. Замучились все. Под сифоном с головы до ног обливало раствором глины — у ребят виднелись одни глаза. Зубаиров совсем отчаялся, сам несколько раз попытавшись свинтить трубы, потом вызвал Кадермата.

Долго провозился Кадермат, стараясь поймать головку колонны, упавшую на трехсотметровую глубину. Наконец схватил и поднял до устья скважины. Не успели даже порадоваться, что скважина спасена, колонна сорвалась и снова с грохотом нырнула в забой.

Разведчики оцепенели. Зубаиров зажмурил глаза. «Бросьте, не мучайтесь! Трубы уже превратились в лапшу, вытащить их невозможно!» — махнул рукой мастер и спустился к реке смывать с себя глину. В таких случаях лучше бурить новую скважину.

А утром, когда Зубаиров пришел на буровую с намерением перекочевать на новую точку, то увидел: погнутые, искореженные трубы лежат на земле, а люди Кадермата сидят на них и курят. Фазыл рванулся тогда к Кадермату, обнял, поцеловал его в усы и, помнится, испачкался в глине, пришлось снова идти отмываться...

Да, Зубаирову «везло» на аварии. Видал он и завалы пласта, и прихваты инструмента, и уход воды. У него уже вырабатывалось бесценное в бурильном деле качество — воспринимать любую напасть без паники и активно искать выхода из самого тяжелого положения. И почти всегда находились способы отстоять скважину. Но эта была совсем безнадежна. Бросить ее и начать бурить в другом месте. Нет ничего обиднее и больнее, как дойти до такой глубины и оставить похороненным под землей целый километр металлической колонны! Сколько здесь положено сил, сколько пролито пота!

Зубаиров мысленно перебрал в памяти все свои прежние буровые, все аварии. Может, пригодится какой-то способ? Однако одна авария не похожа на вторую, а вторая на третью. Никакой аналогии не подбиралось...

Позвонить Ибрагиму-заде и посоветоваться?

— Ну, Ибрагим-заде, скажи хоть одно слово, что сделал бы в моем положении ты? — Мысленно Зубаиров спрашивал знаменитого мастера. — Твой любимый бурильщик Саакян меня посадил в галошу, Ибрагим-заде.

— А где был ты, мастер?

— Ты прав, Ибрагим-заде. Мастер должен следить за процессом бурения, за режимом работы. Тут виноват я. Но сейчас прошлого не воротись — ошибка совершена. Что делать?

— Подумай, Фазыл, у тебя, помнится, была голова. Все ли возможное сделал?

— Кажется, все.

— Тогда соверши подвиг.

— Как это понять?

— Мой друг Абубакир говорил: «Подвиг — это последнее средство для достижения цели, если все другие исчерпаны». Действуй — И сколько ни думал Фазыл, единственный выход был в том, чтобы бур с турбиной оставить под землей и начать новое бурение, чуть отклонившись от этого места. Долго спорили и прикидывали, потом вынуждены были согласиться с мнением мастера. Решили спустить по трубе в забой торпеду, чтобы взорвать нижнюю часть колонны.

17

Первые дни работы в Язтургае Райса недоумевала — в селе, оказывается, не было ни больных, ни рож-

ниц. В медпункте, выделенном по распоряжению райисполкома, в этом просторном, но старом и запущенном помещении, где раньше содержались колхозные цыплята, Райса целыми днями ждала прихода пациентов.

Правда, пока здесь хватало и хозяйственных забот. Сельские плотники, отремонтировав оконные рамы и двери, сказали: «Остальное смотри сама». Это означало: «Мы и так сделали больше, чем нужно, дальше на нас не рассчитывать».

Взяв ведро с водой и мочалку, Райса вымыла помещение. Затем побелила стены, тайком попросила Фархутдина стащить с буровой и принести ей голубой краски. Сама покрасила оконные рамы. Занавесок не было, пришлось шить их из марли. Оставалось раздобыть стол, какой-нибудь шкаф для лекарств, кушетку, чтоб осматривать больных, койку, несколько табуреток. Начать и кончить, только и всего.

Но дело было начато! Райса хотела отдохнуть немного, насладиться результатами своей работы. Думала присесть — нет стула. Не прислониться и к стенке — еще не высохла побелка. Опереться на подоконник тоже нельзя — липнет и мажет. Стала шагать взад и вперед, положив руки за спину, как делают мужчины, с удовольствием осматривая комнату. Все в порядке. Получился настоящий медпункт!

При желании Райса могла бы остаться в Казани и работать в солидных поликлиниках, просторных республиканских больницах. Ей дали направление по своему усмотрению — ведь она получила диплом с отличием. Предлагали работу в научно-исследовательском институте, звали в аспирантуру. Что скрывать? Мечтала Райса работать в клинике. Пожертвовала этим ради любви к Фазылу...

Да какая это жертва, если взамен ее — счастье? Пусть маленькое, но ее счастье, Райсы Зубаировой! Может, обвинят ее в эгоизме? Скажут: индивидуалистка, живет только для себя. Но разве личное счастье — не частица счастья общественного? И сейчас свое счастье надо крепить этой скромной работой. Снова к Хафизову...

После настойчивых просьб председатель сельсовета распорядился перевезти в медпункт тяжелый книжный шкаф с выломанным замком. Работники почты подарили «дохтуру-апа» хромой на одну ножку стол. А табуретки

послал с учениками сам директор школы благородный Даминов. Он вроде сказал детям: «Тетя врач вам больше всех нужна будет».

С койкой дело обстояло сложнее. У людей не допросишься, каждый спит на своем ложе, а купить — в магазине нет.

— Пойдите-ка, ведь в нашей палатке две койки! — сообразила Райса. Однако, вспомнив последний разговор с Фазылом, она побоялась показаться в палаточном городке.

Ведь если подумать — в каком теперь положении оказалась Райса? Фазыл женился на ней, когда они еще учились в институте. «Для любви нет преград. Людей, желающих сойтись и жить вместе, никто не может разлучить», — говорил он в те дни, когда был опьянен любовью. Однако получилось так, что молодые с первых же дней вместе не жили, а в последующие годы Райса не раз с горечью думала, что самой судьбой ей предначертано всю жизнь гоняться за мужем.

Супруги-студенты оставались в разных общежитиях и вечерами слали друг другу приветы через те же окна, в которых впервые увидели друг друга. Когда же Фазыл окончил институт и получил назначение в Бугульму, Райса попросила и ее послать туда. Она с гордостью сказала распределительной комиссии: «К мужу», — и несколько даже хвастливо показала штамп загса в паспорте. Возражать не стали, вручили ей направление в бугульминскую больницу. Но в этой Бугульме не было нефти, хотя объединение — самая крупная нефтяная организация — располагалась там. Место работы Фазыла оказалось у какого-то села Ромашкино. Даже не заходя в свою больницу, Райса поехала в это самое Ромашкино. Однако в деревне не было даже медпункта. Фазыл жил на квартире, а на работу ездил в поле. Успокаивал: если здесь найдут нефть, Ромашкино начнет быстро расти, превратится в город, где будут построены многоэтажные больницы и поликлиники. Однако все это в будущем, когда-то, а пока приходилось ждать. Да, надо было поскорей найти «черное золото», чтобы сделать больницу и поликлинику для Райсы. Без этого никак не приблизишь совместную жизнь. Но как ее приблизишь, если ты хоть и инженер, а работаешь пока еще простым бурильщиком?..

Один за другим проходили дни, месяцы. Нашли нефть

в Ромашкине, где скоро возникли большие дома, больница и поликлиника, но Фазылу и Райсе совместная жизнь все еще не была суждена. Молодой мастер Зубаиров организовал свою первую бригаду и в поисках нефти поехал дальше. Если не считать его редких приездов на один-два дня, на две-три ночи, Фазыл фактически не был рядом с ней уже год, и тоска по его нежности и горячности снедала ее, часто мужа никакими силами нельзя было сыскать ни по телефону, ни телеграммой. Мечтая о семейной жизни, Райса однажды собралась покинуть Бугульму и поехать к Фазылу. Где жить, как жить, что делать? — об этом она уже не думала. И когда совсем приготовилась к отъезду, задержала беременность. А потом рождение ребенка.

Но вот Райса решительно рассчиталась с больницей и, взяв Лялю, приехала в ту палатку, что стояла вблизи Язтургая. Поначалу она даже побоялась сказать Фазылу правду. Соврала, что получила отпуск и приехала только в гости. Муж уже окончательно превратился в бродягу, и нужно было, чтобы он снова попривык к ней. Следовало снова приручить его, что ли, то есть научить жить вместе с женой, семьей. Если бы Фазыл узнал в первый же день, что Райса приехала в Калиновую рощу насовсем, как бы он поступил? Ясно как, потому что совершенно отбился от рук...

Как бы то ни было, Райса добилась своего. И все шло ладом, если не считать кой-каких мелочей. А теперь вот ей нашлась и работа по специальности...

Конечно, Райса пришла в лагерь не только за койкой. Фазылу, думала она, уже пора остыть и смириться. Нужно было объясниться с ним, убедить, что ей надоело бездельничать в лагере, что стало просто невозможно жить дальше без работы.

Фазыл уже вернулся с буровой и, задумчиво посвистывая, скреб ножом молодую картошку. Увидев в палатке Райсу, он словно ошалел от радости — вскочил с места, обнял жену. Даже следа вчерашней обиды не было, и Райса подумала: «Недаром говорят: дальше солнце ласковее».

— Ну, как там в Язтургае, Райса? С кем оставила дочурку? Ляля обо мне спрашивает? Где расположен медпункт?

Не дожидаясь ответов, он возбужденно задавал новые вопросы и не скрывал своей радости. Потом погрустнел:

— На буровой у меня дела паршивые, Райса. Сели

мы, крепко сели. Запороли скважину — на глубине тысячи метров застрял инструмент... Ты меня, можно сказать, бросила... В самое нужное время нет даже советчика...

— Я — советчик? — засмеялась Райса. — Какой же я советчик? Что я знаю?

— Мне не надо знаний. Легче стало бы даже от твоего сочувствия. Без тебя тяжело, оказывается, Райса, ох тяжело!.. Да что ты смеешься-то?

Но надо было и к делу приступать.

— Фазыл, милый, — начала Райса сладким голосом, — скажи, мы с тобой уместимся на одной койке?

Фазыл, видимо, понял это по-своему и раскинул руки.

— Конечно, уместимся!

— Нет, нет, погоди! Отдай мне эту кровать. Никак не могу найти койку для медпункта...

— Вон ты куда гнешь! А ты знаешь, что она государственная?

— Знаю. Но ведь и медпункт государственный!

— Два министерства: здравоохранения и нефтяной промышленности!

— Ну и что? Мы служим им обоим. Если ты заболешь, не пойдешь же к своему нефтяному министру!

Зубаиров рассмеялся.

— У тебя железная логика! Бери, только не насовсем. — Фазыл вдруг опомнился. — Постой, беглянка, постой, а где сама будешь спать? Ты вообще-то думаешь возвращаться?

— Соскучишься — сам приедешь, — улыбнулась Райса. — Долго я бегала за тобой, прошло твое время...

Появилась и кушетка. Хотя у Мутгарая, кроме пилы и топора, других инструментов не было, мастер есть мастер: из досок он сколотил очень удобную лежанку.

Вот так потихонечку и оборудовала Райса медпункт. В районной аптеке закупила нужные лекарства и инструменты, даже на дверях написала «Язтургайский медпункт», однако никто еще порога этого медицинского учреждения не переступал.

— Неужто в Язтургае люди совсем не болеют? — все удивлялась Райса. — Что же это получается? Неужели так и придется сидеть сложа руки и ни за что получать зарплату?

Дело дошло до того, что Райса втайне стала желать

людям болезней, — вот ведь до чего может довести профессиональный эгоизм. Вскоре, однако, стало ясно, что и в Язтургае живут не бессмертные, не ангелы, тут, как везде, заболели дети, есть и больные с застарелыми недугами, и женщины, как всюду, рожали. Только язтургайцы не привыкли обращаться в «медпункт», обходились сомнительной помощью старух-знахарок. Как в старину, роженицы звали повивальных бабок, а если на свет появлялся мальчик, то потом приглашали деревенского мастера по обрезанию — суннатчи.

Райса сходила к одной из бабушек-знахарок, чтобы узнать, какие болезни, чем и какими способами она лечит. На нарах сидела и перебирала четки высохшая горбатая старуха. Самое меньшее ей было лет восемьдесят. Заметно недослышала, плохо видела, туго соображала, но когда пошли расспросы, знахарка на удивление охотно поделилась своим опытом врачевания.

Под матичным бревном, на стенах, над окнами и на полках сушились различные травы и корни. Там были подорожник, крапива, ромашка, чертополох, корни чемерицы, папоротника, цветы девясила. Оказывается, бабка рекомендовала больным настой этих трав и корней. «Очень полезны бывают полынь и мятник», — сообщила старуха. Травы использовались против простуды, прикладывались к нарывам и ранам. Главная разница рецептуры состояла в том, что старуха заговаривала свои снадобья, и в каждом отдельном случае, в зависимости от хворостей, лечебные слова в душу ей закладывал сам аллах.

Райса не отрицала полезности многих трав, но колдовской шепоток старухи ее просто смешил. Потом она обратила внимание на черную кошку с белыми усами, лежащую на коленях старухи. Оказывается, в тяжелых случаях старуха полоскала в плошке кончик кошачьего хвоста и эту воду давала больному. «Помогает ли, спрашиваешь? Еще как! Болезнь тут же будто живой рукой снимает!»

Зашла Райса и к суннатчи. Это был чернобородый и черноусый здоровяк, этакий полнокровный дядя лет под шестьдесят. Увидев Райсу в белом халате, встретил ее, как коллегу, поздоровался обеими руками, вежливо попросил сесть и приказал жене готовить чай. Расставляя чашки, раскладывая ложечки, приговаривал:

— Очень рад, очень разумно. Нужна, очень нужна

нашему селу медицина. Ничего не поделаешь, теперь век науки. — Потом вдруг предложил: — Вы, наверно, и сунну возьмете на себя?

— Обрезания больше не будет, дед.

— Не будет? А что будет? Может, медицина открыла что-то новое?

— Сунна ликвидируется!

— Этому не верю, дохтур, клянусь аллахом, не верю! Во-первых, мусульманину обрезание положено, во-вторых, что скажет народ. Его мнение надо знать! В нашей стране демократия! Как говорится, свобода личности и вероисповедания...

Говорливый дядя рассердил Райсу:

— С сегодняшнего дня вы прекращаете свою деятельность. Я этого требую!

— И-и, дохтур, дохтур! — засмеялся суннатчи. — Я бы с радостью прекратил, да народ просит. Даже приезжают на подводах и машинах! А мне что? Раз просят, не могу отказать.

— Больше не поедете! — строго предупредила Райса.

— Постараемся. Только ведь, дохтур, не всегда по-нашему получается — народ, он сильнее.

Старик вышел провожать Райсу. Когда дошли до ворот, он нагнулся к уху Райсы и прошептал: «Может, разделим село, а? Каждому своя махалла, — вы возьмете верхнюю часть Язтургая, я согласен на нижнюю».

Райса не поняла, сказал это старик серьезно или издевался. Она молча повернулась и зашагала по улице не оглядываясь. Нет, так нельзя, нужно собрать население, разъяснить, как опасен этот обряд для жизни младенца. Сколько гибло их от острого воспаления и даже заражения крови...

«Заодно повидать и повивальную бабу», — решила Райса и, расспрашивая людей, направилась в нижнюю часть села, ближе к реке...

Райса знала и акушерские методы деревенских старух. Но что оставалось делать роженице, если в селе не было акушерки? Только обращаться к опыту старших. Кто из женщин благополучно рожал — хорошо, спасибо бабке-повитухе, кто не мог — значит, аллах так хотел. Райсе предстояло взять акушерство в свои руки.

У повитухи Райса хотела узнать, сколько было на селе рожениц за последние пять лет, число погибших младен-

цев и смертей от родов, потому что в сельсовете она таких данных не нашла. Эти сведения ей были нужны для предстоящей лекции.

— Откуда знать обо всем этом? — сказала басом повивалка, жалуясь на память. — За свою жизнь я приняла несчетное количество детей! — И тут же похвастала гордо, будто сама всех их родила: — Первые мои дети уже сами стали отцами. Кто агронум, кто, как и ты, дохтур, есть и офицеры, дай бог им здоровья. Один даже генерал. Стоит только им приехать в отпуск — все идут к бабке... Быть повитухой — это очень святое дело, дочка...

— Смертельные исходы были?

— Были, дочка, были. Дальше аллаха не пойдешь, умней его не станешь. В прошлом году от родов померла дочка Сороки-Миннисы, а нынче весной преставилась продавщица Салима. Недавно у Зайтуны ребенок никак не хотел родиться, а только вчера аллах отнял младенца у Назиры с 'верхнего конца. Дальше аллаха идти не можем...

И еще несколько дней Райса бегала по селу. Составляла списки больных и инвалидов, взяла на учет всех беременных женщин. Потом занялась анализом данных. Факты говорили, что в Язтургае преждевременная смерть довольно частый гость. За короткий срок три женщины умерли от родов, два ребенка не увидели света.

«Нам до больницы далеко, туда мы едем только по крайней нужде», — говорили сельчане. Это означало: о враче вспоминают только тогда, когда знахарки запускают болезнь и смерть уже хватает человека за горло. За эти дни Райса пришла к твердому убеждению, что население Язтургая нуждается в квалифицированном медицинском обслуживании и что врач, будь он здесь, мог бы предотвратить многие смертельные случаи. Она немедленно сообщила об этом в райздрав. Надо же принимать меры.

Когда в медпункт доставили первого пациента, Райса даже обрадовалась. Это было через полмесяца ее работы в Язтургае. Да, Райса так обрадовалась, что чуть было не сказала ему: «В добрый час!» Пожилой колхозник порезал палец на заточке косы. Посыпал рану землей, перевязал платком, но рана не зажила. Сенокос прошел, наступила страда. К тому времени в Язтургае уже открылся медпункт, но раненый отправился к знахарке. Та велела ему поймать на месте сенокоса ядовитую змею. Принес. Старуха сняла шкуру змеи, заговорила ее и накрыла место

нарыва. Руку раздуло. В медпункт большого привезли с высокой температурой, с распухшим лицом и лиловой рукой, похожей на колоду. Райса стала ежедневно делать ему уколы пенициллина, применила другие лекарства. Наконец нарыв стал проходить. От этого человека, отца большого семейства, и получила она первую свою благодарность в Язтургае.

Райса окончила хирургический факультет, и это вскоре пригодилось. Как-то после работы она забежала на минутку домой, спеша за дочкой к старушке, которая днем нянчила Лялю. Чтобы посмотреть, как живут жена и дочь, приехал Фазыл. Он ходил из угла в угол, недоверчиво осматривая квартиру. Состояла она всего из одной комнаты в школьном доме, куда Райсу поместили временно, до приезда из летних отпусков молодых учителей.

Супруги собрались за дочерью вместе, но вдруг без стука вошел председатель сельсовета Хафизов. Не говоря ни слова, держась за живот, он свалился на пол.

Не только Зубаиров, но и сама Райса растерялась. Фазыл подумал, что председатель пьян. А Райса с первого взгляда поняла: острый приступ. С Фазылом они быстро раздели больного, положили на кровать. По тому, как больной стонал при осторожной пальпации правой части живота Райса установила диагноз: аппендицит. Третий приступ, последняя стадия. Требовалась срочная операция. Что делать? Фазыл предложил на своей машине отвезти местное начальство в районную больницу, но Райса возразила — можно не успеть.

Операция? Нет, фельдшер-акушерка не имеет такого права. А почему нет? Хотя Райса по штату числилась фельдшером-акушером, в действительности она же дипломированный врач-хирург! И с опытом.

— Ну, Фазыл, будешь мне ассистировать, — решила Райса. — Зажги печку, скипяти воду, а я принесу из медпункта инструменты и лекарства.

Райса выбежала из дома.

— Ассистировать! — пробормотал Фазыл, растерянно оглядываясь. — Нашла помощника...

Райса не раз удаляла аппендикс. В Бугульме она была ассистентом при главном враче, хирурге с многолетним стажем. Старый хирург говорил: «Эта операция — все равно что два умножить на два, хотя один больной никогда не похож на другого. И бывает всякое...» Удаление аппен-

дикса он нередко поручал Райсе, а сам становился ассистентом. Это была одна из форм обучения молодежи.

Райса была уверена в себе, но в таких условиях, без помощника, было довольно рискованно приступить к операции. Можно допустить непоправимую ошибку, а врач-хирург, как и минер, ошибается только один раз. Доказывай потом, что имела право на операцию...

И это непоправимое едва не случилось. Уже инструменты были прокипячены и подготовлены средства для анестезирования, когда выяснилось, что второпях она за-была в медпункте нитки. Бежать назад было поздно — состояние больного на глазах ухудшалось.

— Нитки нужны, нитки! — Вскричала Райса, не помня себя. — Давай суровые.

— Какие суровые? — недоуменно спросил Фазыл.

— Обыкновенные суровые нитки, что делаются из льна! Беги по соседям, скорей!

Фазыл побежал. В первом же доме какая-то старушка, причитая и охая, сунула ему в руки большой плотный клубок ниток. Райса вскипятила их, стерилизовала, затем, уже не глядя на своего «ассистента», приступила к операции. Боже, пошли ей успеха...

Фазыл с детства боялся крови и плакал, когда в школе заставляли резать лягушек. Вот белую кожу Хафизова рассек скальпель. Зубаиров крепко зажмурил глаза, со скрипом стиснул зубы, дыхание горячим паром ударило в поздри, на лбу выступал пот. «Ну, эти медики! Режут живого человека... Никогда не смог бы... Убьет, ей-богу, убьет... Уже убила?.. Нет, будто бы живой... Это тебе не скважина, тут нельзя ошибиться... Ну, Райса! Какая смелая женщина, оказывается! А с виду девчонка девчонкой!»

Зубаиров украдкой любовался лицом Райсы, следил за ее ловкими руками, за тонкими, изящными пальцами, уверенно держащими инструмент. «Моя жена, оказывается, мастер!» Зубаиров даже позавидовал Райсе: «Вот бы мне быть таким на буровой! Нет, из меня, наверно, никогда не выйдет хорошего мастера...»

Операция удалась. Через неделю Хафизов уже встал на ноги. Когда Райса стала удалять нитки из шва, Хафизов пошутил: «Наверно, крепкая ваша операционная нитка, если такой живот удержала». Засмеялась и Райса:

«Эту нитку сучила Замала-эби, она ею чулки латает. Крепкий будет ваш живот!»

После этой операции авторитет «дохтура Райсы» значительно поднялся. «Это волшебница, а не фельдшериджа», — говорил о ней Хафизов. По селу шутили: «Райса-дохтур суровыми нитками положила на толстый живот Хафизова кожаную заплатку». Что бы там ни говорили, а Язтургай признал первого в селе фельдшера-акушера!

18

Мутгарай вернулся с поля, хмуро оглядел лагерь. Несколько буровиков у костра готовили себе еду. Четверо сидели на травке и дулись в картишки. В тени палатки что-то травил Фархутдин, и оттуда слышался смех. Мутгарай окончательно возненавидел такую жизнь. Вот ведь что делает с людьми разведка! Вместо того чтобы в поте лица трудиться в поле или на ферме, эти здоровенные мужчины не знают, как убить время. Нет для них ни сенокоса, ни сева, ни жатвы, ни скота... О чем думают, о чем говорят? Нет, чтобы поговорить о полезном — об урожае, о жизни, а то все слушают истории бесконечных любовных походов Фархутдина и ржут, как кони. А вчера весь вечер Тин-Тиныч рассказывал о своей поездке в Тышляр, откуда геологи опять куда-то уехали. Сапарбай все жалуется тихим своим голосом, Саакян и Кубрак бренчат гитарой и орут песни. А в поле тихо, только птицы...

Начнут говорить о работе, только и слышно — кто сколько пробурил, как бурил, чем бурил. Ну бурил и бурил — какой в этом интерес? А Назип все плачется, что в разведке невозможно учиться, получить образование. «А кто работать будет, а?» Миша Кубрак: сменная работа, хлопцы, ломает, идти ночью на вахту — хуже смерти. «Тебя бы в ночную уборку, за штурвал!» Еланский ругается, что мастер не отпустил с вахты на спортивные соревнования в Бугульму. «Этого запрягать можно, а он в гири силу вгоняет. И это все разведка проклятая, разведка! Совсем таборниками стали...»

Сапарбай, будто возражая Мутгараю, вдруг заговорил о разведке хорошее. Ему кочевая жизнь, дескать, не в новинку, он сроду вот так и кочевал по степи. «Только жаль, нет коня, чтобы поскакать верхом, — вздыхает он. — А то воздух вокруг тебя стоит, будто мертвый».

— За что я люблю разведку? — подхватывает Тип-Тич. — Она мне напоминает плавание по Тихому океану. Судьбы моряков и разведчиков похожи. Так мы уходили в океан на недели, а то и месяцы... Эх, только б Валю найти!

Сдвинув кепку на затылок, разговор повел Фархутдин:

— А я тоже люблю эту жизнь, между прочим. Двигаешься — значит, живешь! В какие только места не приезжаешь, какие только леса и речки не увидишь, в каких только домах не ночуешь, каких только девушек не обнимаешь.

— Вот, вот! — поощрили его. — Продолжай, пожалуйста!

— Однажды я остановился на одной квартире, конечно, по указанию Зубаирова. Хозяева так приветливы, даже на табуретку не сажают — просим, вот стульчик! Хочешь прилечь — пружинная койка, на столе блины, сметана, курники! Прямо рай, да и только! Но все же не смог я там жить.

— Что, клопы кусали?

— Клопы! — хмыкнул Фархутдин. — Эх, ребята, увидели бы вы дочку хозяев! До удивления ладная, стройная дочка! И румяная — так и хочется проглотить! Вечером вежливо пожелает мне спокойной ночи и уходит в свою комнату. А я всю ночь не могу спать, все представляю эту скромную девушку. А между нами только дощатая перегородка, даже дыхание девушки слышно, понимаете? Конечно, она думает обо мне и тоже не спит. Вот так промучился без сна больше недели, потом взял чемодан и говорю: «До свидания, ухожу». Девушка удивилась: чем, дескать, тебе не угодили, чем обидели? Ты, говорю, мне не нравишься, бредишь по ночам. «Чем я брежу?» — спрашивает. «Моим именем бредишь», — говорю. Так и ушел.

— Ой, врешь! Вряд ли ты упустил бы такой случай! — смеются буровики.

Фархутдин пытается выдать себя за патриота буровой.

— По-вашему, из-за какой-то красоти Фархутдин должен уснуть на работе и совершить аварию? Не знаете вы Фархутдина! Кроме того, останься я там — сердечную болезнь заработал бы, а потом — лечись, валяйся по больницам...

После этих слов Фархутдин повернулся к Мутгараю:

— Честное слово, ребята, я завидую Мутгараю. Беззаботный человек: ему все нипочем, и бригада, и буровая, и аварии! Для него даже женщины не существуют. Эх, прошла моя жизнь, а я так и не научился быть беззаботным.

Эти слова Фархутдина заставили рассмеяться даже Мутгарая.

— Ну все же скажи, Мутгарай, какой ты нашел интерес, отбившись от нас?

— А пошел ты!..

— Нет, ты скажи! Мы пойдем. Где был сегодня, что делал?

— Ну хорошо, — согласился Мутгарай и простовато взялся перечислять. — Свободно бродил по полям, слушал пение птиц и кваканье лягушек, набрел на пастбище, посмотрел скотину...

— На пастбище был? А доярок видел? Девушек, девушек-то видел?

— Видел, — тупо промолвил Мутгарай.

— Что же ты молчишь?! — Фархутдин бросил игральные карты на траву, вскочил, молитвенно сложил руки на груди и стал перед Мутгараем на колени. — Милый Мутгарай, где тот лагерь? Далеко ли? Ради бога, води туда... Пожалуйста, не откажи, давно не держал девичью руку, ей-богу. Пожалей, ведь так недолго превратиться и в лешего!..

Все засмеялись над кривляньем Фархутдина, а Мутгарай насупился и отвернулся. Вообще ему не по душе было, что буровики щерились без особой причины. Этим они только поощряли Фархутдина. А тот все хуже становился. Видимо, этой дурью своей он и девушкам угрожает. Вон в Карабаше сколько девушек поменял, на Ике немало юных сердец сохло по этому трепачу, а сейчас он нацелился на красавиц Язтургая. Нет, нельзя ему показывать лагерь...

Стали уговаривать всей группой:

— Веди уж! Ноги не отнимутся. Хоть попьем парного молочка!

— Не поведу! — уперся Мутгарай.

И если бы с буровой не вернулся мастер, он ни за что бы не согласился.

— О чем спор, ребята? — крикнул издали Зубаиров, приближаясь. Когда возникал какой-нибудь разлад в бригаде, мастер брал на себя роль арбитра.

— Вот ведь, мастер, история, — заторопился Фархутдин. — На буровой у нас объявился особый эгоист. Мутгарай. Он побывал у девушек на становище, надулся молотком, даже икает, а нас не только не ведет, но и адреса не дает.

— Нехорошо, Мутгарай, — упрекнул Зубаиров и добавил слова, которыми он выговаривал Мутгараю за его частые отлучки. — Это, знаешь, не свойственно нашему коллективу! Идите, посмотрите, познакомьтесь...

«Придется идти», — подумал Мутгарай. И Райса-доктор говорила, кому, как не парням, ходить к девушкам. Дескать, это вызывает у них трезвое отношение к жизни, вдохновляет на труд. Человек начинает следить за собой, становится аккуратным в быту... О семье задумывается.

Что ж, испытаем рецепт Райсы. Только как бы потом не пришлось собирать буровиков по одному.

Вслед за Мутгараем ребята углубились в лес. По словам Мутгарая, становище было недалеко, сразу же за лесной куртиной. Через чащу нет тропинки, поэтому они решили выйти на опушку, по проселочной дороге спуститься к реке Сагындык, а там лугами и снова в лес, за которым и располагалось становище. Ты скажи, как это он разыскал такой клад! Буровики были изумлены, потому что Мутгараю, как они считали, не до девушек — ему бы лес да поле. Не было дня, чтобы он после работы не сходил искупаться, не побродил по лесу и лугам. Хотя и ругали Мутгарая за частые опоздания на работу, его любовь к природе уважали. Он по запаху мог назвать разные травы, знал голоса всех птиц. Особенно этому удивлялись городские ребята — Тин-Тинич, Миргазиян, Еланский.

Деревья в лесу уже начали перекрашивать свои летние одежды в желтый цвет, и будто прибавилось воздуха, в котором невидимые пауки тянули и тянули серебристые нити...

Да, лето, оказывается, уже на исходе. Как же так получилось, что, живя, можно сказать, в объятиях природы, они не заметили, что лето уже проходит? А что удивительного — за горячей работой человек забывает обо всем...

Буровики, подняв головы, смотрят на верхушки деревьев, на голубое небо и белые облака.

— Ах, Мутгарай, чего же ты раньше не водил нас сюда?

— Вы что, дети, чтобы вас водить?

В лесу каждый держит себя по-своему. Назип, словно ошалелый, бегает среди папоротников. Сергей в прыжке хватается за сучки и, задрав ноги, качается. Не знающий леса Сапарбай, боясь заблудиться, ни на шаг не отстаёт от Мутгарая. Тин-Тиныч подходит к комлю старого дерева и начинает импровизировать:

Здравствуй, дуб, мой дорогой!
Преклоняюсь пред тобой!
Я зачем сюда хожу?
Здравствуй, друг, тебе скажу,
Словно древний исполин,
Ты стоишь всегда один,
Полный гордости и чести,
Чуждый лжи и чуждый лести!

Фархутдин хлопнул по плечу Валентина:

— Хорошо поешь, Тин-Тиныч, но поешь невпопад!

— А что?

— Это же не дуб, а липа!

— Липа? — Валентин, задрав голову, смотрит на крону дерева. — Липа? Ну и что, что липа?

— Вообще я что-то засомневался в тебе, Тин-Тиныч, — сказал Фархутдин. — В Тышляре, ты, наверно, просто перепутал свою Валю с другой девушкой...

— Сгинь, нечистый! — засмеялся Валентин. — И как это у тебя все поворачивается на одно?..

Впереди показался лагерь животноводов, летнее стойбище. Вот, оказывается, в каком прелестном месте их владение! Загон окружала светлая петля Сагындыка. По низким берегам реки густо росли ольха, ива, шиповник. Из-под старого дерева под горой журчал ключ, его струя, как ртуть, блестела на солнце.

В загоне полно скота. От жары коровы прячутся в тень деревьев, лезут в кусты, в воду. Бесперывно качают головами, хлещут себя хвостами, отгоняя мух и комаров.

С блестящими ведрами и полотенцами в руках ходят в белых халатах молодые доярки. Навстречу буровикам плывет теплый запах парного молока и голоса доносятся:

— Привяжу я тебе хвост, Челита!

— Белка, проклятая, стой спокойно, молоко разольешь!

Когда перед девушками появилась, будто с неба свалившись, группа парней, они растерялись — так и застыли с белыми бидонами и подойниками в руках.

— Боже, откуда вас столько?..

— А-а, вот они где, лучшие из лучших!— крикнул Фархутдин.

Стоявший с ним рядом Саакян дурашливо поиграл своими глазами-маслинами и сладко, гортанно проговорил:

— Ай, хороший девушки, ай, красивый девушки!

Когда доярок со всех сторон окружили парни, они вконец ступежали. Пытаясь помочь им выйти из неудобного положения, заговорил Валентин:

— Не бойтесь, девчата, мы пришли только водички попить!

Одна, с длинными косами, самая, видать, смелая, вышла вперед и показала рукой на родник:

— Пожалуйста, родник полный! — Было заметно, что ей очень хочется поговорить с ребятами.

Тут опомнились и остальные:

— Да, да, пейте, пожалуйста! Но кто же вы такие? Откуда?

— Нет, если не назоветесь, воды не дадим!

Засучивая рукава, словно батыр на сабантуде, в центр вышел Фархутдин:

— Откуда? Если хотите, со всех уголков Советского Союза! А один, — он указал пальцем на Валентина, — бывал даже в разных уголках заграницы.

— Понятно! — по-детски захлопала в ладошки та, первая, смелая девушка. — Это же нефтяники!.. Знаем! Слышали!

Нагнувшись друг к другу, девушки стали перешептываться о чем-то. Одна из них, с блестящими сережками в мочках ушей, взяла в руки большой ковш:

— Может, попьете айран?

— Айран! — погладил живот Фархутдин. — А есть? Столько мечтал! Конечно, попьем, красавицы!

— Молочка не хотите? Сметана тоже найдется, — наперебой заговорили хозяйки, желая, видимо, по-своему оказать честь столь редким гостям. В домике животноводов был накрыт стол — на чистой скатерти стояла огромная миска кислого молока, ведро айрана, полные чашки густых желтоватых сливок.

— Добро пожаловать!

Признаться, при виде девушек у парней даже пропал

аппетит, но они уселись за стол — так было удобнее знакомиться.

— А почему сами не садитесь? Так не пойдет! — вскочил с места Фархутдин. — Если девушки смотрят, как я ем, у меня рот сводит! Неужели вам не жалко такого красивого рта?

Наконец уселись за стол и хозяйки. Буровики больше увлекались шутками, чем едой, и всяк по-своему разглядывал девчат. Сапарбай робко и стеснительно, Сергей Саакян открыто, ярым глазом, Мутгарай, можно сказать, равнодушно. Исподтишка наблюдал за ними Тин-Тиныч — видимо, искал похожую на Валю. А Фархутдин, не умолкая, балагурил:

— Будем знакомы, девушки. Теперь мы вас приглашаем в гости к нам. Если вы думаете, что мы только сверлильщики земли, ошибаетесь. И у нас есть свое богатство...

— А что именно? — лукаво поинтересовались девушки. — Какое богатство?

— Нефть! — он посмотрел на сидящего рядом Тин-Тиныча, на Сергея. — Да, да, нефть. Она, милые мои душечки, — все! У нас и дома из нефти, и оборудование, и посуда, и даже еда!..

Девушки недоверчиво засмеялись.

— Не верите! Из чего сделаны палатки? Из брезента. А брезент — это нефть. А пластмассовая посуда? А из чего клеенка на столе?

— Но еда-то, еда? — с сомнением спросила одна из девочек.

— Еда? — Фархутдин глотнул молока и задумался. — Да, и пища есть из нефти! Из чего, думаете, изготавливают маргарин? Из нее, нефти-матушки!

— Ну, тут ты переборщил, — заметил Тин-Тиныч.

— Почему же тогда плохое масло называется «маргарин»? Не знаешь? Парафин, стеарин, маргарин — все это, если хотите знать, родственники!

— Может, и тебя из нефти изготовили? — спросил Саакян.

— Нет, это уж тебя! — нашелся Фархутдин. — Сам говорил, твой отец был нефтяником!.. Не смейтесь, девчата. Ваша губная помада и кремы тоже из нефти...

— Ну, будет, — остановил его Валентин. — Мы ведь даже не знаем имена наших соседок. Давайте знакомиться?

— Начинайте, — сказали девушки.

— Пожалуйста! — Фархутдин и тут взял вожжи в свои руки, указал на Валентина. — Наш уважаемый Тин-Тинич. Стало быть, Валентин Валентинович. Известный всей Татарии буровик, руководитель знаменитой вахты. В свое время brave моряк, бороздил океаны. Несмотря на возраст, все еще не женат. Есть и желания, и силы, но...

Валентин сердито толкнул Фархутдина:

— Не болтай!

— Хорошо, переходим к следующему... Это — славный сын армянского народа Сергей Саакян. Как я уже докладывал, потомственный нефтяник. Тоже одинок как перст. Жил в солнечной Армении, потом в солнечном Азербайджане и солнечной Туркмении, однако и по-нашему балакать кой-как может.

Озорные глаза Фархутдина остановились на Сапарбае.

— А этот маленький и тощий — потомок великого казахского хана Сапарбай. В своих краях не сумел собрать калыма и подался на поиски дармовой невесты в Татарию. Зарубите это на ваших милых носиках, девушки!

— Уй, проклятый! — вскочил Сапарбай.

— Тебе слово пока не дадено! — Фархутдин надавил на плечи Сапарбая и усадил его.

Черед дошел и до Мутгарая, который проворно орудовал ложкой.

— Горячо рекомендую — Мутгарай, — начал Фархутдин. — Не глядите, что у него рот в кислом молоке. «Мут» — вы это знаете, значит, плут. И это правда: плутовать и куда-то пропадать очень любит. Из бедных крестьян-единоличников. Жениться не сумел, хотя и шибко старался.

Мутгарай засмеялся вместе со всеми, однако покраснел. «Ну помело!»

— А этот человечек в тюбетейке из бархата, — сказал Саакян, — гоняется за вдовушками и матерями-одиночками. Язык у него — что твоя мельница. Так что будьте осторожны, девушки, — этим инструментом может кого хочешь перемолоть в муку!

Церемонно поклонившись, Фархутдин обратился к девушкам.

— Ну, красавицы, а теперь вы назовите себя!

Доярки смущенно зашептались, потупили глаза.

— Чтобы знакомить, у нас нет такого языкастого! — сказала одна из них.

— Это поправимо... Вот, например, как тебя-то звать? Девушка, закрыв румяное лицо, скрылась за спину по-други.

— Насима она, Насима, — сказала одна из хозяек, па-верно, самая смелая.

— А тебя?

Девушки по очереди представились. И они вовсе не были дикими, как показалось вначале. Заинтересовались работой разведчиков, их жизнью, развлечениями. Каждо-му хотелось вставить свое словечко, но Фархутдина раз-ве остановишь? Не было и не будет таких сил-возмож-ностей.

— Бурение, дорогие девушки, это пустяк из пустя-ков, — взялся рассказывать Фархутдин. — Берешь в руки бур, инструмент вроде коловорота, и давай бурить недра. В дырку опускаешь трубу. Снова буришь и снова трубу. Прибегает мастер — он у нас мужик ничего, спрашивает: как там, на большой глубине? И вот этот Тин-Тиныч, а он мой непосредственный начальник, привязывает к мое-му поясу веревку и спускает в трубу с буром в руках. Конечно, немного тесновато. Труба-то узкая. Да. И вот я внизу. Бурю! На глубине тысячу метров! Воздуха немного не хватает. А что поделаешь? Потеешь, конечно, рубаху хоть выжимай, но ничего! И так буришь в течение восьми часов. Тин-Тинычу что? Ему хорошо — специалист, бла-городная кость. А нам, рядовым рабочим? Кричит только сверху: «Сколько там пробурил, не пахнет ли нефтью?» И хоть ты умри там в забое, он до конца смены ни за что не вытащит тебя...

Девушки переглядываются, не зная, верить или нет, а ребята с трудом сдерживают смех.

Давая понять, что пора уходить, Валентин сует под нос Фархутдину часы.

— Ты, кажется, лишнее пробурил! Ребята, нам нельзя забывать — вахта.

— Вот ведь, девушки, сами видите, какой у нас зверь-хозяин! Ничего не поделаешь, подчиняемся. Скажет ло-жись — ложимся, встать — встаем. Велит есть — едим, не велит — ждем! Наша судьба в его руках.

Фархутдин принял такой жалкий вид, что девушки со-чувственно посмотрели на него. Валентин вежливо поклонился хозяйкам:

— Простите, нас ждет работа.

Слова Тин-Тиныча огорчили девушек, они сразу поскучнели.

— Недаром говорят, татарин поест и убежит, — сказала смелая Сайма. — Может, вам наше угощение не понравилось?

— Спасибо вам большое! Придем еще.

— Гармошку захватите.

— А вы петь умеете?

— И петь и плясать умеем! — сказали доярки. — Была бы музыка!

— Музыка найдется! Придем еще, ребята?

— Конечно придем!

...Ах, жалко, времени-то нет! Ах, славные, стеснительные язтургайки! Парни неохотно, с сожалением покидали становище. «Ну, спасибо Мутгараю, хоть раз в жизни удружил», — декламировал по пути на буровую Тин-Тиныч.

19

Хоть и сильно гневался председатель Галлям, однако пришлось ему отпустить Камиля в нефтяники.

В эти дни Камиль стал свидетелем интересных событий на буровой.

Если бы в забое не осталось долото вместе с турбобуром, то можно было подумать, что бурение — дело легкое и простое, потому что на глазах Камиля шутя прошли более двухсот метров и не встретили никаких трудностей. Работа становилась несколько скучной.

Оказывается, в трудные моменты и человек меняется. Грубый до этого помбур Еланский вдруг стал даже симпатичным. Теперь он к Камилю обращается не иначе, как «брат». Изменился и верховой Миргазиян. Раньше он сидел на своем «скворечнике» и пел тягучие песни. Сейчас стало не до песен.

Самим собой остался только Кадермат, у которого слова и движения будто отмерены. Во время работы он не признает шуток. Ты обязан обращать внимание только на него, понимать хозяина вахты с одного взгляда.

Камилю очень хотелось увидеть, как будут взрывать торпеду в забое, да не совпала вахта. Назип сказал, что было до жути интересно. Даже из конторы приехали посмотреть и директор, и главный инженер, и геолог.

На долю Камиля досталось только извлечение остав-

шихся под землей труб. Видимо, эта торпеда обладает страшной силой: взяла и оборвала трубу толщиной с бревно, напрочь свернула ей шею. Пока сменили трубу да наладили турбобур, прошла еще одна смена, и Камиль опять не увидел, как уходит под землю главный инструмент бурильщиков.

Перед вахтой Кадермат сказал, что долото в забое. Значит, зону завала прошли вахты Саакяна и Тин-Тиньча, а им не осталось ничего интересного. Расстроенный Камиль сказал об этом Кадермату. Приступивший к работе Кадермат скупно усмехнулся:

— Сейчас самое интересное начнется. Наша задача: обойти оставшиеся в забое долото с турбобуром и снова выйти на прямую дорогу.

Начинающий буровик внимательно следил за Кадерматом, но на лице старого нефтяника не было видно ни радости, ни беспокойства. Руки руководителя вахты уверенно лежали на тормозном рычаге, взгляд то и дело останавливался на приборах. С грохотом поработали час. Камиль не выдержал:

— Уже вышли на прямой путь?

— Старое долото не уступает, проклятое!

— А откуда вы это знаете, Кадермат-абый?

— Знаю. Слышишь, ось задела.

— Когда у нас ось задевают — плохая примета. Мы лошадь виноватого кнутом хлещем.

— Мою лошадь тоже хлещет, — хмуро произнес Кадермат.

Еланский осуждающе смотрит на Камиля, качает головой:

— Больно любопытный ты, парень! Будто мальчик-почемучка.

Опять стали молча работать. И снова Камиль интересуется:

— Как там внизу, Кадермат-абый, буры разошлись?

— Разойтись-то разошлись...

«Чего же еще? Чего эти буры не поделили? Дядя Кадермат молчит. Может, они в самом деле дерутся там, в темной глубине?»

Камиль очень интересно представил себе столкновение двух буров в забое. Чудилось, что новый бур, проходя мимо, говорит старому, дразнит: «Мямля, смотри, как

нужно бурить», а тот хватает его поломанными зубьями: «Чего ты спустился сюда — жить надоело?»

На буровую пришел Зубаиров. Остановился у платформы и, долго прислушиваясь к шуму, наблюдал за работой буровиков. Потом встал рядом с Кадерматом. Будто глухие, они принялись кричать друг другу в ухо:

— Целыми прошли?

— Пройти-то прошли... Но, по-моему, инструмент пошел по ложному пути.

— Я так и думал... Что будем делать. Кадермат, как выпрямим скважину?

— Пока еще немного не пройдем — не повернем, мастер.

Только сейчас понял Камиль, почему недоговаривал Кадермат-абый. Вон что там внизу, оказывается: бур заблудился... Откуда все это знает дядя Кадермат? Эх, вот бы стать таким человеком, как он, и знать даже то, что происходит под землей!

Теперь все мысли Камилля засновали вокруг заблудившегося в забое бура. Они за нефтью идут, а он пошел черт те куда. Тут ведь вожжей нет, как же изменить направление! И жалко — смена заканчивалась. Так и пришлось уйти, не выяснив этой очередной подземной тайны.

Придя на следующую вахту, Камиль горько подосадовал, что опять упустил многое. На больших машинах приехали каротажники. Опустили длинный-предлинный резиновый шланг в скважину, измерили, куда и на сколько градусов отклонился бур. Дядя Кадермат сказал, что инструмент ушел совсем в другую сторону — к Язтургаю. Теперь, говорит, приходится поворачивать его на сто семьдесят градусов.

Мастером этого дела оказался не Кадермат, а сам Зубаиров.

Он извлек из скважины турбобур с буром, надел на них кривую трубу и опять спустил.

— Теперь бурите и бурите до прямого пути!

Кадермат снова схватился за рычаги на пульте управления. Он то поднимает один из них, то опускает, поочередно нажимая ногами на педали. Иногда морщится, нажимая правой ногой. Камиллю чудится, что Кадермат будто бы за штурвалом комбайна или за рулем автомашины — кажется, что вот сейчас он сорвет буровую с места и волоком потащит ее куда-то... А как там внизу бур?

Повернулся ли в сторону Калиновой рощи? Может, все еще капризничает, под Язтургай идет?

Прошло пять-шесть часов. Устали не только Камиль, но и здоровяк Еланский и дядя Кадермат. Вон он вытирает пот рукавицей. Камиллю еще не приходилось видеть руководителя вахты в таком виде. Дядя Кадермат побледнел, еле держится руками за рычаги.

— Смени-ка, Геннадий, что-то настроения нет.

Кадермат сел в стороне.

— Что с вами, дядя Кадермат?

— Что-то сердце шалит, сынок...

— Сегодня работа была — ой-ой! — проговорил Геннадий. — Не то что человек — лошадь не выдержит!

Отдохнув, Кадермат снова занял свое место, но через полчаса опять ослаб, бросил рычаги, схватился за грудь.

— Сдал я, ребята... Беги, Камиль, пусть мастер...

Не договорив, он качнулся и рухнул на пол буровой.

Сверху сбежал верховой Миргазийн.

— Куда смотрите? Берись!

Втроем они вынесли Кадермата на свежий воздух.

— Скорее за мастером!

Через минуту на буровую прибежал Зубаиров с ребятами.

— Что с ним? Что случилось?

Лицо Кадермата стало пепельно-белым, губы посинели, глаза были закрыты. Широко открыв рот, он тяжело дышал всей грудью. На нем расстегнули спецовку, рванули пуговицы рубахи.

Зубаиров вбежал в вагон и позвонил в Язтургайский сельсовет.

— Сообщите Зубаировой, да-да, фельдшеру. На буровой с человеком беда. Причина неизвестна. Как будто без сознания. Пусть приготовится, сейчас за ней приедем!

Надолго остановить буровую было нельзя. В забое может случиться обвал, который снова прихватит инструмент. Зубаиров поставил на рычаги Сергея, ребятам велел присматривать за Кадерматом, а сам на машине помчался в Язтургай.

К приезду Райсы и Сергей Саакян лежал рядом с Кадерматом. Когда у него начала кружиться голова и Еланский с Камилем вывели его под руки, Сергей также опро-

кинулся на спину. Он еще был в сознании и, кусая губы, пытался подняться.

— Из скважины идет газ! — закричал Зубаиров. — К буровой не подходить! Не курить! Газопроявление!

Пока Райса оказывала отравленным скорую помощь, Зубаиров зашел в буровую. Да, идет слабый поток газа! Ветер тянул его прямо к бурильщику, а помощники ничего не чувствовали. Что делать?

— Молоко нужно, молоко! — закричала Райса. — Срочно! Отравление остановит молоко, только молоко!..

Буровики бросились к машине и бешено погнали на стойбище.

20

Будто подменили ребят с того дня, когда побывали они у доярок и познакомились с язтургайскими девушками. На вахту спешат и с вахты бегом. Вечером в палаточном городке большое оживление: парни в трусах подолгу плещутся у тазов с теплой водой, ногти стригут, бреются перед зеркальными осколками, переодеваются в чистое; одеколоны, щеточки-бархоточки завелись в тумбочках и в каждой палатке — уют. Вечерами поляна благоухает «шипром», гуталином, паленой марлей — сегодня в Язтургай!

Валентин уже облачился в морскую форму, давно сидит на камне, торопит:

— Куда вы так прихорашиваетесь? Не на свадьбу же покамест.

Сапарбай не заставил долго ждать себя, вышел из палатки в своем новом синем костюме. После приезда из Казахстана он одевается и питается, как все. В прошлом месяце тетя Маша привезла ему вместо зарплаты отличный габардиновый костюм. Сапарбай расписался в ведомости и получил деньги только на питание. А Райса привезла ему из райцентра хорошее осеннее пальто. У него теперь две пары штиблет — черные и желтые, много сорочек. Только вот нет ему и, наверное, не будет счастья в любви. Он не прочь, если найдут нефть и ему дадут отпуск, съездить к берегам Ика, повидать Кариму... Только вот вопрос — посмотрит ли на него Карима, как раньше смотрела? На письмо-то она ответила, но как-то шутя...

Добравшись до синева, вышел наконец на поляну Сергей, показался с гармошкой за плечами Габбас. Вскоре появились Назип с Михаилом Кубраком.

— А где Мутгарай, почему нет Мутгарая?

— Он уже давно скрылся в лесу. Видимо, к лесачикам двинулся...

А Фархутдин все еще собирается. Он разбросал содержимое двух больших чемоданов и, словно капризная модница, выбирает сорочку и галстук. Оказывается, плохо иметь их много: поминутно заглядывая в круглое зеркало, бракует то одно, то другое. Да, трудно, когда такой большой выбор!

— Ну уж, хватит, мадам Фархуша, кончай наряжаться, пошли, что ли? — Кричит ему Габбас, но без толку — Фархутдин продолжает свое дело. Чувствуя, что за ним нетерпеливо наблюдают, он нарочно с пережимом кокетничал-красовался, зачесывал на разный манер волосы, вставал к зеркалу то спиной, то боком, играл бровями, подмигивал сам себе, улыбался всеми видами улыбок. Да, зубы все портят! Фархутдин показывает сам себе кулак и угрожает:

— С полочки выдерну к черту до последнего и вставлю золотые!

Фархутдин пришел в бригаду с единственной целью — приодеться. Покупал разноцветные костюмы, носовые платочки десятками, пестрые носки дюжинами, завел много модельных туфель. Теперь у него пять или шесть костюмов и около тридцати сорочек. Как он сам говорит, обуви у него на целую роту, галстуков на длинный аркан. И если начинает куда-то собираться, мука мученическая с ним — не дожدهшься.

Но и во многом выигрывал Фархутдин из-за своих нарядов. Куда бы ни приехала бригада, он выгодно отличался от товарищей приличной одеждой, которую, тоже надо признать, умел носить изящно и как бы небрежно. Несведущие иногда принимали его за главного на буровой, прежде всего подходя к нему. В таких случаях он указывал на Зубаирова и с достоинством, солидно говорил: «По этому вопросу советую вам обратиться к моему заместителю».

Девушки так и льнут к Фархутдину. Они прямо кружатся вокруг этого нарядного, общительного и остроумного парня. Нет, неправда, что девушек привлекает только мужественная красота! Свое дело делает и аккуратность в одежде, и нрав, и умение разговаривать, и смелость чуть с нахалинкой, чего у Фархутдина хоть отбавляй.

Молодежь Язтургая чаще собиралась не в клубе, а на берегу реки Сагындык. Оно и лучше — свободней, проще, и кури, сколько хочешь. Девушки там уже вели хоровод.

Пишешь письма в армию
Синими чернилами.
Долго ль ночи проводить
С парнями немыми?

Фархутдин подмигнул Габбасу, вошел в круг и запел:

Слейте синие чернила
И купите красные.
Посмотрите-ка на нас
Глазками прекрасными!

Все знали, что если уж Фархутдин потянет за нить, то ни за что не потеряет ее. Сайма-доярка выступила вперед.

Вы к одной подходите
И к другой подходите,
Скажите, пожалуйста,
Откуда вы приходите?

Фархутдин:

Мы простые работяги,
Наше дело — знай бури.
Только с нами не дури —
С нас бери и нам дари!

Сайма:

На какой вы улице
До этого мучились?
Поняли, что мы скучаем,
Сами ли соскучились?

Фархутдин:

Десять улиц мы прошли,
Наконец-то вас нашли, —
Знаем, что скучаете,
А вы чем отвечаете?

До самого рассвета продолжались в тот вечер хороводы, припевки, частушки, приглашения к переплясу, хлоп-ки по ладоням, прорывы кольца, проходы через мост и мно-гие другие игры. Не принимающие участия в хороводах из-за незнания языка Валентин, Сергей и Михаил с вос-хищением и завистью наблюдали за играми со стороны, и каждый находил в них схожесть с любимыми играми мо-

лодежи своей нации. Валентин думал: «Видимо, этот перепляс парней и девушек, шуточные куплеты переняты от русских. Но у нас поют озорней и пляшут жарче». Вождение хоровода Кубраку напоминало украинский гопак: «Только тот пляшется вехревее, особенно под конец». «И армянские девушки выходят на вечерние игры, поют в хороводе, вызывают в круг, — сравнивает Саакян. — Движения парня быстры и яростны, а девушки стараются быть как можно плавнее, нежнее, они чем-то напоминают лебедей, плавающих в легких волнах...»

А потом, когда пришли во второй раз, пели и плясали все — кто умел и кто не умел. Смеясь над неумехами, диковатые поначалу девушки Язтургая осмелели. Сами звали на перепляс и песни, а в игре, когда падо было разорвать хоровод, так сильно били своими нежными руками, что у парней горели привыкшие к железу ладони...

В общем веселье только Тин-Тиныч не может забыть-ся. «Была бы здесь Валя, я бы не так заплясал», — думает он, выкуривая в сторонке папиросу за папирсой и наблюдая за играми.

Постепенно буровики начали разбираться в язтургайских мелодиях и незамысловатых играх. Заметили, что все игры и песни преследуют одну цель — познакомиться, свести парня с девушкой, а иногда и разбить их дружбу.

Тин-Тиныч внимательно наблюдал игру «мост» и при всей ее простоте подивился некоторым тонкостям. Девушки и парни встают друг против друга, берутся за руки и, напевая веселые частушки, начинают приплясывать под гармошку на месте. А крайняя пара в это время проходит под сомкнутыми руками участников игры «через мост». Пройдут строй, встают на другом конце, весело пляшут. За ним другая, третья пара идет, преодолевая эту живую цепочку.

Игра, конечно, очень простая. Но, приглядевшись, можно заметить, какой паре отдается предпочтение — ее свободно, с улыбками, пропускают, а кому дают понять, что они не «лезут»: образуют узкий и низкий проход, напевают колкие частушки.

А вот «прорыв кольца». Тут участвуют все буровики вместе с язтургайскими парнями. Крепко взявшись за руки, на расстоянии десятка шагов друг против друга, стро-

ятся девчата и парни. И вот они по очереди, с разбега, бросаются на руки противостоящих, стремясь разомкнуть их. Если парень сможет разорвать цепь, то уводит девушку на свою сторону, а девушка — парня на свою. Побеждает та сторона, которая больше наберет людей.

Игра тоже нехитрая, но и в ней есть свои оттенки, уловки, хитрости. Если парню нравится девушка, с которой он рядом стоит, ни за что свою руку не отпустит. В этом ему и девушка иногда помогает... А бывает и так: девушке с каким-то парнем стоять неприятно, и она старается отпустить свою руку, чтобы уйти на другую сторону побежденной-победительницей. Тин-Тиныч раз увидел и такое: одна девушка, видимо, от ревности к своей сопернице, все время с силой бросалась на руки пары, стоявшей напротив. Но не могла разорвать цепь, отобрать парня. Тогда она, вопреки правилам игры, в падении пыталась разъединить пару, сбила с ног обоих. Однако те все же не поддались — не отпустили рук. Девушка горько заплакала и ушла с луга...

Ребята с буровой убедились, что на лугу под видом игры шла настоящая борьба за девушек. Язтургайские парни упорно не желали отдавать своих избранниц разведчикам, и пары для танцев хитро образовывали сами девчата, такие скромные и простоватые на вид...

Если у гостей заводилой был Фархутдин, то среди хозяек выделялась доярка Сайма. Не всем буровикам понравился ее острый язычок и смелость. Сапарбаю и Назипу, например, больше по душе были тихие, сдержанные девушки. Но всех покоряла и влекла к себе красота Саймы — улыбчивое лицо, искристые глаза, длинные и толстые черно-смоляные косы. Во время танца Сайма вызывающе, отчаянно смотрит в глаза каждому парню, командует всеми и, более того, — цепко хватает за руки, тянет в круг так, что не устоишь. Девчонки сказали, что она росла среди пятерых пацанов и всеми ими командовала.

...Ну, спасибо Мутгараю! Еще раз и еще сходили парни на луг, уже наметились почти у каждого личные симпатии. Рахмат, Мутгараюшка! Только однажды, когда возвращались на буровую веселые и возбужденные, Валентин с упреком сказал:

— И все же мы с девчонками порядочные эгоисты! В Язтургае же есть клуб. Давайте поставим для колхозников концерт!

— А что? Запросто! — Поддержали его и Саакян, и Миша Кубрак, и Фархутдин. — Прогремим в Язтургае! Пусть сердца девушек обуглятся!

Зубаиров с удивлением стал прислушиваться к разговорам буровиков — «клуб», «концерт», «репетиция». «Ну и бригада!» — думал он. Конечно, за этими словами ребята скрывали свое желание почаще видаться с язтургайскими девчатами, чтоб, может, и в самом деле осуществить свои потайные мечты и надежды. Только вот что интересно: за исключением Тин-Тиныча, мысли всех остальных кружились вокруг Саймы. «На лугу она смотрела только на меня. И пела, глядя на меня, — рассуждал Сергей. — Значит, я ей нравлюсь». И Сапарбай стал забывать о Кариме, начал робко думать: «Сайма смелая, не то что я. Несколько раз сама схватила за руки». Габбас: «Когда я играл в темноте, она зачем-то затылок мне ерошила». Фархутдин же, поняв, что ребята равнодушны к Сайме, не подал и вида. «Бог даст, от меня не уйдет», — усмехался он про себя.

Только вот мероприятие испортило ему дело. Почти все умели петь, плясать, играть на гармошке или гитаре, декламировать... А на что способен Фархутдин? Самое большое — в общем хоре подпевать другим своим ерундовым голосом. Что касается сцены, то он ни разу на нее не ступал. Появиться же перед серьезным народом — это тебе не то что травить в палатке, смешить девушек на лугу или вести с какой-нибудь одной индивидуальную беседу.

— Нет, ребята, ничего у меня не выйдет, не уговаривайте, не пойду! — изо всех сил противился он.

— Не городи чепухи, будешь участвовать, и все! — Дружно навалились на него. — Расскажешь какие-нибудь смешные стихи, мало ли. Нам бы твой язык!

А когда к нему подошла Сайма и сказала: «Милый, не надо капризничать», — Фархутдин не устоял и согласился, И вот сегодня Фархутдин собирается в Язтургай. Наряжается, прислонив к тумбочке книгу, и учит наизусть стихотворение «Парень и девушка» Тукая. «Специально для тебя написано», — сказала ему режиссер Сайма. В роли девушки будет выступать сама Сайма, а в тубетейке и камзуле появится Фархутдин. Значит, так:

Как мил мне носик твой, твой ковшичек, джаным,
Влюбился, мочи нет, с ума сведен я им,

Твой ротик-ситечко дозволю поцеловать,
Я б жизнью заплатил за эту благодать.

Сайма вроде бы обидится и жеманно отойдет от парня, промолвив:

Подобных пакостей и слушать я не стану,
Ишь, гадкий, иль в самом уж нет ни в чем изъяну?

Тут Фархутдин должен подбежать к девушке и взять ее за руку.

Смени на милость гнев, моя Гайнизамал.
Тебя унижить я нимало не желал.
Ведь всех красавиц ты милей, моя душа.
Но как в семействе жить без сита и ковша?
Тебя заполучив, гроша на них не трачу:
Ведь сито я и ковш беру с тобой в придачу¹.

Хорошо написал дед Тукай. Только вот как произнести эти слова? С каким выражением на лице, с каким настроением? Должна быть какая-то смесь из шутливости и серьезности, беспшибашности и тревоги, приязни и страха потерять Гайнизамал, то есть Сайму. Нет, простая дурашливость тут не годится, тоньше надо. К тому же Сайма мучает его на репетиции: «Не так, не так!» В самом деле, куда же делся природный артистизм Фархутдина? Видимо, он, буровая рукавица, взаправду только и умеет, что переливать из пустого в порожнее!..

И вот все собрались в клуб. Наконец вышел из палатки и Фархутдин. Он все еще бормотал под нос:

Как мил мне носик твой...

— Ну, если с тобой куда соберешься, нужно ждать два часа! — сердито встретили его.

— Надо понять меня, други! Я не только одевался, но одновременно и репетировал, — пытался оправдаться Фархутдин.

— Что это за недельная репетиция из-за пяти-шести строк! — закричал Тин-Тиныч. — Просто любишь резину тянуть...

Да, все бывает на свете! И так уж вышло, что лучший артист нефтяников Фархутдин не сумел на концерте блеснуть. Более того — опозорился и был вынужден убежать не только со сцены, но и от клуба подальше...

¹ Перевод Л. Руст.

На вечере были Зубаиров с Райсой. Они с особым терпением ждали выступления разведчиков и заранее гордились ими. И вначале все шло нормально. В программе были сольные песни и пляски язтургайских девушек и парней, потом пели хором, плясали ансамблем. Хорошо вела концерт Насима. И вот началось такое, о чем язтургайцы не знали, чего никогда не видели и не слышали.

На сцену вышел Михаил Кубрак. Этот скромный молчаливый рабочий весь преобразился, будто настоящий артист. Лицо сделалось каким-то отрешенным. Свободно разведя трепетные руки, начал он «Дывлюсь я на небо», плавно, еле слышно, изображая человека, будто идущего откуда-то издалека, потом, медленно развивая мелодию, захватил людей своим бархатным баритоном, словно рвущимся на свободу. Вот голос певца заполнил весь зал, и Райса увидела, что у председателя Галляма, сидящего неподалеку, выступили на глазах слезы.

— Браво, Михаил! Дал понять, на что способны разведчики! — закричал Зубаиров, но Райса стиснула его руку — неприлично, мол, так вести себя.

Аплодисментами заставили Михаила еще раз исполнить эту песню, потом он пел и другие, но в зале кричали: «Первую!», «На небо!», «На небо!»

За Кубраком вышел на сцену Тин-Тиныч. Когда конференсье объявил, что бурильщик такой-то будет читать свои собственные стихи, зал замер, потом разом оживился. «Бурильщик-поэт?» — переспрашивали люди друг у друга. Хафизов обернулся и прошептал Зубаирову: «Это правда?» Зубаиров утвердительно и с достоинством кивнул. Хотя стихи Тин-Тиныча и не всегда были складными и понятными, он умел громко и выразительно читать, будто настоящий поэт. На этот раз он с чувством прочел свою «Элегию о любви и верности». Бурильщики знали, что почти все его стихи посвящены Вале, и еще раз подивились тому, какой в их бригаде есть святой чудак.

Зрители мало чего поняли, но похлопали от души Тин-Тинычу, который тут же их совсем покори́л: вышел в матросской форме плясать чечетку. Пляску эту Тин-Тиныч исполнял почти в положении «смирно», на одном месте, с четким выбиванием носками и каблуками ритма. Изредка он нагибался, чуть трогал руками носки ботинок, как бы сметая с них пыль, хлопал по подошвам, с резкими наклонами сделал правую и левую «притирки полов».

— Сойдет? — неуверенно спрашивал Зубаиров у своей жены.

— Еще как!

Зрителям понравился бешеный темп танца, они дружно аплодировали, и, кажется, никто не заметил, что под ноги танцора был положен лист фанеры, для удвоения удара — это и создало нужный эффект, такую дробную трескотню, что уши закладывало.

Потом на сцене появились «братья» — Сергей Саакян и Миргазиян Салимов. Райса даже улыбнулась, увидев их вместе. Хотя один из них был татарин, другой армянин, буровики их называли братьями за их горбатые носы и созвучность имени одного и фамилии другого.

Песня, которую они исполнили дуэтом, в переводе с армянского означает «Клич». Зубаиров был свидетелем, как долго и упорно готовились «братья» к этому выступлению, порой даже ругаясь между собой. Видимо, Миргазияну трудно давались сложные переливы армянской мелодии, он не понимал слов, произносил их на татарский лад, и это доводило Сергея до отчаяния.

Перед началом Саакян вкратце объяснил содержание песни, основанной на старинной армянской легенде. Два парня влюбляются в одну девушку. Парни были один другого статнее, умнее, храбрее. Не зная, кому из них отдать предпочтение, девушка покидает свой родной дом, уходит в горы. Парни пускаются в поиск и песней зовут девушку вернуться обратно, но на их зов только отвечают эхом горы....

Зубаиров с Райсой восхищенно слушают, какой удачный все-таки получился дуэт-клич. Сергей поет очень высоким тенором, а Миргазиян — баритоном. Когда поет Сергей, зовет девушку, в это время Миргазиян вторит эхом, когда кличет девушку Салимов, эхом отзывается Саакян.

Зубаиров сидел не как обыкновенный зритель, а можно сказать, как болельщик за свою команду. Когда его ребятами концертные номера исполнялись на высоте, он радовался, как ребенок, ликовал, аплодировал, аплодировал больше и громче всех, а при малейшем срыве, даже незаметном другим, — переживал. А как же иначе? Успех концерта связан с репутацией самого мастера, честь его бригады!

Зрители хорошо встретили и Габбаса, который сыграл на баяне вальс Штрауса и несколько татарских народных

мелодий. Концерт пора было заканчивать, но зрители всё кричали и хлопали в ладоши, вызывали буровиков. Сам председатель сельсовета Хафизов, тряся зашитым Райсой пузом, кричал и хлопал в переднем ряду. В зале слышались голоса: «Вот это действительно парни! Все умеют! Спасибо, ну, спасибо, праздник в село принесли!»

Да, все было отменно, если б не Фархутдин.

— Сейчас перед вами выступают заслуженный артист-нефтяник Фархутдин и известная всему Язтургаю доярка Сайма, — объявила ведущая Насима. — Они исполнят сцену «Парень и девушка!»

Зрители громко захлопали — просим, дескать.

Фархутдин давно уже мучился за сценой, все еще не зная, как сказать свои слова, как преподнести роль. А тут еще эти проклятые ичиги! Кто-то принес очень тесную обувь. Фархутдин даже полосатые свои носки снял, но ичиги не налезали на ноги. В последний момент выяснилось, что Фархутдин к тому же в спешке надел левый ичиг на правую ногу.

И уж нельзя было столько времени томить зрителей. Фархутдина вытолкнули на сцену с одной босой ногой. Увидев парня в тюбетейке и камзуле, да босого, да еще с такими крупными и кривыми зубами, зрители громко засмеялись. А Сайма, вдобавок, чтобы быть похожей на свою героиню, с помощью воска удлинила нос, растянула красками рот почти до ушей.

Посмотрел Фархутдин на Сайму и забыл все слова, онемел. Пытался бормотать: «Как мил мне носик... ротик... решето». Дальше не шло. Жалко улыбнулся — отклеился и упал ус. И без того тесная сцена язтургайского клуба словно превратилась в банный полок — жарко, тесно и ничегошеньки не видно...

Из-за кулис громким шепотом подсказывали, но Фархутдин слышал какой-то звон и шорох в голове, ничего другого не различал. Дрыгнув босой ногой, убежал. Ему сильно хлопали, но Сайма за сценой пронзительно сказала:

— И правда, пустомеля!

— Ну как же я, милая Сайма, назову твой симпатичный носик ковшом, а миниатюрный ротик — ситом, — пытался выкрутиться удрученный Фархутдин. — Язык не повернулся! Нет, что хочешь делай, не смог!

Сайма вздернула плечики и повернулась к нему спиной. Прощай, Сайма! Фархутдин втихомолку оделся, улиз-

нул через задние двери клуба. «Говорил же им, что не сумею — не поверили! Если б умел, то не стал бы вкалывать на буровой...»

Вернувшись в палатку, Фархутдин увидел на своей тумбочке опять три письма. Зубаиров давно почту не привозил, накопилось. Первое письмо было из Бугульмы. Значит, пишет та рыжая девушка, забыл уже как и звать — то ли Зарифой, то ли Закирой. Познакомился он с ней на Карабашской площади. Посмотрел обратный адрес на втором конверте — вспомнилась толстушка Аклима, Фархутдин встретился с ней перед самым отъездом из Тышляра. Третье письмо — по голубому конверту видно — от Гульнисы. Вот глупые, чего это они все вместе вздумали написать, будто сговорились? Неужели думают, что Фархутдин будет отвечать на все их послания?

Распечатал письмо Гульнисы — эта всегда чего-нибудь такое напишет.

«Фархутдин, бархатная тюбетейка! — начинала Гульниса. — Хожу на Ик, палкой измеряю, но воды не прибывает. Значит, не скучаешь, не плачешь и слезы твои не текут в реку. Почему забыл, почему не пишешь?..» Далее, начиная с Зубаирова, прислала всем приветы и расспросила обо всех... «Вспоминает ли мастер меня?» — «Да, Зубаиров только о тебе и думает», — усмехнулся Фархутдин. — «Как Тин-Тиныч, все еще ищет свою Валю? Сюда к нам приехала одна девушка по имени Валя, длинная, как жердь, тонкая, как оса, пусть приедет и посмотрит — может, она самая? А Сапарбай все еще копит деньги?» В письме девушка кольнула и Мутгарая. «Квасят ли в Язтургае молоко и ходит ли Мутгарай макать губы в айран?» Нашла Гульниса подобные слова и в адрес Габбаса, и Назипа, и Еланского. Вредная все же эта Гульниса!

К концу она посерьезнела:

«Наступает осень. Если бы пригласили, я б приехала в бригаду кочегарить. Что скажет Зубаиров, разузнай-ка об этом, друг мой». Потом добавила: «Скучаю по вас». Письмо закончила словами: «Быстро пиши ответ, а то сниму с тебя скальп». Фархутдин улыбнулся: «Начиталась на досуге! Скальп!»

А в самом конце письма Гульниса нарисовала двух целующихся голубей — пойми, как можешь, дескать.

Посмотрев на этих птиц, похожих не на голубей, а на кур, Фархутдин задумался. Ему вспомнилась трудная

зимняя работа на берегу Ика, котельная буровой, девушки-кочегарки, их визг и смех, и Гульниса, окутанная большим голубым платком. Ее непослушные черные волосы всегда выбивались из-под платка. В первую же встречу Фархутдин сказал ей: «Волосы, как проволока, бывают только у злых девушек». И тут же получил ответ: «А зубы, как семечки подсолнуха, — только у болтливых парней».

В своей оценке Фархутдин не ошибся. Гульниса сильно отличалась от своих подруг-кочегарок Разии и Каримы: гордый взгляд, строгое, даже высокомерное лицо, прямая походка безо всякого кокетства. Никто не решался подходить к Гульнисе с развязностью или грубыми шутками. И Фархутдину не посоветовали зря вертеться вокруг нее. Предупредили:

— Если даже случайно обнимешь — глаза выключет!

— Еще не родилась такая, которая устояла бы передо мной! — хвастливо заявил Фархутдин. — А эта-то? Сама ко мне прибежит!

— Ну уж, дудки!

— На что спор?

— «На американку». Что захочу, то прикажу!

— Идет!

Поспорить-то Фархутдин поспорил, но ключа к сердцу Гульнисы долго подобрать не мог. Даже ночью приходил в котельную — как дела, дескать, не трудно ли, то-се. Если нужна, мол, помощь, обращайтесь прямо ко мне. Уверял, что он знаменитый мастер по паровым котлам высокого давления, а этот самовар ему — тьфу! Но Гульниса и ухом не вела. «Ничего, ничего! Если сломается, сами наладим», — вот и весь разговор. Не помогли ни веселые слова, ни забористые анекдоты, ни вечерние визиты на квартиру девушки. Она все оставалась такой же независимой и недоступной.

Потом Гульниса всерьез заинтересовала Фархутдина. На своем веку он расплавил немало каменных девичьих сердец, но такого в его коллекции не было. Бывало, не успеет Фархутдин как следует взяться, а девчонка уже готова, как тыква-скороспелка. Гульниса была другой.

Когда Фархутдин истратил весь свой запас красноречия, все вздыхания и все резервные приемы использовал, то решил открыться перед девушкой начистоту.

— Пропадаю, Гульниса, выручи! — униженно попро-

сил он. — Хочется остаться удачливым парнем, а я рискую. Засмеют ведь...

— А в чем дело?

— Поспорил я на тебя...

Фархутдин боялся, что прогонит его Гульниса, оскорбит, но впервые тогда услышал ее звонкий, искренний смех.

— Давно бы так сказал, горе горькое! А на что спорил? — полюбопытствовала девушка.

— «На американку».

Гульниса стала собираться.

— Тогда возьми меня под руку и пошли на буровую. Только смотри, друг милый, тебя выручаю. А так ты мне совсем не нужен.

Фархутдин и Гульниса появились на виду буровой, держась за руки. Парни даже глаза повытаращили. Побужденные в споре, они, согласно приказу Фархутдина, по одному поднимались на верхотуру вышки и кричали оттуда петухом. Это наказание придумала Гульниса потому, что Фархутдин как-то в разговоре пожаловался ей, что ребята заставляют его при раздаче почты изображать петуха. И она громче всех хохотала, слушая, как на разные голоса кукарекают Тин-Тиньч, Саакян, Назип.

С этого интересного события и начались настоящие отношения между Фархутдином и Гульнисой. Кажется, сама того не замечая, девушка все чаще стала взглядывать на Фархутдина. А когда буровики уже покидали берег Ика, Гульниса была в таком состоянии, что подруги еле оттянули ее от Фархутдина...

Прочитал Фархутдин письмо, и показалось ему, что он поговорил с самой Гульнисой. Захотелось спросить: «Ну, девка, где твоя всегда гордая голова?» А сам подумал: «Что значат эти целующиеся голуби?» Эх, идет время... Неужели теперь уже не стало на свете того Фархутдина, который влюблялся на каждом шагу, бегал за девушками днем и ночью, а они наперегонки бегали за ним? Неужто парень устал от этого занятия? По приезде в Язтургай он не записал в свой блокнот ни одного нового имени...

Да, когда готовили концерт, он заглядывался на Сайму, но кто не заглядывается на красивую девушку — поднимите руку! После концерта Фархутдин вдруг почувствовал равнодушие к Сайме, да и сама она на нем, видать, крест поставила. И, может, к лучшему.

Постой-ка, не письмо ли Гульнисы в этом виновато? Ведь если честно признаться, в Язтургае Фархутдин занимался только одним делом — ждал письма от Гульнисы и думал о ней. Фархутдин взял с тумбочки два других письма — толстухи Аклимы из Тышляра и Закиры-Зафиры из Бугульмы. Повертел-повертел их в руках, не распечатывая, порвал и бросил клочки на пол.

— Хватит баловаться! Конеч! Скоро тридцать лет, пора...

Сел писать письмо Гульнисе. Раньше он писал торопливо и небрежно, на бумагу ложились кривые, неровные, словно зубы Фархутдина, буквы или, еще верней, будто полз по листу таракан, вынутый из чернильницы. Сейчас Фархутдин старался поаккуратней вывести слова, впервые адресованные девушке:

«Вам от нас, вам, лучшей среди лучших, кареглазой моей соловушке»... Но не удержался и закончил первую фразу по-своему: «Приветик с кисточкой!»

21

О наступлении осени говорили не только оголившиеся поля, но и поднимающийся от реки Сагындык белый туман, и тревожный шум леса. По утрам и вечерам выпадали заморозки, жгучий северный ветер нередко загонял буровиков в палатки.

Прошло время, когда можно было спать под легким одеялом и просыпаться от солнечного света и пения птиц. Теперь буровики перед сном надевали на себя свитера, набрасывали на ноги телогрейки и все равно мерзли.

Потом с запада пришел мелкий холодный дождь. Палаточный городок в Калиновой роще доживал последние дни.

По утрам ребята выбегали на зарядку, прыгали вокруг палатки Зубаирова и каркали воронами: «Мастер-р-р, квартир-р-р, квартир-р-р!»

Зубаиров лежал под стеганым одеялом, купленным Райсой в сельпо, подтянув колени, сжавшись в комок. Стоило чуть пошевелинуться, как под одеяло будто холодная змея заползала. «Да, пора перебираться в село», — решает он. Потом дает отбой: «Дней десять—пятнадцать прожить еще можно. Не умрем!»

Рывком откидывает одеяло и выходит к парням на зарядку.

— Когда в село-то? — встречают его. — Хватит мерзнуть!

— Соскучились по телятам и козлятам бабушек? Или язтургайских клопов хотите скорей поставить на зимний откорм?

Конечно, удобней тут с работой — она рядом, и на случай какого-нибудь осложнения все люди на месте. И вообще здесь был рабочий коллектив, а поразбредутся буровики по избам — собирай их, как колхозников. И если не случай, то неизвестно, сколько бы еще времени разведчики стучали зубами в палатках — до снега, наверно.

В тот день Зубаиров ночевал у жены в Язтургае.

Сапарбай проснулся от лошадиного ржания. Музыкальный этот звук пронзил его душу, напомнив родные степи. Встал, откинул полог палатки, вышел на поляну. На лесной опушке остановились какие-то люди с лошадьми. Меж высоких телег стояло несколько шатров. Горели костры, вокруг которых сидели бородатые мужчины, женщины в ярких сборчатых юбках, черномазые детишки.

Сапарбай разбудил Валентина. Не скидывая одеяла с плеч, Тин-Тиныч выглянул в окно: «Цыгане!» Толкнул ногой Фархутдина:

— Ты смотри, кто к нам подселился!

— Ха, цыгане! Скажи точнее — братья наши! Они родственников издавека чувт, вот и присоединились.

— Отселить бы их надо...

— А они, между прочим, такие же свободные граждане Советского Союза, как и ты. Где хотят, там и живут. Вместе веселей будет! Стой, а нет ли там молодых цыганочек?

Фархутдин поднялся, дрожа от холода, натянул рубашку, подошел к окну.

— Да, Тин-Тиныч, эти живут лучше нас, богаче. У них кони, телеги, перины. И жены рядом. Ей-богу, и шатры больше наших палаток. И теплее в них, наверно...

Когда буровики Тин-Тиныча вышли наружу, вахта Кадермата в полном составе уже стояла у кострища и тарашила глаза на цыганский табор.

Фархутдин тронул за плечо Кадермата.

— Чего испугались, соколики? Ну-ка, пойдем к ним, познакоимся с братьями по судьбе. Узнаем, откуда они и куда кочуют, как их здоровьице...

Разведчики подошли поближе. Пришельцы не обратили на них никакого внимания. Таскали из лесу хворост,

помешивали варево в казанах, растягивали на поднятых оглоблях сырые одеяла и старые, добела вытертые ковры.

Когда буровики, насмотревшись, собрались уходить, к ним широким шагом, метя подолом юбки пожухлую траву, приблизилась молоденькая цыганка. Она, будто ища знакомого, остановила свои черные горящие глаза сначала на Кадермате, потом на Валентине, повернулась к Фархутдину и, выбрав наконец жертву, схватила руку Сапарбая.

— Дай, парень, ручку, скажу, что с тобой было, угадаю, что будет! — Цыганка, видно, не нуждалась ни в каком разрешении, затараторила: — Жизнь твоя была тяжелой, в поисках счастья ты приехал издалека, красавец...

Сапарбай испугался этих слов и этих цепких, как клещи, пальцев, подался назад:

— Не нужно!..

— Пусть погадает, глупый, не бойся! — сказали разведчики, которых заинтересовало, как сейчас цыганка будет охмурять парня.

— За счастьем ты приехал сюда, — говорила она, глядя Сапарбаю в глаза. — А твое счастье было рядом с тобой, светлое, как эта река. Злые люди твое счастье подобрали... Ты, красавец, живешь в казенном доме, и счастье тебя ждет в казенном доме... Если хочешь узнать, как и когда найдешь свое счастье, позолоти ручку, услышишь...

Сапарбай вырвал руку.

— Деньги просит!

— А ты думал, что она даром работает?

— Не жалей десятку, сын глупца! — Фархутдин подмигнул товарищам. — Ведь все точно говорит! Даже сказала, как на берегах Ика рядом с тобой Карима ходила!

Цыганка тем временем поймала руку Фархутдина.

— Дай, скажу и твою судьбу!

— Валяй! Червонец — не деньги.

Глядя в глаза Фархутдину, цыганка запела: дескать, ты живешь в казенном доме, у тебя нет ни богатства, ни семьи, ни детей, не надейся, не будет и дальше, терпи — будешь жить богато, станешь большим человеком, и если сейчас тебя девушки не любят, то...

— Меня?! — вскричал Фархутдин, и разведчики захотали вокруг.

Цыганка поняла, что дала промашку, попыталась исправиться, но Фархутдин уже не слушал ее.

— Нет, вы взгляните на ее ручки, ребята! Давно меня не касались такие изящные ручки...

Буровиков будто подхватило нежданное развлечение и понесло.

— Постой, цыганочка, не уходи, на-ка еще десятку...

— И мне тоже погадай!

Сидящие у костров цыгане в мгновение ока окружили буровиков, обещая сказать «всю правду», угадать судьбу по картам, по глазам, по линиям на ладони.

Тин-Тиныч перекричал всех:

— Ну хорошо, хорошо — верим! Тогда скажите: есть здесь нефть или нет! А! Что! Замолчали?

Но цыганки уже пришли в себя:

— Есть, есть, князь! В земле все есть!

В самый разгар этого шабаша вернулся из села Зубаиров.

— Это что еще такое?! Кто это такие? — кричал мастер издали, приближаясь к табору.

Фархутдин, словно рапортуя, встал перед Зубаиловым.

— Братья приехали, мастер! Братья по крови, горячей и густой!

— Придется вам собираться, — сдерживая раздражение, обратился Зубаиров к цыганам. Его тут же окружили несколько бородатых мужчин и, прижимая руки на груди, поздоровались с поклоном.

— О, милостивый хозяин, не говорите так! Душа бога широкая, под святым небом места всем хватит!

— Здесь не табор, а лагерь нефтяников, понятно? Государственное предприятие!

— О, добрый хозяин, мы не тронем вашего лагеря! Мы не помешаем вам, а вы — нам...

Подбежали две цыганки, схватили за руки Зубаирова, предлагая бесплатно предсказать ему судьбу.

Зубаиров досадливо убрал руку:

— Оставьте, оставьте это!

— Рядом с цыганами жить невозможно, — тихо сказал мастер буровикам. — Придется переезжать... Не станем больше тянуть.

Все разошлись по палаткам, довольные, что скоро на теплые квартиры. «Эх, заживем!» Но с этим делом наметились некоторые сложности. Зубаиров уже знал, что расселить людей в Язтургае будет не так легко, как в Карабаше или на берегу Ика. Село расположено далеко от

больших дорог, жители его никогда не знали дачников и квартирантов. Сильны были старые обычаи.

Бывая осенью в сельском Совете, Зубаиров всякий раз напоминал язтургайским руководителям о том, что скоро для буровиков потребуются квартиры. Ничего утешительного он пока не услышал.

Председатель сельсовета Хафизов когда-то приехал сюда учителем и сам долго мучился в поисках квартиры. «Я хорошо знаю привычки язтургайцев, — говорил он. — Здесь народ своеобразный — осторожный, несговорчивый, трудно будет найти с ними общий язык». Он даже сказал, что легче снять квартиры в одном из ближайших сел.

И секретарь парторганизации Даминов не отрицал некоторых странностей своих односельчан. «Вы должны понять, — как бы извиняясь за них, говорил он. — Веками люди жили в невежестве и предрассудках. Многие электрической лампочки до сих пор не видали. Но язтургайцы не такой уж плохой народ. Они честны, трудолюбивы и при уважительном отношении отвечают добротой и приветливостью».

Постепенно выяснилось, что квартиры найти можно. Только поселить людей по вахтам, как этого хотел Зубаиров, не выходило. Надо было считаться с условиями Язтургай.

И вот Зубаиров пришел в сельсовет решать вопрос о квартирах конкретно: кого и куда селить. Сегодня же. На дворе заметно похолодало, пошли дожди. Вдобавок рядом с лагерем остановились цыгане. Словом, в палатках жить уже стало невозможно.

Хафизов встретил Зубаирова приветливо. Он поднялся, шагнул навстречу, долго не отпускал руки мастера, усадил на месте.

— Ну, как идут дела, нефтяной король? — заинтересованно спросил он.

«Ишь ты, каким внимательным стал после операции, — подумал Зубаиров. — Милая Райса и тут мне помогает».

— О вашем труде слышим и радуемся. Будто сами там работаем. Кто подумал, что заговорят о нашем Язтургае! Утром включишь радио — Язтургайская площадь, газету посмотришь — Язтургайская площадь, бригада Зубаирова... Двадцать лет здесь прожил, но о Язтургае ни по радио не слышал, ни в газетах не читал.

— Еще не то будет, если найдем нефть...

Председатель подсел к мастеру:

— Ну и как, есть признаки? Говорят, вместо нефти газ ударил.

— Угодили в газовый колодец... Под землей такие места встречаются. Что же касается нефти... До нее еще далеко. Трудно предсказать...

— Правда ли, что буровики отравились газом? Здесь все село говорило, что разведчики задохнулись от газа... Зубаиров рассмеялся:

— Задохнуться не задохнулись, но все же он испугал нас... Отдыхались. Прошли уже мы то место...

— Конечно, нефть — основа будущего и немаловажный фактор...

— А как у вас дела? — перебил Зубаиров, зная пристрастие Хафизова к общим фразам.

— Лично у меня? У-у, здоров, будто новый трактор! После того как зашили меня суровыми нитками, словно помолодел на десять лет! Настоящая кудесница она, твоя Райса, знаешь это?

— Ну, а с квартирами-то как? — приступил мастер к главному. — Ведь мы под дождем оказались...

Хафизов вынул из стола список.

— Вот, товарищ Зубаиров, распределите уж сами. Можно по одному, кое-где двух... А вам лично... Извините, пока не нашли... Не хотят пускать семейных, с ребенком.

В комнату вошли Даминов и председатель колхоза Галлям. Поздоровавшись едва заметным кивком, Галлям грубо спросил:

— Опять кланчить пришли?

— Мы, местная власть, обязаны им помочь, — строго сказал Хафизов.

— Обязаны, обязаны! Мы только всем обязаны: землю дай, воду дай, луга отдай! Более того, людей отдай и даже квартирами их обеспечить!..

Галлям, размахивая руками, повернулся к Зубаирову:

— А что вы сами дадите?

— Нам пока нечего давать.

— Вот то-то и оно! Знаем мы таких нищих родственников!

— Поаккуратнее! — вставил Даминов.

Когда успокоились и заговорили по-деловому, у Зубаирова тоже нашлось что дать: он обязался от движка буровой провести свет в клуб, школу, сельский Совет, правление колхоза, на почту, в несколько домов.

Руководители сразу подобрили. Галлям закурил и подсел к Зубаирову.

— Простите, погорячился... А я вот все присматриваюсь к вашим трубам. Нельзя ли нам пару километров для водоснабжения фермы, а?

— Трубы найдем. В конторе много списанных труб.

— И машины для подвозки?

— И машины, если контора разрешит...

— У вас и трактора есть, и бульдозеры...

— Вы что, председатель? Говорят, если нищему улыбнуться, корову попросит. Сначала трубы, потом машины, затем бульдозер. Appetite! Вы готовы всю буровую растащить! — рассердился Зубаиров. — Затеяли торговлю! Рабочий класс дрожит от холода, а они — то дай, другое гони! Если вы люди, сначала устройте нас на квартиры, а потом уж начинайте просить, японские вы городовые!..

Его собеседники добродушно рассмеялись.

— От бедности это, мастер, от бедности нашей! — притворно-жалостно сказал Галлям.

— Ишь вы, бедняки! — засмеялся и Зубаиров.

22

Утром, когда вахта Тин-Тиныча прибыла сменить Саакяна, буровики охотно поговорили о первом вечере в селе, о своих первых впечатлениях. Все отогрелись, побрились-постриглись, попарились в настоящих банях.

Сапарбай считал себя счастливчиком — один попал в многодетную семью, и ребяшня, оказывается, зовет его не иначе, как «бай», что значит «богач». Самый маленький за один день так привык к Сапарбаю, что не отходил от него, буквально не слезает с рук. Почти весь вечер пришлось служить ему конем.

Валентин с Фархутдином остановились у старухи со стариком. Изба просторная, теплая и спокойная. С наслаждением спали они на нарах, в тепле. Только вот теленок да козлята покоя не давали.

— Ночью проснулся, — рассказывает Фархутдин, — Тин-Тиныч сидит на постели. В темноте глаза страшно

блестят. «Что случилось?» — спрашиваю шепотом, видя, что проснулся от кошмарного сна. «Знаешь, Фархутдин, — говорит Тин-Тиныч, — открыл глаза, а на меня забралось что-то такое и вякает: бэ-бэ... Если бы ты видел глаза и торчащие рога этого чудища!» — «Спи, говорю, Тин-Тиныч, не бойся, это не рога, а всего-навсего уши маленького козленка». Вроде успокоился, лег, а сам все дрожит. Ну, заснули опять. Просыпаемся, глядим — нет бескозырки Тин-Тиныча, которую вечером он повесил на гвоздик!

Буровики уже начинают похохатывать, а Тин-Тиныч тянет руку, чтобы закрыть рот Фархутдина:

— Будет болтать-то! Нашел о чем говорить!

Фархутдин отодвигается в сторонку и продолжает:

— Да... Нет бескозырки, которую он вечером собственноручно повесил на гвоздик! Где только ни искали — нету, пропала! Потом заглянули в лохань и — не знаю, смеяться или плакать: тихоокеанская чеплашка, гордость Тин-Тиныча превратилась в мокрую тряпицу. Будь он проклят, этот теленок! Несмотря на привязь, дотянулся все-таки ночью до славного морского головного убора, и остался от него лишь кусочек ленты с надписью «флот»!

Огорченный Тин-Тиныч уселся в стороне.

— Черт с ней, и с бескозыркой, но если встретится Валя, как я ей покажусь!

— Да-а-а. Теперь уже не узнает тебя твоя Валя!

— Как бы она, подумав, что это ты, не повисла на Мутгарае! — дразнят Тин-Тиныча, а он только отмахивается.

— Ну, а как твои дела, Назип?

— Ничего. Клопов, главное, нет... Чисто.

Сдав буровую, вахта Саакяна отправилась в село. Как сказал Зубаиров, им всем четверым квартиры определены, только нужно сходить в сельсовет и узнать, где эти дома.

— Сколько еще будет тянуться эта жизнь у дедушек да бабушек? — жаловался Мутгарай всю дорогу, а когда вошли в село, вдруг остановился.

— Не пойду я в сельсовет. Обойдусь и без них...

— Ты, конечно, не можешь жить, как все, — взбесился Саакян. — Станный человек, ей-богу!

Мутгарай даже не обернулся. Быстро пересек улицу и скрылся в узком и грязном переулке.

Как говорила тогда Фарида, ее дом должен находиться где-то в этом переулке, на конце, у самой реки. Только

вот неизвестно, пустит ли? Должна. Сама ведь говорила: «Если переедете, мол, в село, не ищи где-то квартиру, а иди прямо ко мне». Потом еще добавила: «Впрочем, едва ли захотите жить у таких, как мы. Вам найдут дома и попросторнее».

Шагая вдоль плетня, Мутгарай дошел до говорливого ручейка. «Пожалуй, здесь». Посмотрел налево, на низенькую избу за деревьями. Действительно, похожа на баню. Кажется, что домик, стыдясь своего маленького роста, спрятался от людского глаза.

В окошке, что было чуть больше сотовой рамы, светился огонь. Мутгарай открыл плетеные ворота и вошел во двор. Рассыпались овцы, испуганно встала корова, в сарайчике закудахтали куры.

— Даром что одинока, а скотины порядочно держит, — оценил Мутгарай. Тут же его взгляд упал на толстые бревна, сложенные у плетня. Это, видать, на новый сруб. Покойный муж, наверно, заготовил...

Едва он постучал в сенцы, из щелей мелькнул свет и донесся знакомый мягкий голос:

— Кто там?

— Это я, Фарида.

Фарида по голосу не узнала — видимо, и в мыслях не держала, что придет Мутгарай.

— Кто же ты?

Хозяйка с опаской открыла сенцы. Несколько мгновений смотрели они друг на друга и не могли вымолвить ни слова. А какие тут подходящие слова подобрать?

Но вот лицо Фарида посветлело:

— Уф, испугал... Оказывается, это ты, Мутгарай!

От частого дыхания высокая грудь Фарида то поднималась, то опускалась.

— Если не прогонишь, пришел проситься на квартиру, — сказал Мутгарай, продолжая смущенно стоять у порога. — Не ругай меня...

— За что ругать? Посмотри сам, понравится ли? У нас ведь так тесно...

— Было бы душе просторно! — сказал Мутгарай, осмелев. Окинул взглядом комнатенку, увидел, что здесь и в самом деле тесновато. Но в избушке — четыре-пять шагов вдоль и поперек — имелось все для жизни. Почти половину передней части занимает деревянная кровать. Напротив нее — другая, отгороженная кровать, где, разбросав ру-

чонки, спал ребенок. Видимо, это и есть дочь Фарида. Ближе к двери стоит стол и обитый жестяными полосками сундук.

Другую половину избы занимают печка и кухня. Небольшая лавка заставлена посудой. Признаться, в избе не было места не только лежать, но и сидеть. Как-то не по себе стало Мутгараю, и он пожалел, что пришел проситься сюда на квартиру. Но теперь уже уходить неудобно...

И Фарида его состояние поняла, указала на единственную в доме табуретку.

— Садись, Мутгарай, — сказала она грустно и вздохнула. Потом сложила руки на груди и прислонилась к печке. — Раздеваться не предлагаю, смотри сам. Вот так и живем. Одиночке достаточно...

Мутгарай сел, чтобы не обидеть хозяйку, спросил:

— Ну, как жизнь, Фарида? Когда еще поедем убирать хлеба?

— И-и, теперь уже пора копать картошку!

— Если приду помогать, не прогоните?

— От Галляма-абзый этого можно ожидать!

— Дурак он, ваш Галлям-абзый!

— Ничего не дурак! Мы его уважаем. Вон Камиль так и сбежал к вам на буровую!

— Думаете, я подбил Камилу? Если хотите знать, я уговаривал его не делать этого. Он сам, не зная еще нашей работы...

Мутгарай вошел было в азарт, ругая нефтяное дело, но Фарида остановила его.

— Ладно, Мутгарай, не горячись, успокойся. Лучше я поставлю тебе чай. Ты с работы?

— Ты бы лучше картошки сварила, Фарида. Эх, не знаешь, как я соскучился по свежей картошке! Мне она даже снится!..

— Картошку так картошку! — Фарида с ведром вышла из дома.

«Славная женщина эта Фарида», — подумал Мутгарай. По тому, как быстро Фарида почистила картошку, как на ходу сменила скатерть и расставила посуду, как она поглядывала на дочку и Мутгарая, парень почувствовал ее домовитость, доброту и сердечность.

Еще не сев за стол, Мутгарай твердо решил остаться на этой квартире. Присмотрел и место для себя. Вот этот стол чуть отодвинуть к порогу, а сундук убрать под стол, осво-

бодится на полу порядочно места. Что ни говори, все же не в палатке, не на холоду.

Если бы не проснулась дочка Фарида, то они вдвоем спокойно бы поужинали. Но ребенок проснулся и, увидев чужого человека, стал громко плакать.

— Чу, Фатыма, это дядя, хороший дядя к нам пришел.

Однако маленькая Фатыма никак не хотела примириться с присутствием в доме этого краснолицего дяди. Чем больше ее утешали, тем громче она плакала. Испуганно охватила ручонками шею матери и никак не могла успокоиться.

— Какой дикий ребенок, в доме нельзя появляться мужчине! — проговорила Фарида, утешая дочку.

— Значит, у тебя надежная охрана! — засмеялся Мутгарай.

Он подосадовал, что, зная о ребенке, не догадался купить хотя бы конфет. И прошло порядочно времени, пока они успокоили и уложили ребенка спать. Картошка на столе уже остыла и потеряла вкус. Да не беда, с голодухи пошла.

— Пожалуй, мне тоже пора лечь, — сказал Мутгарай. Он отодвинул стол и стал готовить себе место.

— Ты ложись сюда, а я — на сундуке. — Фарида мигом раскидала постель.

— Нет уж, так не пойдет, — возразил Мутгарай. — Я выбрал себе место. Вот сейчас отодвину сундук и...

— Еще чего! Ты же в гостях...

— Гость должен быть скромным! — Мутгарай одним движением засунул сундук под стол. — Не говори много, дай лучше подушку...

— Смотри, потом не жалуйся, что жестко...

Когда на пол перешли две подушки вместо одной, толстая перина и одеяло, уставший за день на буровой парень как лег, так и растаял в сладком сне.

Зато Фарида всю ночь не сомкнула глаз. Хоть висит разделяющая занавеска и есть верный страж матери — Фатыма, все же женщине было трудно слышать, как в двух шагах от нее дышит мужчина. Как-то непривычно и даже нехорошо, стыдно.

— О боже, когда узнают люди, что скажут?

Временами Мутгарай переворачивался с боку на бок и храпел.

— Что сделать, если встанет и двинется к тебе! На

первый взгляд вроде скромный, не испорченный, но ведь человек не арбуз, ему в нутро не заглянешь...

Фарида уже стала жалеть, что она оставила его ночевать. Ладно, пусть уж сегодня поспит, а утром нужно вежливо объяснить ему: мол, так и так, Мутгарай, не обессудь, изба тесная, ребенок пугливый, ты уж поищи другую квартиру...

Немало было таких, что стучались в двери Фариды, которая после трагической смерти мужа осталась одна. Приходили и пьяные, и якобы по делам, обещали привозить сено и дрова, однако женщина, боясь недоброй славы, не позволяла себе ничего. Были даже случаи, когда она выгоняла нахальных скалкой.

Были и такие, которые делали ей серьезное предложение, сватались. У Фариды родителей не было, поэтому сваты сначала шли в верхний конец села, к родителям мужа, получали их согласие и только после этого являлись к Фариде. С достойным ответом Фарида выпроваживала сватов. «Разве порядочный человек станет жепиться на вдове с ребенком? — думала она. — Или это пропащий пьяница, или непутевый, бездельник, или человек, которого выгнала жена, не стерпев, что он за каждой юбкой гонялся».

Около дома Фариды все реже вертелись женихи и ухажеры, потом их и вовсе не стало. Вот уже больше года как перестали стучаться к ней и проходящие деревенские забуддыги.

Правда, этой весной приезжали из соседнего села сватать Фариду. То ли серьезно, то ли издевались — жениху было под семьдесят. Более того, он наказал: «Смотрите, узнайте, не знает ли запаха ее подмышки другой мужчина». Вот ведь, старый хрыч! После ухода сватов Фарида, рыдая от обиды, каталась по полу.

С этого сватовства ее, смирившуюся со своим одиночеством, начала одолевать тоска. Фариду мучила боязнь остаться до смерти одной. Ладно, пока рядом с ней есть утешение — дочка. Но ведь она вырастет и не останется с матерью. И это правильно, она должна свить свое гнездо. А мать? Значит, уже в сорок лет Фарида останется одна-одинешенька в этой маленькой и низкой избушке?

Иногда Фарида жалела, что не разговаривала по-доброму с людьми, которые сватали ее. А вот эту ночь лежит Фарида и терзается: пустила в квартиру чужого человека.

«Нет, скажу ему по-хорошему, пусть уходит»...

Утром она подняла занавеску. Мутгарая не было. У Фарида даже сердце похолодело: «Неужели совсем ушел? Даже не попрощавшись? Неужели догадался о моих мыслях?»

Ей стало плохо, будто из сердца пребольным образом выдернули какую-то невидимую нитку. Держась за грудь, она села на кровать и стала смотреть на неубранную постель Мутгарая.

— Сама виновата, — прошептала она. — Всегда так получается, если стоят к человеку боком... Дура я, дура...

Потом она по пути на работу занесла дочку к свекрови, силосовала с бабами кукурузу, задумчиво, развязав белый узелок, ела во время обеда и думала о Мутгарее. Сталась не думать, но не было такой минуты, чтоб не думалось.

«Вот, оказывается, какой человек. Ты смотри, даже ушел молча, без слов... Ну, конечно, изба показалась тесной, а верней всего, я ему не понравилась, не пара. Если так, то почему на уборке так шутил и глядел на меня туманными глазами? Наверно, ушел из-за дочки. Что парню рядом с женщиной и с ее ребенком?.. Постой-ка, дуреха, с какой стати я старательно хочу сделать его своим? Он же не сказал мне ничего. Попросился на квартиру, я будто бы согласилась, и все. Квартира ему не понравилась, сказать об этом напрямик постеснялся и спозаранку удрал. Вот и все...»

Когда она, измученная своими думами, вернулась вечером домой, Мутгарай во дворе колот дрова. Открывая калитку, она почувствовала, как дрожат руки. Ей хотелось упрекнуть Мутгарая за то, что утром он ушел молча. Однако, сообразив, что не имеет на это права, удержалась.

— Я ведь, Мутгарай, забыла оставить ключ! — И чуть было не добавила: «Из-за тебя ум отшибло».

— Да ничего. Тут работенка нашлась...

Если судить по поленнице, то Мутгарай, должно, пришел давно. В дом не попал и от нечего делать взялся колоть дрова.

Фарида достала из кармана ключ, открыла дверь.

— Брось работу, заходи!

Ей все казалось, что парень бросит вот-вот топор и уйдет со двора. Но Мутгарай пришел не затем, чтобы уходить. Вон у поленницы стоит его имущество — чемодан. Он ловко тукнул кончиком топора, и тот остался торчком в

полене. Потом поднял свой фанерный чемодан и, не торопясь, вслед за Фаридой вошел в дом. Наедине обоим стало как-то неловко.

— Помыться бы мне, Фарида. Я прямо с буровой.

Мутгарай, стеснясь, разделся, снял рубашку и остался в майке. В нос Фариды ударил запах мужского пота. О боже, как, оказывается, можно отвыкнуть от мужчины.

Когда она приблизилась к Мутгарая с полным кумганом теплой воды, душистым мылом и вышитым полотенцем, парень расцвел от радости. Он может умываться теплой водой и утираться белоснежным полотенцем? Однако стоит ли портить вышитое полотенце этими замазученными мозолистыми руками? Умывшись, Мутгарай достал из чемодана казенное вафельное полотенце, оно когда-то было белым, а сейчас приняло желтоватый цвет.

— Это нужно постирать! — Фарида вырвала тряпицу из рук Мутгарая.

— Я же испачкаю твое!

— Испачкаешь — выстираем!

В душу Мутгарая, истосковавшегося по теплоте слов, эти решительные слова Фариды вливались топленным маслом. Просунувшись за печку, он стал торопливо переодеваться. У него был новый еще синий костюм, белая сорочка и хромовые сапоги. За несколько лет работы на буровой он надевал все это два-три раза. Как-то не было повода наряжаться, а когда случалось — вахта не совпадала. Ребята знали, что Мутгарай с одинаковым безразличием работает и в будни, и в праздничные дни, поэтому часто просили подменить. Как-то в Карабаше он собрался было переодеться и сходить в клуб, но передумал: «Чего это без причины переодеваться, меня оттуда и так не выгонят». И на берегах Ика однажды хотел было щегольнуть. Тогда Мутгарая за помощь во время весеннего сева пригласили на праздник механизаторов. Думал-думал и отправился в повседневной одежде. «Все знакомые и друзья не осудят», — решил он.

А сегодня не праздник, не выходной, а Мутгарай взял да приоделся, даже сам не зная, зачем он это сделал. Вот вышел из-за печки, поскрипывая хромовыми сапогами, взглянул в настенное зеркало. Ничего, чистый и молодой. Нет, не совсем прав Фархутдин. Мутгарая нельзя назвать уродом. Плечи-то какие! И если бы не было вот этого широкого, круглого и красного, как раскаленная сковорода,

лица и нос был бы чуть побольше, парень прямо стал бы красавцем... Куда ж денешься, если нос словно кошка слизнула? Зато чего стоят его волосы! Пускай говорят, что он рыжий, называют медной головой — Мутгараю нравятся его пламенные волосы.

Фарида, занятая приготовлением ужина, с потаенной улыбкой наблюдала, как парень стоит перед зеркалом и любит себя. И вдруг из сердца опять выдернуло ниточку: «Он же собирается к девушкам!..»

Стало жарко и холодно, в душе закипели неизвестно откуда появившиеся ревность, злоба и обида. Случайно уронила мешочек с мукой, рассыпала муку по полу. «Не к добру!» Потом, когда уже резала лапшу, ножом полоснула по кончику пальца. «Глупая баба! — кляла себя Фарида, — увидела мужика и взбесилась!..» И все же не удержалась:

— Куда так принарядился, Мутгарай? Боюсь, как бы и девушка за тобой ко мне не прибежала, — Фарида деланно засмеялась, хотя ей сейчас хотелось всплакнуть.

— А что, сидеть в мазуте, что ли? — небрежно сказал Мутгарай, будто так одевался каждый день после работы.

— Ой, за дочкой побегу! — вспомнила Фарида.

Когда она привела Фатыму от свекрови, Мутгарай сидел у стола и разбирал ее старые настенные часы с боем. Фарида облегченно вздохнула: «Парень не из гулящих»...

— Чего в клуб не идешь? — осторожно проговорила Фарида. — Там сейчас полы трещат. С приездом буровиков весь Язтургай ожил!

— Пошел бы, да у тебя часы бьют по четырнадцать раз. Решил проучить их!

Фарида с удовольствием рассмеялась. Ее часы иногда по ошибке вместо трех бьют семь, а вместо семи — почему-то одиннадцать. Нет, недаром говорят, что в доме без хозяина черти заводятся!

Мутгарай не пошел в клуб ни завтра, ни послезавтра. Вернется с вахты, возьмет пилу, топор, молоток с гвоздями — и давай искать себе какую-нибудь работу в доме или на дворе.

Фариде и приятно, и трудно. Мутгарай уже расколол скопившиеся за несколько лет толстые корявые чурбаки, прибил сорванные ветром доски сеней, отремонтировал оконные рамы. Более того, перебрал и подновил накат завалившегося погреба, поставил подпорки к плетню.

Конечно, женщине, несколько лет не знавшей никакой помощи со стороны, все это было кстати, но она жалела Мутгарая, сильно устающего на буровой, и побаивалась злых языков односельчан. Кроме того, за работу ведь и платить надо...

Она не выдержала и подошла как-то к парню, возившемуся во дворе.

— Напрасно беспокоишься, Мутгарай. Ты же рабочий человек, тебе отдохнуть нужно...

— Что за отдых? — удивился Мутгарай. — Я и так, слава богу, день работаю, два отдыхаю. Без работы я болею...

— А если я не сумею заплатить?

— Что ты говоришь, Фарида! — обиделся парень. — Кто у тебя просит платы?

— Все равно нехорошо заставлять человека работать даром.

— Хо, если хочешь знать, в Карабаше я хозяину квартиры отгрохал такую баню! Серьезно! Начал просто от нечего делать, а получилась настоящая баня!

— Баня, баня! Тогда вот иди-ка в баню! Сегодня там свекор затопил. Не посчитайся, что далеко, сходи!

Ну, если уж в баню, так Мутгарай пойдет и на край света! Он и сам хотел попросить Фарида, чтоб устроила его побаниться к кому-нибудь из соседей, да постеснялся. У самой-то Фарида бани нет...

Фарида торопливо стала объяснять, как пройти к дому свекрови.

— Да не так уж и далеко. Поднимешься по переулку и свернешь направо. По улице пройдешь до моста и в гору. Они на горе, в углу. Прозвище свекра — «Утка-Давлетбай». Спроси — всякий скажет, — она весело рассмеялась. — Стой! Я, значит, есть сноха утки? Большой пятистенный дом с тесовыми некрашеными воротами. Собаки нет, иди смело...

Да из-за бани Мутгарай пойдет на край земли! Разве это баня была, землянка Кадермата. Вот в деревне у Мутгарая была по крайней мере баня! Стоило плеснуть ведро воды на раскаленные камни, то редко кто выдерживал не только на полке, но и на полу. А Мутгарай даже не пригибался. В этой адской жаре он надевал шапку и рукавицы, забирался на полки и, смягчив на камнях березовый

веник, парился до изнеможения. Потом с бьющимся сердцем спускался с полка и, облившись холодной водой, отдыхал. И так до трех раз. Потом, распаренный докрасна, растягивался на застеленном соломой холодном полу предбанника. Тело становилось легким, воздушным, и на тебе уже ни грязинки, ни пылинки и после недельной работы в поле никакой усталости, одна сладкая истома. И мысли такие, будто ты безгрешный младенец в люльке...

Мутгарай быстро разыскал дом Утки-Давлетбая. Зашел прямо в дом, с порога приветствовал хозяев по старинному обычаю, со стариком поздоровался двумя руками.

Встретили радушно. Старик и старуха приняли Мутгарая как своего и совсем забегались вокруг. Наперебой говорили «раздевайся», «проходи», «будь гостем». Да, в свое время Фарида попала в хорошую семью, ничего не скажешь...

Чистота и аккуратность в доме соответствовали и обстановке бани хозяина. Стены побелены, полки и полы вымыты до желтизны, белые деревянные шайки стерильно чисты. В бане стоял тонкий аромат березового веника с душицей.

Нет, никто на буровой так не любил деревенской бани, как Мутгарай! Он по своей привычке трижды подымался наверх, предварительно добавляя на камни, стонал, фыркал и пыхтел от несказанного удовольствия. Размышлял: «Нет, из-за одного этого не останусь в разведке! Что на свете может сравниться с деревенской баней!» Влез на полку в четвертый раз, сверх нормы, и опять заиграл веником: хлестал себя по спине, по плечам, жег живот и бедра. Только листья отлетали. Мутгарай вошел в раж и никак не мог остановиться, истязал себя уже голыми прутами. Вот это баня!

В дом Утки-Давлетбая Мутгарай вернулся вконец обессиленным. Его широкое лицо обмякло и будто бы даже распухло. И без того красное, оно сделалось совсем уж под цвет перчаточного стручка, что одиноко горел в цветочном горшке на подоконнике.

Рубашка Мутгарая прилипла к телу, с носа и мочек ушей капал пот.

Мутгарай хотел только поблагодарить хозяев, но его пригласили к чаю. Парень не стал возражать. Дома он как раз это и любил — после бани вволю попить чаю со смородиновой пастилой и земляничным вареньем!

За чаем неторопливые начались расспросы: откуда будет Мутгарай родом, кого оставил дома. Постепенно Давлетбай перевел разговор на нефть: как там идут дела, найдут ли, а уже после всего подступил к вопросу о квартире.

— Да поможет вам бог. Трудно, видно, жить на чужой стороне без родных. Неудобно, конечно, и на постое... Особенно в тесной избушке нашей Фарида...

— Привыкнешь, и ничего трудного, бабай, — возразил Мутгарай. — Потом ведь дело вовсе не в тесноте, было б душе не тесно...

— Это уж поистине так, вы умное слово сказали... Наша невестка Фарида — приветливая, большая душа... Только вот счастье ее обошло, сирота она...

И вот что поразило Мутгарая: старики ни словом не обмолвились о покойном сыне, только хвалили сноху — Фарида трудолюбивая, Фарида быстрая, Фарида умелая. И за стариками Фарида ухаживает, помогает им. Хотя и осталась без мужа, никто плохого о ней не скажет, Фарида блюла себя, не уронила в глазах людей. И вот такому человеку бог счастья не дал...

Немного странным казалось, что свекор и свекровь так говорят о своей невестке, но Мутгарай понял их правильно. Они были хорошие люди, эти старики, всерьез беспокоились за судьбу Фарида.

Правда, Мутгарай сделал вид, что не понимает их намеков, горячо поблагодарил стариков за гостеприимство. Дома весело сказал Фариде:

— Слушай, Фарида, свободного времени у меня вагон и маленькая тележка, нефть еще не скоро покажется, может, мне вот из этих твоих бревен срубить сруб?

— Не говори глупости! Тут бригаде плотников работы да заботы!

— Ты меня не знаешь! И напрасно возражаешь, Фарида. Я уже прикинул: тут у тебя достаточно материала для пятистенного дома. Завтра же и приступлю!

— Не надо, не надо! — Фарида и слушать об этом не хотела.

— Да я за свою жизнь срубил десяток срубов. Да, да, не смейся! В ФЗО научили. В Сибири для шахтеров мы рубили из бревен длинные бараки. Вот работа была на морозе! Из-за этого и в армию меня тогда не взяли...

Последнее надо ли было говорить Фариде, но Мутгарай все еще жалел, что не служил в армии, он так мечтал о

ней в детстве и юности! В армии он бы показал, кто такой Мутгарай!

Хотя Фарида и не дала согласия, Мутгарай решил: с завтрашнего дня приняться за сруб.

23

Вот уже почти четыре часа бур тычется в одно место. Видимо, уже износился. У него, может, и зубы-то раскрошились. Хотя уже давно наступило время замены бура, Кадермат не спешит поднять инструмент, ждет указания мастера.

Очень уж своеобразной оказалась эта язгургайская скважина. Вот дошли до проектной глубины и открыли продуктивный горизонт, потом еще пробурили довольно много, однако нефти не было. Бур легко пронзил пропитанный нефтью песчаник и опять наткнулся на твердую породу. Выходит, разведчики добрались до кристаллического фундамента! Есть ли смысл продолжать работу, грызть этот гранитный пласт, под которым никаких нет богатств? Карта картой, теория теорией, но буровики уже, можно сказать, дали свой огорчительный ответ.

О положении на скважине больше всех беспокоился, кажется, Камиль. Приходя на вахту, спрашивает: «Нефти не было?», а уходя волнуется: «Лишь бы не пошла в мое отсутствие!» Ему хочется своими руками направить нефтяной фонтан, собственными глазами увидеть, как этот фонтан ударит высоко-высоко в небо, чтобы потом рассказать в селе обо всем своим товарищам.

Хочется-то хочется, но от этого хотенья ничего не менялось: бур часами без толку крутился в забое, быстро изнашивался и его приходилось часто менять, а что это была за работа, Камиль узнал полной мерой. Набил инструментом кровавые мазоли на ладонях, надавил трубами синяки на плечах. И он, наверно, долго не забудет того дня, когда бригада перешла на особое долото. Даже не поверил сразу, что такое может быть, и вспомнил, как Еланский разыграл его однажды, послав за новым буром в будку. Камиль тогда не нашел ничего, что бы напоминало столлярное долото, сверло или буравчик.

— Да там они, там! — кричал Еланский. — На полу валяются, ищи получше!

Парень всю будку переворошил, а Еланский все кричал:

— Может, в кармане моего пиджака? Или в сумке мастера?

Нет, не было никакого бура ни в карманах, ни в сумках. Еланский, похохатывая, появился в будке, поднял с пола большое железное устройство, напоминающее вывоченный дубовый пень с тремя отрезанными корнями, и навалил эту тяжесть на плечо Камилля.

— Да вот же он — бур-то!

Камиль даже охнул под тяжестью инструмента, хотя и выдержал, не согнулся. Долото завернули, закрепили на конце колонны и опустили в скважину. Хорошо, бур, но где же у него острые детали, которыми он взрезает пласт? Кадермат Имамутдинович тогда очень хорошо объяснил, что внутри каждого корня этого стального пня крутятся оси, на которые надеты шарошки, похожие на конусные шестерни комбайна, только сделаны они из очень твердого металла. «Это и есть лезвие долота», — сказал бурильщик. Вода под большим давлением крутит лопатки турбобура, и тот катает в забое шарошки, которые разрушают горную породу. Просто и понятно.

И вот Камиль смотрит на мастера, зажавшего в кулаке свой длинный подбородок, на Кадермату Имамутдиновича, остановившего бурение, устало вытирающего со лба пот.

— Выход один, — говорит бурильщик.

— Неужто? — спрашивает мастер.

— Да. Только он выручит.

— А о себестоимости скважины ты подумал?

— Думай не думай. Один он тут сладит.

«Кого они имеют в виду? — насторожился Камиль. — Кто этот могучий он?»

— Ладно, — решил Зубаиров, взглянув почему-то на Камилля. — Пока крути, а я поеду за алмазом.

«Шутят! — подумал Камиль. — Опять надо мной шутят». Он прекрасно помнит, как еще в школе учитель химии говорил, что алмаз — редчайший минерал на земле, а самый крупный камень, известный людям, размером не больше голубинового яйца, однако цену его нельзя определить — так он дорог. Но тут идет речь не о какой-то маленькой вещице, а об огромном долоте весом больше трех пудов!

С другой стороны, Кадермат Имамутдинович над Камилем никогда не шутил, да и мастер с самого начала от-

носился к нему, как ко взрослому. И молодой рабочий ясно представил себе, как мастер привозит алмазное долото, искрящееся, играющее всеми цветами радуги, поднимает его над головой, и все жмурят глаза от лучистого сияния. Камиль обязательно попросит разрешения у мастера потрогать алмазные грани драгоценного долота. А может, ему разрешат собственными руками вернуть долото в резьбу турбобура? Он это уже хорошо умел делать...

Оттаскивая в сторону негодные трубы, Камиль нетерпеливо поглядывал на дорогу — где же это бур? Наконец показалась закрытая машина, какой раньше не появлялось на буровой. Бур находился в железном ящике с замком, и его охраняли какие-то чужие люди — сразу было видно, что это не конторские снабженцы. Когда осторожно, почти благоговейно мастер ставил долото, эти люди зорко наблюдали за его движениями, и Камиль не решился даже приблизиться к столь ценному инструменту. Правда, он успел разочарованно заметить, что это было, вообще-то, нормальное долото, обычное стальное корневище с тремя тупыми отрезками. И никакого тебе там радужного блеска. На кромках шарошек виднелись мелкие крупинки стеклышек, похожие на осколки темной, непрозрачной бутылки.

— Это и есть алмазный бур? — шепнул он Еланскому.

— Он, — уважительно произнес тот.

Алмазное долото быстро погнало метры. Скважина уходила все глубже и глубже, с каждой вахтой наращивалась стальная колонна.

Однако пока не было видно ни волшебной нефти, ни чудо-фонтана. Уже прошли в глубину более двух километров, подняли наверх образцы всех подземных пород — глину, песок, известняк, доломит, пробившись к девонскому пласту и теперь грызут кремль, гранит, магму, а нефти все нет и нет.

Настроение бурильщиков упало, отшибло желание работать. Да, не везет их бригаде, надо уходить от этого мастера! Ведь они просто так, без толку и надежды вот уже который месяц крутят этот бур.

Зубаиров на ходу рассматривает поднятую из недр породу, потом молча отнимает у Кадермата рычаги, немного бурит и с нетерпением подходит к желобкам — ни дать ни взять ребенок копается в песочке пальцем, и ему интересно. Но теперь уж из скважины идет не песок, не

глина, а искрошенный в крупу гранит. «Да, нефть, осталась в стороне, — с тоской думает мастер. — Несчастливый я».

— Не видно?

Зубаиров прищурил глаза и молча уставился на своего бурильщика. Кадермат нажал на кнопку, остановил бурение. После долгой паузы спросил о главном:

— Может, наша скважина пустая вообще?

— Похоже на то, — трудно проговорил Зубаиров.

Кадермат невнятно выругался. Да, сведены на нет все мучения буровиков, плакали народные денежки. И не ругаешься да заругаешься...

Плохая весть, как тревожный ветер, с буровой дошла до Язтургая, ворвалась в дома, где жили на постое буровики. «Нефть не обнаружена!»

И вот вся бригада собралась в Калиновой роще у безжизненной буровой. На лицах можно было увидеть и злость, и жалость к себе, и упадок сил, все, кроме сочувствия мастеру. Вот сидит на ступеньке Тин-Тиныч, потерянно перебирая свои белокурые, слегка вьющиеся волосы, глядит в землю. Рядом, прикрыв рот рукой, стоит его помощник Фархутдин — даже этому не до шуток. Подошел, прислонился к столбу Мутгарай. Спиной почувствовал, как тугой осенний ветер чуть кренит вышку, и ему почудилось, что вот-вот буровая рухнет и настанет конец их мучениям, разом разрешатся все его, Мутгарая, вопросы. А Еланский злорадно уставился на мастера, словно хотел сказать: «Ну, доработались! Что дальше?» Не уловил Зубаиров доброты даже во взглядах Кубрака и Габбаса. А уж эти-то парни всегда были безответными смирянками! Правду говорят — друзья до первой беды...

Зубаиров перевел на буровую страдающие, покрасневшие от последних бессонных ночей глаза. Просто стоял и стоял, не зная чего сказать и что делать. «Нет, надо мне уходить из разведки...» Все лето и осень! Столько сил! Сердце Зубаирова тупо ныло. Ведь и разместились они здесь основательно. Все в квартирах. Райса хорошо работает. Сам Фазыл даже стал привыкать к этому Язтургаю... И как стыдно перед жителями села!

Зубаиров отрешенно посмотрел на разведчиков. Это крайнее, вот-вот готовое лопнуть, напряжение долго продолжаться не может. Мастеру следует сказать что-то, предупредить взрыв.

Однако он никак не мог найти слов, которые успокоили

бы людей. Вышел вперед Сергей Саакян и, будто дразня Зубаирова, со звоном ударил ногой по трубе:

— Что, мастер, значит, из скважины получили камень? И это понятно. Мы же сами в забой камни валили.

— А по-моему, яиц туда многовато спустили, — подковырнул Фархутдин.

— Ставят буровую на первую попавшуюся кочку и мучают людей, мать их так! — Еланский выдернул из-за пояса свои рукавицы, хлопнул ими по земле. — Что мы тут стоим? Нужно сматывать отсюда удочки!

Откуда-то из толпы высунул свой маленький нос и Мутгарай:

— Еланский правду говорит! Чего вертеть мельницу без муки? Вы как хотите, а лично я, например, ухожу из бригады!

— Скатертью дорога! — вдруг озлился на него Кадермат. — От тебя ни молока, ни шерсти, ни мяса. Не-фтя-ник!

Вот тут-то и нашел подтверждение своим давним словам Миргазиян Салимов.

— Говорил я тебе, мастер, — нельзя собирать на буровой всяких колхозников! Видишь, какие они на поверку! Рабочие до первой беды! Кто хочет, пусть уходит, а я в такой момент бригаду не оставляю. Я из рабочей породы, понял ты, крестьянское дите? Найдем нефть, мастер, найдем!

Много ли нужно человеку? Даже вот эти почти бессвязные мальчишеские слова облегчили душу Зубаирова. Ему хотелось сказать этому горячему потомку татарских рабочих: «Спасибо, родной, умница, славный!» Но он только положил на плечо Миргазияна руку. Шагнул вперед, ладонью вытер лоб.

— По-вашему, разведка должна обязательно находить нефть? Нет, для дела бывает важным и отрицательный результат. Наша цель — поиски, эксперимент...

— Вот и копайся в своих экспериментах!

«Это, кажется, Саакян крикнул. Следовало бы ответить, но падо быть выше горы...»

— Хорошо, — Зубаиров сделал еще один шаг. — Не возражаю: кто хочет, пусть уходит! Ну, кто начнет? Ты, Мутгарай? Еланский, ты? Может, Сапарбай собирается? Саакян?

Мастер рукой указывал на каждого, но никто не тронулся с места.

«Куда я теперь поеду? — подумал Сапарбай. — На ридицу? Райханы там нет, да и жить негде...» Ну ладно, а куда, скажите, поедет Еланский, который кроме профессии бурильщика да гирь своих ничего нигде не имеет? Мысль о Вале, кажется, не позволяет думать об отъезде и Тин-Тинычу. Кадермат, Миргазиян, Фархутдин — эти без буровой никуда. Разве только Саакян возвратится в Туркмению, к везучему Ибрагиму-заде, да и то едва ли. А вот Мутгарай, пожалуй, и вправду уйдет...

— Ты нам все же скажи, мастер, — подал голос Сапарбай, — нас геологи да приборы обманули или мы сами не туда пошли?

Зубаиров грустно улыбнулся:

— Если нефть найдешь — хвалят приборы и геологов, если ее нет — виноваты мы... Ладно, ребята, не вешайте носы! Трубы пока крутите, чтобы не схватило. Я поехал в контору.

Что-то будет... Никто не расходился. Ждали покури-вая, разглядывали низкое серое осеннее небо.

Мутгарай отчужденно сидел на краю бурового моста и разглядывал территорию! Эх, хозяева! На площадке как попало валяются трубы, у сарая горой лежит цемент, по-верху он взялся коркой. Бревна, бруски, доски в мазуте и грязи. Хозяева! Нефти нет, а они попусту тратят время и дорогой материал. В эту холостую скважину одного цемента марки «600» ушло уже сотни тонн! Да колхозы за такое добро отдали бы половину своего достатка. Сколько из него можно было построить коровников, сколько силосных ям заложить! А трубы. Километры сортового металла загублены под землей! Из одних только списанных труб можно было б сделать водопровод для целой деревни, провести воду на те же язтургайские фермы, а то там девки да бабы все руки себе отматывают из-за воды. А сколько тут солярки да керосина зря уходит! На полях из-за пехватки горючего трактора простаивают, а здесь, надо не надо, гоняют дизеля день и ночь. Их бы в колхозную мастерскую, эти дизеля... У настоящего хозяина не пропала ни одна бы доска и всякий бы брусочек в дело пошел: где крылечко подновить, где стойки к воротам...

— Едут!

В Калиновую рощу срочно прибыли и директор конторы, и главный инженер, и главный геолог. Было о чем подумать и поспорить. До этого разведчики, на какой бы

восточной точке Татарии ни закладывали скважину, получали нефть, много нефти. Границы Ромашкинского месторождения росли и ширились. Сначала стали известны южные границы, затем — восточные. Постепенно, как бы ощупкой, буровые вышки шагнули на север и северо-восток. Сегодня дороги от Вишневой горы тянутся на шестьдесят—семьдесят километров и почти дошли до Камы. Таким образом, разведочно-поисковые работы до сих пор подтверждали расчеты и научные предположения ученых и геологов. Было твердо установлено, что Ромашкинское месторождение — невиданное доселе в стране, уникальное.

Изображение этого месторождения на картах напоминало открытый амбарный замок, западные границы которого охватывала Язтургайская дуга. Дужку этого гигантского замка и должна была запереть бригада Зубаирова.

Руководители, прибывшие из конторы, будто сроду не видали буровой, внимательно осматриваясь, обошли скважину. Потом собрались у желоба и долго рассматривали поднятый из недр шлам. Да, эти кристаллические зерна из девонского пласта свидетельствовали, что бур наткнулся на фундамент.

Камиль с интересом наблюдал за гостями. Вот один из них, видно, самый большой начальник, понюхал-понюхал шлам и с досадой швырнул его на землю.

— Остается одно — бросить это место! — сказал он.

— Бросить-то легко, — раздумчиво возразил другой. — А ведь тут есть нефть!

— Где же она, ваша нефть? — закричал первый. — Ну, покажи, раз ты геолог!

— Анализы говорят: нефть есть! Видимо, мы немного отклонились, — настаивает на своем геолог, а сам, будто боясь главного хозяина, стоит чуть в стороне, не подходит.

— Хочешь заложить новую скважину? — гаркнул на него хозяин. — Нет уж, дорогой, на такую щедрость я не пойду!

— Эти границы нельзя оставлять открытыми, нам нужна полная ясность, — говорит геолог.

Упрямый, оказывается, человек! Подобрал проволочку и, чертя что-то на земле, стал горячо доказывать, что нефть в этом районе непременно должна быть. Хозяин вырвал проволочку и начертил под ногами круг.

— Нам снова нужно возвращаться в сторону Ромашкина, — говорит он. — А вы, геологи, взяли да и забросили

скважину вон куда! Даже уникальное месторождение нефтяным океаном быть не может, оно имеет какие-то свои границы!

— Убежден, что здесь нефть есть! — твердит геолог и, рисуя что-то в блокноте, опять начинает доказывать. — Разве об этом не говорит схема разреза пластов, образцы, взятые из скважины, и особенно пропитанный нефтью пласт песчанника? Пласт продуктивен! Наконец, скважина прошла угольный пласт и был выход газа. Я утверждаю — есть нефть! Мы прошли чуть стороной...

— С какой стороны? Справа, слева? Сколько метров? — коварно улыбается хозяин.

А тот геолог, ох и ученый человек, не теряется, тут же находит ответ:

— По-моему, с этого же места нужно заложить наклонную скважину в сторону центра. Наклонная скважина нам ведь и в половину полной стоимости не обойдется!

— А если опять не попадем на нефть? Не обойдется вся эта затея в полторы цены? — уже поддаваясь, сказал хозяин, молчаливо согласившись с геологом, посмотрел на главного инженера. — На сколько метров мы можем идти в сторону?

— Смотря какой наклон дать. Сотню, две, триста метров и даже более.

— Эта бригада имеет опыт наклонного бурения! — подковырнул директор конторы Зубаирова. — Они любят уходить в сторону...

По шутливому тону хозяина все поняли, что вопрос решен.

— Идемте-ка, подумаем, посоветуемся.

Все скрылись в вагончике буровой.

Итак, бригада никуда не уходит, остается в Язтургае.

24

«В птичнике-то теперь — поликлиника!» «Райса — строгий, хороший дохтур», «Райса — волшебница». Эти слова, произносимые и в шутку и всерьез, открыли путь в медпункт. Большинство больных, и особенно молодые, стали избегать знахарок.

Райса теперь приходила поздно, очень уставала. Ей даже стало казаться, что в Язтургае все болеют, хотя она и понимала, что это, конечно, не так. Да, она гордилась

тем, что, не будучи терапевтом, верно поставила несколько серьезных диагнозов, что сделала уже три операции, пустяковых вообще-то, но вовремя, что начала узнавать село, и нескольких пациентов решительно отправила с единственным советом поменьше пить.

Только вот с сунной, стародавшим мусульманским обрядом, ничего не получалось у Райсы. В деревне почему-то рождались большей частью мальчики, и этот проклятый старик-обрезальщик продолжал свое ремесло. Мало того что он своим самодельным ножом наносил болезненную рану младенцам. Для присыпки старик применял какой-то порошок из трухлявого дерева.

Что делать? Какие меры предпринять?

Решила Райса посоветоваться с председателем сельсовета. Хафизов вначале крепко сомневался в успешной работе медпункта. «Не пойдут к вам наши люди, не пойдут!» — убеждал он Райсу при первом знакомстве. Однако вскоре он был приятно удивлен, а после операции стал по-настоящему уважать Райсу. Правда, поначалу это уважение он пытался выразить своеобразно. Выздоровев, взял подмышку добротный отрез на платье и пришел в медпункт.

— Если вы действительно хотите меня отблагодарить, товарищ председатель, то побеспокойтесь лучше о медпункте!

Увидев на глазах Райсы набежавшие слезы, Хафизов взялся извиняться, просить, чтоб она никому в селе об этом не говорила, и смущенно удалился со своим свертком. А вскоре достал для медпункта новую мебель, выделил средства для приобретения полного комплекта инструментов, сам привез по заказу Райсы разнообразные медикаменты из района.

— На будущий год начнем строить новый медпункт, — пообещал Хафизов Райсе и осторожно добавил: — Если, конечно, будет такая возможность...

И вот очередная забота Райсы, с которой она пришла к Хафизову.

— Насчет обрезания, сестра-доктор, не знаю и что сказать. Несколько раз мы предупреждали этого старика, запугивали, однажды даже наложили штраф... По-моему, здесь есть вина и самих людей. Детей приносят и приводят, умоляют его, большие деньги суют... Пробовали мы обложить старика подходящим налогом. Он прекратил свое

занятие, по народ-то не переменялся! Начали ездить в соседнюю деревню. Народ-то штрафовать за это не станешь! Да, старое — очень живуче, и наше население, несмотря на большую работу, проделанную Советской властью...

Райса вдруг начала смеяться. И не над своей беспомощностью, и не над его общими, очень правильными словами. Ей вспомнился рассказ язтургайцев о Хафизове.

— Пережитки темного прошлого, как тяжкий груз, тянут назад, и борьба с ними... — председатель прервал свою тираду, запнулся: — Вы что смеетесь?

— Да я так, — не могла остановиться Райса. — Вспомнила один интересный случай... Пустяк... Не стоит...

— Нет, нет, расскажите! — настаивал Хафизов. — Я люблю интересное.

— Ну, хорошо, — сдерживая смех, согласилась Райса. — Только рассказывать придется вам. Это правда, что вы тоже приводили своего сына-подростка к старику. Ну, было это?

— Да, было такое, — смутился Хафизов.

— Рассказывайте, рассказывайте! Я тоже люблю интересное.

— Был, был такой грех... Правда, уж давно, лет десять назад. Не стерпел. Сына приятели совсем задразнили. Даже купаться не мог ходить. Мальчик приходит и плачет, приходит и плачет... Жена покоя не дает, депь и ночь меня пилит: «Из-за тебя сына мучаем, вон бедняга весь желтый от позора стал. Ты свою сознательность на сыне вымещаешь». Доконала. Махнул рукой и сказал: «Я тебе ничего не разрешал, ты мне ни о чем не говорила. Иди, ради бога, веди сына, пусть режут, как хотят!»

Райса опять засмеялась, и Хафизов, поборовший смущение, тоже.

— Ну, а дальше-то, дальше?

— Да... А дальше — закавыка. Обрезальщик решительно отказался. «Нет, говорит, меня не проведете, это провокация. Я такими делами не занимаюсь».

— Ишь! — восхитилась Райса.

— А мальчик-то все плачет. На улице товарищи не допускают его к играм, ставя условие: «Расстегнись, отступник нерезанный». Жалко парнишку! Вышел я из терпенья. Пошел в сельсовет, вызвал к себе этого старика. «Сукны ты сын! — говорю. — Будешь резать моего мальчика? Или

я тебя выселю в течение двадцати четырех часов из деревни!»

Райса хохотала до слез, представляя, как сам председатель сельсовета, охранитель советских законов, коммунист, заставил старика делать сунну собственному сыну. Действительно — и смех, и грех!

— И знаешь после этого шум какой поднялся! — улыбаясь, продолжал Хафизов. — Не только в сельском, но и в районном масштабе! Этот проклятый старик на весь район распространил слух, будто я дал ему широкие права на обрезание!

В конце беседы Хафизов посоветовал:

— Будьте с ним поосторожнее — это хитрый и умный противник. По-моему, есть только одно средство в борьбе с этим вредным обычаем: надо вести среди населения воспитательную работу. Прочесть в клубе лекцию, провести беседы с молодыми роженицами...

Но так уж получилось, что через несколько дней Райсе самой пришлось участвовать в сунне.

Через два дома от медпункта жила молодая женщина Рахима. Она была на сносях и в результате многих встреч и уговоров согласилась стать первой в деревне роженицей, доверившейся доктору, а не повивальным бабкам. Родила Рахима удивительно живого и симпатичного мальчика. И от того, видимо, что роды принимала сама Райса, она привязалась к младенцу. Часто заходила к Рахиме, любовалась своим «первенцем» и всякий раз твердила: «Смотри, Рахима, не дай сына в руки старика, можешь погубить ребенка». И вот однажды... Даже от медпункта было слышно, как ребенок кричит во весь голос, заливаясь. Райса кинулась туда. В доме старик довершал свое кровавое деяние.

— Что вы наделали с моим крошкой! — в гневе закричала Райса и заплакала.

— Тихо, сестрица! — старик закончил дело. — Спокойно, бог даст, ничего не будет... Сунна мусульманину положена...

— Хоть руки-то свои помыл бы с хлоркой, халат надел, поганый! — вскричала Райса.

— Слава богу, все как положено, по-мусульмански... Бисмилла иррахман...

С величавым спокойствием старик вынул из кармана

мешочек со своей трухой и начал присыпать кровавую рану.

— Брось свою труху! — закричала Райса. Она быстро достала из сумки вату и, помочив йодом, прижала к ранке.

Этого, кажется, только и надо было старику. На другой день он распространял по Язтургаю слух, что якобы сам «дохтур» разрешает ему заниматься сунной, и не только разрешает, а даже лично проверяет его работу, дает советы и помогает лекарством...

Люди видели старика и на улице. Он был теперь одет в белый халат и держал в руке шкатулку, точно такую, как у Райсы. А в нем, говорили, вместо самодельного пожара хирургический скальпель. И древесную труху старик заменил флаконом с йодом, ватой и бинтами. Он говорил будто бы: «Дохтур с меня требует чистоты, придется подчиниться требованиям времени...»

Райса помнила предостережение председателя и теперь сама поняла, что действительно имеет дело с коварным и опасным «соперником». Она не знала, что ей делать.

А в понедельник, как только Райса пришла в медпункт, вызвал ее в сельсовет Хафизов. По лицу его и глазам было заметно, что председатель не в духе.

— Сестричка-доктор, ты сама знаешь, как я тебя уважаю, — начал он. Посидел, молча глядя на стол. Встал, прошелся, проверил, закрыта ли дверь. — Может быть, это клевета, пустое слово. И если так — прости. Сам тоже от людей слышал. Правда ли это, что ты вместе со стариком была на сунне?

Райсу охватил жар — будто в вену ввели раствор хлористого кальция. От стыда начало гореть все лицо, уши, шея.

— К сожалению, была...

— И помогала старику?

— Да, помогала. Пожалела ребенка...

И Райса, задыхаясь от волнения, рассказала, как и при каких обстоятельствах все случилось. Хафизов внешне был удивительно спокоен.

— Так, та-ак, — протянул он. — Оба вы теперь в белых халатах, оба с чемоданчиками, а который из вас обрезальщик? — язвительно продолжал председатель. — Ну, скажи, кто виноват? Кого я должен наказать?

Тут же, при ней, председатель написал бумагу, в которой за соучастие в сунне — именно так и было сформули-

ровано! — молодому фельдшеру объявлялся строгий выговор. «Если об этом узнает Фазыл, — думала Райса, — конечно начнет бранить. Или до упаду смеяться, причислит к клану «обрезальщиц».

Однако на этот раз Фазыл, как никогда, держал себя спокойно, с пониманием. Он уже обо всем слышал. Вот показался в дверях, заглянул в большие, тревожные глаза Райсы, едва заметно улыбнулся уголками губ. Подумал, наверное, что ей, бедняге, тоже не легко дается ее работа, особенно в условиях этого Язтургая, и Райса еще раз убедилась — хороший все же он, ее Фазыл!

— Да что ты, Райса, нос-то повесила? — пытался успокоить он ее. — Думаешь, работа у других все время гладко идет? Если б все шло, как мы бы хотели, я уже давно закончил бы бурить вторую скважину. Жизнь, она устроенная не так, как нам хочется...

И Зубаиров с болью подумал о холостой скважине. Вроде бурим, бурим, а дело незаметно катится назад, это он уже ясно видит...

В дополнение ко всему остальному Зубаировым не повезло и с квартирой. Правда, когда все буровики были размещены и остался неустроенным один мастер, Камиль пригласил его к себе. Дом, мол, большой, пятистепennyй, отец и мать старые, детишек нет, переходите с Райсой-апа к нам жить. Приглашение пришлось очень кстати, ибо на днях должны были приехать законные хозяева их квартиры — учителя. Быстро переехали на новое место.

У Сабирзяна-«трясуна» дом был действительно просторный. Дети выросли, поразъехались, и в одной половине никто не жил. Она пришла в полное запустенье. Зубаировым, которые хорошо знали квартирные трудности в Язтургае, отдельное жилье показалось чуть ли не чудом. «Спасибо хорошему человеку, выручил», — радовались Райса и Фазыл. Только удивлялись: почему такую квартиру никому не предложил сельсовет? Сюда целиком вахта бы поместилась!

Что значит жить на квартире, знает только тот, кто сам квартировал. Здесь свои проблемы. Райса побелила стены, вымыла полы и, чтобы просушить впервые за долгие годы эту половину дома, затопила печку, дров не пожалела. И вот Сабирзян, в ее присутствии, пометил топором всю поленницу: доскать, это наше и вы не прикасайтесь. Потом собрал разбросанные по двору пилу,

топор, вилы, занес их в сарай, а на дверях повесил большой замок — это означало, что пользоваться хозяйским инструментом нельзя.

Райса совсем забегалась, а тут еще беспрестанные указания кашляющего старика: нужно закрывать ворота и не забывать при этом опускать внутренний засов, обувь оставлять у крыльца, Сабирзян — человек больной, поэтому дверью не стучать, запорами не греметь, а что касается ребенка, то сделать так, чтобы в доме он не плакал, не шумел, не бегал. И прочее, и прочее, и прочее...

А когда Райса попросила у хозяев ведра и коромысло и потом вернула их, Сабирзян тщательно проверил, нет ли вмятин на ведрах, не дало ли трещину коромысло...

Она в отчаянии рассказала обо всему мужу, и тот понял, почему не предложили эту квартиру в сельсовете. А как узнаешь, где найдешь, а где потеряешь! Вон ведь сын Сабирзяна Камиль совсем другой человек. Умный, мечтательный, смысленный паренек. Уже неплохо разбирается в буровом деле. Уважительный к людям. Когда он от души пригласил к себе, как воспротивишься? Зубаиров никогда бы не подумал, что отец у него такой сквалыга. Дров пожалел!..

— Потерпи, Райса, мы же временно тут...

«Временно!» Расстроенная Райса ушла на кухню. Вот так Фазыл и живет всю жизнь. Временно переезжает на буровую, временно ставит палатки, а когда начинаются дожди, временно переезжает в село. И с семьей — временно. Все — временно. А люди строят дома — на века, прокладывают дороги — на века, сажают деревья — на века... А мы? Сколько еще будет продолжаться такая жизнь? И будет ли когда-нибудь этому конец?!

Фазылу она не раз задавала этот вопрос, только он или отмалчивался, или переводил разговор на другую тему.

После ужина, будто внезапно что-то вспомнив, Зубаиров вскочил:

— Ну и удивлю же я этого Сабирзяна! Да, да, пусть не думает, что он большое одолжение нам сделал...

На другой день после обеда во двор Сабирзяна заехала машина, груженная березовыми дровами. Только успела отъехать, как прибыл еще один огромный трубовоз с таким же грузом и с грохотом свалил его у сарая.

Сначала Сабирзян наблюдал за этим через окно, подслеповато щурясь из-под трясущихся ладоней, потом не

выдержал и выскочил наружу. «Боже, боже, в каждой машине дров на целую зиму!» Старик, не веря своим глазам, подошел к Зубаирову.

— Кому это?

— Тебе, бабай.

— Сколько будет стоить?

— Даром.

— Совсем дарс

— Конечно!

Но этим не кончилось. Постоялец уехал на трубовозе, а ко двору Сабирзяна подошла еще одна машина с дровами. «Боже, дубовые! Где их достал квартирант? Дуба нет ни в Язтургайском лесу, ни в далеких Шамарданских делянках».

Райса видела, как старик, поначалу ходивший степено, забегал по двору, начал хвататься то за одну, то за другую чурку, тянул их куда-то, катал, словно в жизни не видал и щепки. Совсем зашелся в трясучке Сабирзян, и Райсе даже стало его жалко.

В первый день Зубаиров забыл захватить с буровой керосина для лампы. Райса попросила Сабирзяна одолжить консервную банку керосина. Старик дал, но угрюмо проворчал: «В мой дом забрались нищие». Через день Зубаиров закатил во двор Сабирзяна полную бочку керосина, литров двести, хотя и знал, что через неделю нужды в керосине не будет.

С руководителями колхоза и села они договорились так: столбы от Язтургая, провода — от разведчиков. Колхоз поставит столбы и протянет линию, а буровая даст энергию. У нефтяников это уже вошло в привычку — где бы они ни останавливались, в каком бы селе ни квартировали зимой, прежде всего электрифицировали дома и сельские учреждения. И после отъезда разведчиков эти огни не гаснут, потому что на место буровиков приезжают промысловики, которые присоединяют линию к своим двигателям. Так село неожиданно, с опережением местного плана электрификации, оказывается освещенным.

Зубаиров и с электричеством решил подшутить над Сабирзяном. Проводку сделал в свою половину, а потом, когда старик парился в бапе, вывел шнур в помещение хозяев и повесил под потолком большую лампочку.

Сабирзян пришел распаренный, обессиленный и ничего не заметил. Он долго стонал и кричал над чаем, подозре-

тельно поглядывая на улыбающегося без причины Камилля. А когда стемнело и в доме вспыхнул яркий электрический свет, старик пролил на себя чай, забежал, как оказавшаяся на свету землеройка. Старуха же, вернувшись из бани, даже чай пить не стала, — хихикая, взялась вертеть под лампочкой веретено.

В тот вечер впервые в Язтургае — на его темных улицах, в квартирах буровиков, в помещении сельсовета и правлении колхоза, в школе, клубе и медпункте вспыхнул электрический свет.

25

Предстояло из наклонной скважины глубиной в тысячу метров поднять трубы, спустить туда специальный бур и с его помощью извлечь важные для лабораторных исследований образцы горных пород. Если геологи называют эту работу извлечением керна, то буровики — мукой мученической.

Извлечением керна особенно интересовался Камиль, потому что прочитал книгу, которую дал ему Кадермат-абый. Разведчики берут керн через каждые сто—двести метров. В это время мастер ни на шаг не отходит от буровой, поджидая, будто кошка мышку, образец подземной породы. Без разрешения буровики даже пальцем не могут дотронуться до грунта.

В первые дни работы Камилля из скважины выходила какая-то глина зеленовато-коричневого оттенка. Называлась она осадками кайнозойской эры. Их возраст, оказывается, больше одного миллиона лет. В то время поверхность земли была будто бы покрыта водой, а в водорослях жили водяные животные. Потом керн взяли с новой глубины. Камиль увидел, что порода приняла светло-желтый цвет и стала каменеть. «А эта порода, братец, еще древней, — сказал Кадермат, заметив интерес паренька. — Мезозойская эра». По словам Кадермата-абый, слой состоит из мела и извести, образованных водорослями, ракушками и останками других простейших организмов. А возраст пласта удивительный — более сорока миллионов лет!

Песок, известняк, мел, глинистый песок, песчаная глина — Камиль словно заглянул в глубь времени, в обширные мертвые залы подземного царства. И вот сегодня он

знакомится с древнейшей палеозойской эрой. Эта эра, оказывается, делится на несколько периодов — пермский, угольный, девонский, силурийский, кембрийский — язык сломаешь!

Бригаде нужно добраться до отложений девонского периода, где и ждет их клад. Эта порода, как говорили буровики, одна из самых старых, ей за пятьдесят миллионов. Но, видать, девонские пласты тоже разные бывают, не в каждом из них нефть. И вот, начиная с тысячи метров, скважина наклонно пошла куда-то в сторону, в поисках нефтяного слоя.

Вахта за вахтой буровики поднимали наверх образцы, и Камиль в эти дни понял, как нелегко достается нефтяникам их хлеб. Люди вконец измотались, развинчивая и соединяя трубы, без конца меняя долото. Первым в эту смену, к концу которой на буровую приехал Зубаиров с главным геологом, устал Геннадий Еланский — начал ронять ключи. Да, это тебе не с гирями забавляться! Затем ослаб верховой Миргазиян — у него стали вырываться из крючка трубы, поднятые из-под земли. Камиль часто обращивался, с нетерпением ожидая подхода новой вахты. Поднося трубы, он даже поскользнулся и растянулся на мокром полу буровой.

Только самый старший по возрасту Кадермат, нефтяник довоенной стахановской закалки, прямо стоял за пультом управления. Его железные руки беспрестанно двигались у рычагов, ноги то резко, то плавно нажимали на педали. Руководитель вахты внимательно наблюдал за показаниями приборов и присматривал за работой буровиков. Нельзя останавливаться ни на минуту, иначе в освожденную от труб пустоту может обвалиться порода и закупорить скважину. Это была реальная угроза.

Из недр земли со свистом вытаскивалась труба за трубой, на платформе внутри вышки выстраивались длинные «свечи». Наконец показался турбобур, а вслед за ним появилось и долото, грызущее все, что ни попадет ему на зуб. Взялись рассматривать породу — ни дать ни взять гладкий стакан молочного цвета.

— Вот, братец, это и есть доломит, — сказал Кадермат, сунув Камиллю маленький камешек. Доломит в пальцах Камилля заискрился гранями. Камиль стукнул по камешку молотком — никакого результата, черкнул по стеклышку — осталась тонкая белая риска. Оказывается, доломит

тверже самого твердого кремня, крепче самого крепкого гранита!

— Фью-ю! — свистнул Камиль. — Как же бур берет такую твердую породу?

— А ему что? — задумчиво сказал Кадермат, разглядывая камень. — Он вместе с людьми это делает...

Зубаиров и геолог тоже вертели в руках образцы породы, подносили близко к глазам.

— Крепкий орешек, — уважительно заметил геолог.

— Да, нашла коса на камень, — подтвердил Зубаиров, но ему хотелось подвести разговор к нефти. — Ну, говорите, будет ли нефть?

— Вероятность возрастает, — осторожно сказал геолог и поднял камешек вверх, будто пытаясь разглядеть сквозь него солнце. — О чем говорит этот керн? Во-первых, девонская кора поднимается выше. Значит, ближе и продуктивный горизонт. Во-вторых, вот смотри — доломит последовательно переходит на песчаник. А песчаник — это пропитанный нефтью камень...

Камиль чутко прислушивался к разговору. Да, и здесь нет нефти, только доломит. Видно, это они нарочно, чтобы успокоить буровиков... Эх, наступит ли для Камилля его день, увидит ли он черный упругий фонтан?!

Когда дали наряд на бурение наклонной скважины, разведчики не поняли его. Ладно, пускай они в тот раз заблудились, ушли в сторону и за это их честили почем зря. Но почему же теперь сами геологи решили бурить с еще большим отклонением? Не отдаляются ли они все дальше и дальше от нефти?

Сам Зубаиров тут не все понимал и не мог развеять сомнений буровиков. Сегодня он решил окончательно прояснить это для себя и своих людей.

— Буровики хотят услышать это именно от вас! — заявил он главному геологу конторы.

— Пожалуйста!

Зубаиров распорядился приостановить бурение и даже вызвать с верха Миргазияна.

— Значит, вы сомневаетесь в наличии тут нефти? — спросил главный геолог, когда буровики собрались. — Не верите в эту наклонную скважину? Сознаюсь, что и между нами тоже споров было немало. Больше скажу — администрация объявила нам настоящую войну. Честно признаться, мы, геологи, кажется, взяли на себя чрезмерную ответ-

ственность. Спрашиваете, почему начали бурить в сторону центра? Логика заставила. Подумайте сами: теоретические предпосылки, результаты геофизических исследований, показания приборов, анализ кернов — все противоречиво, неопределенно, так что очень и очень вероятно, что мы заложили первую скважину на перемычке между двумя близкими друг к другу нефтяными источниками. Это было бы очень интересным явлением! Понимаете? Если мы теперь вот этой наклонной скважиной набредем на нефть, значит, откроем совсем новую нефтяную площадь! А мы крепко надеемся, что рядом с Ромашкинским располагается другое, столь же богатое месторождение! — Он подчеркнул интонацией слово «месторождение».

— Ого! — обрадовались буровики. — Значит, мы можем стать его открывателями?

— Да, ребята, — подтвердил геолог. — Давайте постараемся, найдем вместе нефть!

— Если так, то мы ее достанем! — заявил Кадермат и скупо улыбнулся: — Хоть из-под земли...

26

Когда пришла повестка о призыве в армию сына, Галлям-абзый задумал проводить свое единственное чадо с помпой. В тот же день он зарезал годовалого теленка, оставленного было на племя, демонстративно пронес через все село на спине ящик, в котором водочные бутылки вели свой тонкий разговор.

Дома, продегустировав одну из бутылок, Галлям-абзый открыл сундук, раскопал в нем отрез, давно купленный сыну на костюм, завернул его в газету и, слегка пошатываясь, направился на верхний конец села к Сабирзяну-трясуну.

Да, сын получил повестку в армию, а у него нет даже приличного костюма, чтоб показаться на людях. Не успел сшить Галлям, никак не выбрал времени, совсем замотали колхозные дела. Да, рано ушла из жизни хозяйка его дома, тихая, безответная Минлебика... И пусть хоть в последние дни парень покрасуется в настоящем костюме! Тем более что в армию он идет вместе с Камилом, сыном Сабирзяна. И пускай все село увидит, чей сын идет служить. Галляма сын! Говорите, что хотите, но до этого Галлям не подводил своего сына и сейчас не подведет!..

Галлям открыл тесовые ворота, но на него накинулась собака. Председатель ногой отшвырнул ее, взшел на крыльцо. И так всегда дрожащий, будто от хронического страха, Сабирзян, увидев в своем доме изрядно подвыпившего Галляма, совсем струсил. Он поспешно стал убирать отрезы со стола, спрятал большие портняжные ножницы.

— Проходи, проходи, Галлямутдин-ровесник, — проговорил он охрипшим вдруг голосом.

Галлям прошел к столу прямо в грязных сапогах, бросил сверток Сабирзяну.

— Даю тебе два дня сроку! — грубо сказал он. — Или ты за это время сошьешь моему сыну костюм, или я отправлю тебя туда, откуда еще никто не возвращался.

Сабирзян торопливо взял в руки сверток. Лихорадочно трясаясь, спросил:

— Ты что, одногодок, женить, что ли, сына собираешься?

— Женить! В солдаты провожаю, в солдаты, понял? Вместе с твоим сыном!

— Там ведь вроде одевают?

Галлям выдернул сверток у Сабирзяна и кинул его на швейную машинку.

— Это знаем только мы, те, кто был в солдатах, понял? А ты не расспрашивай, начинай шить, и все!

Сабирзян хорошо знал привычки сумасброда Галляма, поэтому возражать не посмел, дрожащими руками стал разворачивать сверток. Ощупал черную, отливающую синевой ткань. До этого ему никогда не приходилось шить костюма из такого дорогого материала.

— Вот ты, ровесник, говоришь сшить за два дня... А ты хоть знаешь, что это за материал? Это называется бостон! Бостон! Столичная вещь!

Сабирзян хотел знанием своего дела поставить себя вровень с этим сумасшедшим Галлямом, но тот и ухом не повел:

— Ну и что? И очень хорошо! Галлямовы и должны носить такое! — Он взялся за ручку двери. — Вот так, Сабирзян! Наш род испокон веку давал солдат, а ты пока провожаешь первого!

Сабирзян по-женски упер руки в бока:

— Почему провожаю? Мой Камиль остается со мной!

Галляма словно по голове саданули большим камнем — широко открыв глаза, он остолбенел у двери.

— Как это — остается?

— А так! Не взяли его. Он здесь нужен.

— Как это — здесь нужен? И... не идет служить?!

— Не идет... Он нефти нужен.

— Постой, постой!..

Галлям попятился, открыл собой дверь и тут же натолкнулся на кровать в половине Зубаировых.

Зубаиров только пришел с работы, сел ужинать, а Райса возилась с посудой у печки, огороженной занавеской. Увидев Галляма с покрасневшими и расширенными от злости глазами, Зубаиров положил вилку.

— Что случилось?

— Это как же? — подступил к нему Галлям. — Как это? Значит, сын Сабирзяна Камиль не пойдет в армию?

— Не пойдет.

— Как не пойдет?!

— Дали отсрочку. Нефти нужны люди.

— Т-а-а-к,—протянул Галлям, расстегивая воротник. — У меня два сына погибли на фронте, сейчас идет служить третий, а у него один из всего ихнего рода призывной, и тот остается дома, да? Где правда?!

— Это, дядя, зависит не от нас. Не берут, — значит, нашли нужным...

— Нашли...

Совсем обессилев, Галлям сел на стул.

— Значит, мастер, говоришь, нашли нужным? А ты знаешь, что Сабирзян сбежал от мировой войны? Да, да, сбежал, предатель, сбежал, когда был призван вместе со мной. А что ты думаешь, сделал он в эту войну? Тоже сбежал!

— Ты в меру открывай рот, Галляметдин, — донесся голос Сабирзяна. — Я четыре года работал в стройбате. Так что ты...

Галлям вскочил, плотно прикрыл дверь. Потом снял фуражку, положил на колени и стал рассказывать Зубаирову историю, приключившуюся с ним и Сабирзяном.

Оказывается, вражда их ведется с давних пор, еще с мальчишеских лет. Жили они на разных концах села, но четыре года вместе проучились у гундосого сельского муллы. В те далекие времена все и началось. Ежегодно, как только сходил снег с полей, отцы обоих парнишек еще по грязи шли на поля с саженьями в руках — делить землю. При этом почему-то между ними постоянно возникали

ссоры. Доходило до того, что отцы хватили друг друга за грудки. Мирить их приходилось сельскому старосте. Он перемерял земли и забивал по меже колышки. И Сабирзян с Галлямом еще юнцами следовали по стопам отцов. Приезжавший затемно на пахоту Сабирзян переносил колышки на свою сторону, Галлям потом делал то же самое... Это противоборство продолжалось до тех пор, пока оба не стали парнями. И весть о начале германской войны Галлям и Сабирзян слышали в поле, на жатве. Верховой проскакал по полям с этим сообщением. Соседи уселись под суслоном. Отец Сабирзяна Нигматзян швырнул серп и проговорил: «Не нам, оказывается, этот хлеб!» Отец Галляма долго смотрел на далекий горизонт за рекой Сагындык и с горечью произнес: «Черт с ним, с хлебом, парней вот на войну заберут». А жадный Нигматзян даже и не вспомнил о своем сыне! Схватил серп, побежал в свой загон: «Нужно быстрее убрать и спрятать хлеб».

Через несколько дней забрали Сабирзяна, Галляма и еще нескольких язтургайских парней.

— Вы думаете, мастер, Сабирзян поехал в окопы? Даже хвоста его не видели! В ту же ночь сын Нигматзяна исчез в неизвестном направлении... Спустя месяц после комиссии нас, рекрутов, отправили на фронт. Перед самым сражением я получил письмо от отца, где он писал, что Сабирзяна так и не нашли, его отца Нигматзяна ежедневно требовали к старосте и пытались узнать, где скрывается сын. Потом в село приехал урядник, и Нигматзяна при всем честном народе выпороли. Из-за сына же лишили Нигматзяна земельного надела, и он был вынужден пойти с сумой. О том, что в бурную ночь он замерз у околицы дальнего села, я узнал уже после гражданской, когда вернулся в родные места...

А Сабирзян приехал в село пятнадцать лет спустя. Среди зимы, в пуржистый февраль. Этого человека в тубетейке, ичигах и полосатом чапане, кроме сверстников, никто и не узнавал. Да и сам он не знал многих односельчан. Станным своим одеянием он вызывал интерес у взрослых и смех у мальчишек, приветствовал встречных и поперечных на смешанном татарско-узбекском языке, заходил к некоторым из старых знакомых. То ли никто не встретил его приветливо, то ли самому надоело дразнить собак да холодить уши на морозе, только Сабирзян вскоре заперся в полуразрушенной избушке отца. И по селу разнеслось:

«Сабирзян не простой, оказывается, человек, он научился шить». Проходя мимо его низенькой избы, люди с любопытством прислушивались к стрекоту швейной машинки. Потом и заходить стали, чтобы своими глазами посмотреть на немецкую ножную машину. Скоро имя Сабирзяна стало известным во всей округе, заказы росли...

Все это Галлям рассказывал с такими интересными подробностями из жизни старого Язтургая, что Райса бросила на кухне посуду и пришла послушать.

— В тот год я работал секретарем сельсовета, — продолжал Галлям. — На наших глазах Сабирзян стал первым богачом села. Поставил просторный пятистенный дом, много надворных построек, стал держать чуть ли не стадо скота. За счет кого, спрашивается? За счет народа! Он был один портной на все село и с каждого заказчика брал в пятикратной мере! Прямо шкуру с людей сдирал!

Все это Галлям рассказывал с такой горечью и болью, словно произошло это вчера. Видимо, долгие годы человеческая память способна цепко удерживать плохое, и не может с ним смириться.

— В эту войну я мечтал поехать на фронт вместе с Сабирзяном и заставить его тоже понюхать пороха. Вы думаете, он пошел на войну? Нет, такие, как Сабирзян, не защищают Родину! В день общего призыва здоровый сорокапятилетний мужчина Сабирзян взял да и заболел. Стал эпилептиком — припадочным...

— Может, он раньше был больным? — спросила Райса.

— Нет, мы все потом узнали. Во время приступа болезни он проговорился: «Сам себя испортил — съел толченую смесь белены и чемерицы». Вот ведь на что идут люди, чтобы только не воевать!.. А сын его в нефтяники подался, сбежал из колхоза!

Галлям рассказывал все это, чтобы уравнивать Сабирзяна и Камилля, убедить себя и других в том, что отец с сыном едут на одной телеге, что яблоко от яблони упало недалеко. Однако Зубаиров видел, что между отцом и сыном большая разница, даже, можно сказать, диаметральной противоположность.

— Нет, Камилль не Сабирзян, — проговорил он. — Камилль — настоящий советский человек...

Галлям резко поднялся.

— На его месте я бы добровольно пошел в армию! Из принципа!

— Так бы поступил и я. Но ведь не берут его, понимаешь, не берут!.. Он сам ко мне приходил чуть ли не с плачем!.. Нефть армии тоже нужна.

Видимо, Галлям не счел нужным дальше продолжать разговор, взялся за фуражку. Уходя, открыл дверь Сабирзяна и крикнул:

— Через два дня приду. Чтобы костюм был готов!

— Постой-ка, ровесник, объяснимся! — всполошился Сабирзян, но Галлям и слушать его не стал. Портной торопливо выбежал за ним и крикнул вслед:

— Ну, тогда пусть сын на примерку сейчас же придет!

27

Галлям вернулся от Сабирзяна мрачнее тучи. В доме — обычная тишина и пустота. Не пришел еще с работы и будущий солдат! Ах, сынок! Даже перед самым отъездом на службу в последние дни старается для колхоза. Шофер. До темноты возит на станцию картошку меньшей Галляма. Единственный из трех сыновей уцелел. Галлям потерял и жену, и детей, и вот теперь остается в доме совершенно один...

Не выдержав гнетущей тишины, Галлям подошел к окну и закурил, наблюдая, как облетает с черемухи последний лист. Осень. Испокон веков люди ждали осени. Весной восхищались, лето хвалили, однако осень ждали с нетерпением и надеждами. Не потому, что она имеет свойственную только ей красоту, а потому, что осень приносила в дом достаток и покой. Человек всегда надеялся на осень, хлебную, яблочную пору года. Осенью сватали девушек, играли свадьбы, осенью открывались ярмарки, шумели базары.

В старые времена, как всюду, в Язтургае тоже с нетерпением ждали осени. Бедняки надеялись собрать урожай со своих крошечных наделов, а если надежды не оправдывались, с мешком уходили нищенствовать или разъезжались по дальним краям в поисках нигде не существующего счастья...

Через каждый оборот Земли вокруг Солнца, хотели этого люди или не хотели, приходила осень. Наступала раньше или позже, приходила и с урожаем и с голодом, свадебными тройками и повальным холерным мором, рождением детей и кровопролитной войной. И люди по-

прежнему ждут осени, она остается надеждой, думой и мечтой простого люда.

Ни одна осень Галляма не была похожа на другую. Как обычно, желтели листья, жухли травы, дули пронизывающие ветры, лили холодные дожди, однако жизнь менялась от осени к осени, и все они были разными.

Галлям помнит осень, когда кулаки попрятали хлеб и оставили Россию голодной. А потом он зорил это кулачье и создавал первую в округе сельскохозяйственную артель. И, считай, никто тогда в Язтургае не верил в новое, а он верил. Верил! Запомнилась и первая колхозная осень, когда они всей деревней провели праздник урожая. А осень первых тракторов, вспахавших под зябь большой целинный клин!

Род Галлямовых никогда не забудет грозную осень сорок первого, полную горя и слез. Галлямовы видели и сожженные села, и поникшие колосья сиротливых полей, и мать-землю, изуродованную снарядами и бомбами. Сколько осеней народ не наедался! Весь собранный хлеб, часто до последнего зерна, отдавал солдатам и рабочим, чтоб скорей пришла победа.

И она пришла. Однако народ пережил еще много осеней с пустующими амбарами, с истощенными лошадьми, с полуголодными ребятишками. Хлеб несли в мешках, везли на тележках, отправляли на машинах и на подводах. И если б не жмых, не спасительница-картошка!.. Люди жили надеждами и верой в обильную, хлебную, счастливую осень. Нет, никто не поймет послевоенного колхозного председателя, если сам не побывал в его шкуре...

Наконец наступила долгожданная золотая осень. Земля расщедрилась на урожай, отдала обильные соки тем, кто годами грел ее своей душевной теплотой, тратил на нее свою силу. Хлеборобы собрали с полей богатую жатву, в каждом доме стол ломился от снеди. Впервые за послевоенные годы язтургайский колхоз перевыполнил план сдачи хлеба государству.

В этот же год на колхозной земле поднялась первая нефтяная вышка. Этой же осенью разведчики нефти впервые осветили улицы Язтургая электрическим светом. И этот-то год, и эта-то осень обернулись для Галляма полным одиночеством! Весной он лишился жены, прожившей с ним рядом всю жизнь, а сейчас последнего его сына берут в армию...

За сына Галлям не беспокоится. Наоборот — гордится им! Так должно быть. Настоящий мужчина обязан послужить, выполнить свой долг и почетную обязанность. Их род — испокон веков солдатский род. Солдатами были его дед и отец, солдатом был он сам, солдатами стали три его сына...

И вот по существу самовольный уход сына Сабирзяна из колхоза на нефтяную работу, а теперь отсрочка по призыву в армию — вывели из равновесия Галляма. А еще и то, что вместе с клубом, сельсоветом, правлением, медпунктом осветился и дом Сабирзяна на далеком верхнем конце. «Умеют же некоторые жить на свете!» — Галлям не выдержал, решил посмотреть свое освещенное село, по-прежнему сетуя на несправедливость жизни.

На улице ему показалось, будто во дворе фермы сваливают трубы. Не поверил. Побежал туда и убедился: да, лежит целый штабель хороших длинных труб.

— Этот мастер, оказывается, умеет держать слово, — вслух подумал он. — Уважаю! Значит, завтра же начнем проводить воду на ферму...

С удивлением Галлям отметил, что в его душе не осталось ни капли злобы на буровиков, будто смыло все чистыми струями Сагындыка. И даже бунт из-за Сабирзяна, его сына и электрического света в их доме показался недостойным внимания пустяком.

На обратном пути он решил зайти к Фариде. Вот уже сколько месяцев Галлям заглядывается на Фариду, сноху Утки-Давлетбая. Муж погиб, женщина одна с ребенком. Красивая, трудолюбивая. Только очень уж молодая. Слишком. Если сделать ей предложение, не станет ли она смеяться: дескать, чего тебе от меня падо, дед? Говорят, что с мужчинами она держит себя строго. Не проводит ли Галляма кочергой? Ну ладно, что будет, то будет, а попытаться нужно. Не следует ходить холостяком, когда тебе едва минуло пятьдесят, несолидно. Да и тоскливо одному. Скажу, что на днях сын уезжает в армию, а дом большой, просторный, давай жить вместе... Нет, так не пойдет: «Давай жить вместе». Только в общежитии вместе живут. Надо сказать: «Будь моей женой, Фарида, дочку я обижать не буду, выращу, как свою собственную...» Вот как нужно сказать.

Галлям медленно повернул к переулку и направился в его конец, к речке.

Вдруг он увидел в окне Фарида электрический свет и остановился.

— Что это? Неужели и в такой конуре буровики остановились?

На цыпочках подошел к окну. С одной стороны была неплотно задернута занавеска, и он увидел сияющее улыбкой лицо Фарида. Она сидела за столом и пила чай. С кем это она пьет чай и кому улыбается?

Но как Галлям ни старался, кроме покрасневшегося лица Фарида, он ничего не увидел. «С чего же это баба так цветет? Почему растянула рот до ушей?»

Осторожно ступая, будто вор, Галлям приблизился к воротам. Сердце его не выдержало, начало громко и гулко стучать. Ты смотри-ка, проклятое, бесится, словно горячий скакун!.. Сердце Галляма напомнило ему молодые годы, когда вот так же украдкой следил он за своей Минлебикой. Смотри, и спустя двадцать пять лет сердце так бьется! Нет, оказывается, Галлям еще не постарел...

Второе окно со двора не было занавешено. Тут же в глаза бросилась голова в тюбетейке. Да, знакомая голова-тыква качается над столом. Где он ее видел? Стоп, это же тот самый агитатор, который переманил на буровую Камиля! А может, не в Камиле дело? Конечно, он и тогда приходил к Фариде...

Галлям потерянно остановился у ворот. Вдребезги разбились все его надежды. Еле волоча ноги, пошел обратно по переулку.

— Так мне и надо, если раньше не решился...

Ну, почуял ты свою старость, Галлям?

28

«Что нам стоит дом построить!» Есть в народе такое шутливое присловье, но в нем и правда, и серьезность сквозят. Мутгарай с легким сердцем и светлой думкой приступил к делу. В первый же день положил нижние венцы, но чем выше сруб поднимался, тем труднее стало. Был бы рядом пусть не плотник, а хотя б помощник — конец бревна придержать. Вот глупый, взялся один поднять весь сруб! Пуп надорвешь. Да и тяжело вообще-то после вахты тесать. Но сделать надо, если начал, надо... Останавливались прохожие и удивлялись: «Фарида наняла плотника, но работа у него идет очень

медленно. Неужели не могла найти настоящего мастера?» Мутгарай слышал эти слова и только крепче сжимал в руках топор.

О том, что Мутгарай увлекся срубом, первым из буровиков узнал Сапарбай. Когда Кадермат по своим делам уехал в райцентр, мастер послал Сапарбая за Мутгараем, чтобы тот отстоял внеочередную вахту.

— Ай, ай, люди не теряют времени даром! — с удивлением уставился Сапарбай на Мутгарая, у которого в руках топор так и играл. — Какую юрту он прилаживает, гой!

— Да вот вожусь в свободное время. Иначе как день проведешь?

— Известно, ты без дела жить не можешь. А как в смысле оплаты, сколько отвалят?

Мутгарай тюкнул топором в бревно.

— Ты, братец Сапарбай, не меряй всех на свой аршин! — И снова взялся тесать.

Сапарбай передал поручение мастера и ушел. Слова Мутгарая обидели его, он ведь уже давно бросил копить на калым, и об этом Мутгарай знает.

Мутгарай плотничал на верху сруба, уже поднявшегося над дверным проемом. Увидев Фархутдина, он согнулся, будто ему в живот шило сунули. «Очередной анекдот ищет, — подумал он. — Вот придет на буровую и разукрасит. Смотри, и ведь еще прикидывается серьезным человеком, расспрашивает: «Как ты решился один взяться за такое большое дело? Да, да, понимаю, трудно тебе без работы. Да, трудно, трудно настоящему крестьянину без дела!» А у самого — глаза! Будто сытый кот наблюдает за Фаридой, которая собирает щепки». Когда Фарида ушла в дом, язык Фархутдина вырвался на волю:

— Да, у солдатки губы сладки, у вдовы — медовы!.. Говорят, что хозяйка-то вдовушка, Мутгарай, правда это? Да, при наличии такой женщины — что нам стоит дом построить? Конечно, знающему дело человеку... Глядишь, и не даром будешь трудиться.

Типун на язык этому Фархутдину! Спорить с ним бесполезно, все одно будет молоть свое. Поэтому Мутгарай молча продолжал рубить угол.

Тревожные предположения Мутгарая не были напрасными.

— Братцы, хотите знать новость? — крикнул Фархут-

дин, как только появился на буровой. — Наш Мутгарай стал примаком!

— Серьезно?

— Он сам сказал?

— Ну, если у вас есть голова, подумайте! Хозяйка молодая, плотненькая. Это одно. Во-вторых, вдова. В-третьих, двоим в такой маленькой халупе отдельно не поместиться. В-четвертых, почему Мутгарай, лишая себя сна и отдыха после работы на буровой, строит ей дом? В-пятых...

— Не болтай! Мутгарай не впервые вкалывает за голую благодарность!

— Голову даю на отсечение, Мутгарай останется в этом селе примаком! Только есть одно «но». У нас говорят: «Лучше сунуть голову в огонь, чем пойти в примаки...»

Фарида же, приходя домой после работы и видя, что сруб поднялся опять на один-два венца, радовалась безмерно, но и упрекала Мутгарая:

— Разве можно столько мучиться? Брось! Брось! Идем в дом. Уж проголодался, видно, перышко мое! Положи топор, хватит на сегодня, перышко!..

Хотя Мутгарай сильно устает и на буровой, конечно, терпит теперь много всякого, ему нравится, как Фарида ходит вокруг него, как называет его «перышко», как робко трогает рукой, будто бы для того, чтоб Мутгарай отвлекся от своих мыслей. Руки у Фарида мягкие, ласковые.

В доме Фарида усаживает на кровать дочку, которую забирает по пути с работы у свекрови, и торопливо начинает готовить чай. Фатыма уже не плачет, как в первый раз. Своими большими серыми, как у матери, глазами неотрывно смотрит на красного мордастого дядю. А чего плакать? Два дня назад дядя Мутгарай принес ей из магазина желтогрудого воробья с синим хвостом. Стоит повернуть ключик, как он начинает чирикать. А перед этим он подарил зайца с глазами-пуговицами и утку, которая, если нажмешь ей на живот, смешно крикает. Сегодня у него оба кармана полны конфет в красных и синих бумажках. Он сыплет их Фатыме горстями, сыплет и на стол, чтобы ела мама. Чего плакать Фатыме, она уже большая девочка, умная.

И сама Фарида совсем, можно сказать, привыкла к

Мутгараю. Раньше, когда садились за стол, у Фарида вроде апшетит отбивало. Вечером стеснялась раздеваться и долго спала за занавеской одетой. По утрам умывалась и причесывалась тоже украдкой от Мутгарая.

Теперь уже другое. Держится Фарида дома свободно, без опаски ходит босая и простоволосая, смело разговаривает, удивляется: «Стоит, оказывается, только немного привыкнуть, и чужой мужчина, тьфу, тьфу, становится близким душе...»

В последние дни Фарида стала ходить живо и легко, будто невестой летала. Мутгарай объяснил это строительством дома. Но Фарида от счастья просто не знала, куда себя девать. И если раньше она чуть отодвигалась за столом, то сейчас совсем рядом с Мутгараем, все самое вкусное подставляет ему, уговаривает съесть и делает это от всей души. Когда она тянется к самовару, то ненароком ее полный локоть с ямочкой касается Мутгарая, и ему хорошо.

Сегодня настроение Фарида было особенно приподнятым. Вроде увлеченно что-то жарит-парит у плиты, вроде обращается к дочке, занятой своими игрушками, а сама разговаривает с Мутгараем:

— Вот уж такие мы с тобой, дочка! Строимся, а мастер до сих пор еще и не ел. Бессовестные мы с тобой хозяева, прямо бессердечные хозяева! Но, бог даст, и мы постараемся, не останемся в долгу перед хорошим дядей, правда, дочка? Мы вообще-то не такие уж плохие хозяйки, дочка...

Когда на столе были расставлены разнообразные кушанья, Фарида неожиданно достала бутылку водки.

— Зачем это, Фарида?

— Говори, что хочешь, Мутгарай, но без этого нельзя.

— Напрасно, — Мутгарай, кажется, был недоволен и даже обижен. Увидев это, Фарида повернула разговор в шутливое русло:

— Старинный обычай, Мутгарай. Чтобы дом долго стоял, всегда мастера угощали.

— Если станешь так угощать, — успокоенно засмеялся Мутгарай, — я буду его строить десять лет!

— Не будешь ты тут жить десять лет. — Фарида вздохнула. — Говоришь, добираетесь до нефти?

Мутгарай не ответил. Да, разведчики добираются до нефти. Видимо, здесь будет последняя буровая Мутгарая.

Он бросит разведку. Поедет в другое место, перейдет на более интересную работу. Или вернется на свой комбайн. Или на стройку. Только вот остается недоделанный сруб, как его бросить? Если б нефть немного задержалась, он бы поставил Фариде дом...

— Наливай и выпей, Мутгарай, — сказала Фарида, увидев, что он задумался.

— Тогда вдвоем, да?

— Я ведь никогда не пила, перышко.

— Не пила, так попробуй. Если хочешь, чтобы скорее тебе поставили дом, выпей стакан до дна...

Мутгарай разлил бутылку на два тонких стакана.

— Дай нам бог новоселье!

Мутгарай опрокинул стакан, торопливо потянулся к закуске, а Фарида, будто проглотив огонь, побежала за водой.

— Ох, ох, умираю!..

Вскоре Фарида сделалась разговорчивой:

— Вот ты, Мутгарай, мое перышко, говоришь — дом. А подумай сам: если в жизни нет счастья и надежды на будущее, зачем нужен мне дом? Какой для меня интерес и какая радость? Если хочешь знать, Мутгарай, я бы его давным-давно построила. На это у меня и средства найдутся. Я и согласилась-то только потому, что ты просил: дескать, руки чешутся. Пусть себе, думаю, почешет... Ладно тогда, раз желание есть, сил достаточно и дело знаешь, поработай в охотку, а надоест — бросишь. Пусть стоит сруб, пусть сохнет. Ты уедешь, а он останется мне памятью о тебе...

Видимо, у Фарида много накопилось в душе, и вот она погрустнела, облокотилась на стол, уставилась в темное окно и не спеша говорит и говорит.

— Мне что? Вот дочку свою, — она посмотрела на кроватку, где в обнимку с игрушками уже спала Фатыма, — выращу в этой халупе, и она улетит. А дальше что? Потом запрусь здесь одна и буду до смерти жить и грустить. Такова судьба одинокой женщины, перышко...

— Ты не поддавайся судьбе, Фарида.

— А чего не поддаваться, милый мой. Она уже написана на лбу. Счастливый человек с молодых лет не остается без мужа с ребенком!..

Фарида вдруг опустила голову на стол и заплакала тихо, потаенно, будто она одна, наедине со своим горем,

Мутгарай растерялся, не знал что и делать, встал с места, шагнул к двери, к окну. Он очень пожалел, что дал хозяйке водки. «Вот ведь, а? И зачем я ее уговаривал выпить... Хорошо хоть ребенок уснул. Что бы я делал, если б еще и девочка заплакала?»

Вскоре Фарида успокоилась, несколько раз всхлипнула и уснула за столом, подложив руки под голову.

До этого Мутгарая не приходилось видеть пьяных женщин. Только плохие слова о них слышал сколько угодно. И вот сейчас рядом с ним спит, как младенец, пьяная женщина. Однако Мутгарай не видит в ее поведении ничего дурного. Напротив, ее жалобы на свою судьбу, искренний плач вызвали у Мутгарая сочувствие. А что уснула, так это понятно: наработаешься на ферме — стоя уснешь.

Мутгарай попытался разбудить Фариду, но она даже не шелохнулась.

— Что же теперь делать? — растерянно оглядел избенку Мутгарай. — Да просто положу ее на кровать и пускай себе спит...

Утром они проснулись одновременно. Фарида охала и тяжело вздыхала за занавеской. Поднялась, но долго возилась, убирая постель и взбивая подушки. Она стеснялась показаться Мутгарая.

К тому времени Мутгарай оделся, взял в руки топор, собрался во двор.

— Голова, что ли, болит? — участливо спросил он, когда уже взялся за дверную ручку.

— Ой, боже, как же я покажусь твоим глазам, Мутгарай! Вот ведь как опозорилась.

— Ничего, в жизни всякое бывает.

— Не должно было быть...

Подошло время вести ребенка, а Фарида все еще не может показаться из-за своей занавески.

— Ой, боже, что же я наделала! И как это ты донес меня до кровати?

— Тебя не донесешь, ты больно тяжелая! — засмеялся Мутгарай. — Просто отвел под руки...

— Боже, боже, вот беда-то!..

Чтобы не стеснять ее, Мутгарай вышел, но Фарида все не успокаивалась. Очень плохо она поступила, что выпила водки. И не Мутгарай подговорил, а сам сатана подтолкнул ее на это дело. Да нет, не сатана, конечно, а

весть о том, что скоро буровики уедут. А Фариде хотелось хотя бы последние дни отблагодарить мастера Мутгарая. Но только ли потому? Да пусть бы сгнил этот сруб! Сам Мутгарай очень хороший человек. Какой там сатана! Старики верно говорят, что в доме, где есть мужчина, черти не живут. Если он уедет, Мутгарай, что же станет делать Фарида? Справится ли она со своим одиночеством и тоской?..

И все же она вчера переборщила. Верно, жена без мужа — что лошадь без узда. Ладно, не так уж велик грех — первый раз в жизни случилось такое, только вот плохо, что Мутгарай уложил ее, по-всякому мог повести себя.

И на работе Фарида все упрекала себя. И неизвестно, чем бы все это кончилось, да пришло горе. Через два дня она принесла дочь пылающей от жара.

— И-и, дочурка моя единственная, цветок души моей, что же с тобой приключилось? — безутешно плакала и причитала Фарида. — Наверно, недосмотрели, ходила босиком и простудилась. У счастливых людей дети растут дома...

Пока Фарида в беспомощности кляла свою судьбу, ругала свекра и свекровь, Мутгарай схватил плащ и побежал за Райсой.

У Райсы в эти дни работы стало невпроворот. С холодными ветрами и дождями добралась до спокойного Язтургая эпидемия гриппа.

Днем Райса принимала больных в медпункте, а по утрам и вечерами бегала по селу, лечила лежачих. Приходилось оказывать помощь и ночью. Вот тогда-то и вспомнила Райса августовские дни, когда она, в ожидании больных, скучала в медпункте.

Зубаиров, называвший до этого всех медиков «белоручками», стал жалеть и понимать жену.

— Слушай, — удивлялся он. — Твоя работа тяжелей, чем на буровой!

— Потерпи уж, Фазыл, потерпи. Не всегда же так будет.

— Я-то потерплю, только ты сама болезнь не схвати. Погубишь тогда нас! Не меня, а буровую! Вся работа может пасмарку пойти.

— В самом деле, дай-ка я тебе сделаю профилактический укол!

Райса стала готовить шприц.

— Что ты! Что ты! — испугался Зубаиров. — Я это-го с детства боюсь!

— Не дрожи, не дрожи! Подними-ка рубашку. Уж я тебе как родственнику — по благу!

Райса со смехом подняла рубашку Фазылу, тот крепко зажмурил глаза.

— Только ты это... Осторожно...

— Эх ты, буровик! — засмеялась Райса. — Даже маленькие дети безропотно терпят, а ты...

— Ну мясники, ну мясники! — ворчал Фазыл, морщась. — Железку прямо в живое тело!..

— Чтобы завтра все твои рабочие пришли на прививку. Сам поплешь.

— Думаешь, мои герои заболеют? Не такой они породы...

— Этот вирус породы не разбирает! Хочешь сберечь буровиков — всех ко мне.

Постучали.

— Начинается! — Зубаиров вздохнул. — Когда же он подохнет, этот проклятый вирус?

Но вместо очередного больного в дом вошел здоровяк Мутгарай.

— Мутгарай? — удивился мастер. — Неужели на буровой...

— Я к Райсе, — сказал Мутгарай тусклым голосом. — У Фарида, моей хозяйки, дочка заболела.

— Температура? — Райса уже одевалась.

— Огнем горит.

Вернувшись домой, Райса сказала мужу:

— Уж больно тесно живет бедняга! Там ни сесть, ни лечь. Неужели не нашли ему более подходящего жилья? Не заботишься ты о людях, Фазыл...

— Ему видней, — сказал Зубаиров и, вспомнив слова Фархутдина, усмехнулся: — Он нас не спрашивал...

Впрочем, верна эта русская пословица — «в тесноте да не в обиде», — думала Райса. Вот у них и квартира отдельная и просторная, а весь день слышно, как ходит и ворчит хозяин, все чем-то недоволен. А хозяйка Мутгарая показала ей очень приветливой и милой...

Впрочем, Райса почувствовала и еще кое-что: Мутгарая и Фариду, несомненно связывает что-то хорошее. Это было заметно и по их общему беспокойству за здоровье ребенка, и в разговоре между собой, и во взглядах.

Фатыма уже выздоровела, когда болезнь свалила и Мутгарая. Он вернулся с ночной вахты в ознобе, с головной болью и не стал даже завтракать, улегся в постель. Озноб вскоре прошел, но теперь у него дыхание стало жарким и прерывистым.

— Если холодно, достань ватное одеяло, — спросонья пробормотала Фарида, думая, что он просто продрог на холодном ветру.

— Жарко... Душно... Если я открою дверь?..

По хриплому голосу парня Фарида поняла, что с ним неладно. Она встала, зажгла свет, подошла к Мутгарая и осторожно дотронулась до его лба.

— И-и, перышко мое, ты же весь горишь! — Фарида заметалась по комнате. — Вот лекарство, осталось от Фатымы. Выпей! Это болезнь тебе передалась от дочери... Ты ведь и не отходил от нее.

Подчиняясь уговорам, Мутгарай проглотил горькую таблетку.

— Ты ляжешь сюда. Нет, нет, и не говори, я не послушаю! Больной человек не должен валяться на полу, не возражай, я тебе говорю. Смотри, какой упрямый. Ну-ка, встань!..

Держа Мутгарая за горячие руки, она повела его к кровати. Удобно уложила, накрыла ватным одеялом, сама села на край койки и еще раз потрогала лоб парня.

— Посиди так, Фарида, не уходи...

Голова прошла, но Мутгарай ни за что не хотел отпустить от себя Фарида. Если бы Фарида сидела рядом и мягкой, прохладной своей рукой касалась его лба, Мутгарай согласился бы долго болеть.

— У Райсы много больных детей, — сказал Мутгарай. — Не вызывай ее.

— Ладно, — согласилась Фарида. — Буду тебя лечить по-своему.

Она принесла из сеней заготовленную во время сенокоса душицу, заварила ее, положила в чайник сушеную малину. Щекоча нос, по избе разошелся запах трав и лугов. Этот запах лета принес Мутгарая облегчение.

— Хорошо, что ты рядом, Фарида, — бормотал он, засыпая. — Что бы я делал один? Сейчас бы в баньку... Вот поставлю тебе дом, эту избушку в баню переделаю...

На другой день к Мутгарая вместе с Райсой пришел и Зубаиров. Они увидели, что болезнь сбила с ног и хозяйку.

По двору и домику ходил Мутгарай, весь пылая от жара, и ухаживал за Фаридой и ребенком. «Славный вообще-то парень! — подумал Зубаиров. — Но такое усердие ему бы на буровой! Поговорить с ним, что ли?» Райса стала осматривать Фариду, а Мутгарай и Зубаиров вышли на двор. Через окошко было видно, что Фазыл внимательно разглядывает сруб — многодневную работу Мутгарая. Был слышен даже их разговор.

— Не собираешься здесь совсем остаться? — спросил Фазыл.

— Останусь. Ты отпусти меня, мастер.

— Чего тебе у нас не хватает? Кто тебя обидел?

— Отпусти, прошу!

— Отпусти, отпусти! Я тебя не принимал, не я и увольняю! Зачем пришел, раз ты думал уходить! На кой черт напрашивался в бригаду? А что я буду делать еще с одной недоукомплектованной вахтой?

Мутгарай молчал, тупо глядя в землю. По дороге домой Райса осторожно взяла Фазыла под руку:

— Ты зря так с ним — он сейчас ведь нездоров... Да к тому же он — человек земли... И ты сам прекрасно видишь, где у него теперь мысли... Не будем мешать ему...

— А что скажут другие, когда он уйдет?!

— Фазыл, будь человеком...

29

«Завтра в Ромашкине состоится республиканский слет молодых нефтяников. К девяти часам утра от вашей буровой должны приехать два делегата, — сказали Зубаирову в конторе. — Одним будешь ты, как молодой мастер, а другого сам выбери. Но чтобы делегат был обязательно комсомольского возраста».

Если бы дело было только в комсомольском возрасте! Кроме сорокапятилетнего Кадермата и тридцатилетнего холостяка Мутгарая, остальные — мелюзга, любого бери. Только вот в момент, когда не сегодня-завтра из скважины может ударить нефть, сорвать человека с буровой, да еще и самому уехать, это уже, если хотите, глупость.

В конторе Зубаиров сильно ругался по этому поводу. Заходил и к секретарю комитета комсомола, и к парторгу, и к директору. Но у них был один аргумент: «Делегаты приезжают не только от тебя. Пошлешь — и никаких!»

Зубаиров в эти дни почти все время проводил на буровой. Бур уже доходит до заветной глубины, и мастер сейчас, как никогда, должен быть начеку.

Зубаирову приходилось в такие моменты наблюдать за Ибрагимом-заде. Перед появлением нефти старый мастер сутками не отходил от скважины. У него пропадал сон и аппетит, он худел, обрастал черной жесткой бородой. «Эти дни для нас — все равно что преддровые часы для молодой матери, — сказал однажды он. — Боишься, надеешься, втайне радуешься и ждешь не дождешься»...

Эти слова Ибрагима-заде показались довольно странными молодому студенту-практиканту, который не только не понимал переживаний молодой матери, но еще не умел разбираться и в собственных чувствах. Надо как-нибудь спросить у Райсы, что она испытывала, когда ждала Лялю...

Приехав на буровую, Зубаиров направился к Валентину и громко спросил, стараясь перекрычать гул моторов:

— Ну как, Тин-Тиныч?

— Пока ничего.

Валентин медленно отпускает тормозной рычаг, сообщая давление подземному буру. В последний час бур пронзил твердый слой доломита и вошел в продуктивный пласт — мягкий песчаник. Зубаиров потоптался немного рядом с Валентином, стараясь справиться с волнением, потом подошел к желобу, взял в горсть вымытую водой горную породу, понюхал. Да, из глубины идет пропитанный нефтью песчаник! Если не сегодня, так завтра ударит фонтан. Разве можно в такое время оставить буровую?

Не сказав бурувикам ни слова о слете, Зубаиров ушел в будку. Снова по телефону убедительно попросил обойтись без них: такое положение, запах нефти прямо бьет в нос, хоть меня-то оставьте на буровой. Директор и слышать не хотел: «Ты у нас единственный молодой мастер, причем передовой. Ничего, приедешь. Оставь за себя Имамутдинова. С собой захвати одного хорошего парня. Все, договорились!»

Бурувики весть о слете встретили молча, только Фархутдин обрадовался:

— Едем! Когда? Кто? Что надевать?

Зубаиров рассердился:

— Слушай, слет это тебе не пляски на лугу! Нужно

обменяться опытом, выступить с трибуны, рассказать о хорошем и плохом в бригаде. Слет — это, если хотите знать, съезд нефтяников. Туда кого угодно не пошлют!

— Тогда страшно! — сказал Фархутдин. — А я-то думал, они соберут всех нас и угостят. Девчонки будут, делегатки. Это однажды во время службы...

— Да брось ты свою службу! — перебил его мастер. — Лучше скажи: из бригады на слет уезжают два человека. Сумеем справиться без них?

— И-и, милый мой мастер! — сказал Фархутдин. — В армии был у нас один ефрейтор. Как же его звали, черт бы его побрал? Да, да, Потапенко. Ну вот, стали его демобилизовывать. Загоревал, бедняга! Ахает-охаёт: вот я, мол, уезжаю, а что же вы будете без меня делать? Не станет, говорит, в армии дисциплины. Ну чуть не плачет! Мы стоим кругом и поддакиваем: да, без тебя армия распадется, это как пить дать...

— Что ты этим хочешь сказать? — насторожился мастер.

— Да кто ж теперь-то остановит бур, мастер наш милый! Выбросьте из люльки верхового — из-за этого буровая не остановится! Оттяните Тин-Тиныча от тормозного рычага — буровая будет работать с ревом! Если всех нас не будет, милый мастер, тут же найдутся другие, да еще лучшие, чем мы с тобой!.. Нефть! Нефтью запахло!

— Фу ты, болтун несусветный! — сплюнул Зубаиров, хотя и понимал, что в словах Фархутдина была правда. — Дело не в нас с тобой, понимаешь? Что будем делать, если вдруг ударит нефть?

— А ты не психуй! Лишь бы она ударила — мы знаем, что делать!

— Ну тогда вот что: одним из делегатов приказано ехать мне. За меня останется Кадермат. Решайте сами, кого пошлем вторым.

Шмыгая замерзшим носом, вперед протиснулся Сапарбай.

— Лучше Фархутдина не найдем, юлдаши. Язык на литочке подвешен, пусть поболтает с трибуны в свое удовольствие.

— Верно! — поддержали его предложение буровики, которым не очень-то хотелось, правду говоря, уезжать от нефти. — Пусть поедет, он может сказать за всех нас!

Фархутдин тут же отступил, сложил на груди руки, в пояс поклонился:

— Спасибо за доверие, друзья! Но вы же меня знаете, милые, у меня хотя и будет мельница крутиться, но муки-то не дождешься. Как бы вместо ура в зале не заорали караул! Но больше всего я опасаясь их рассмешить — тогда весь слет насмарку, а мастеру за меня отвечай! По-моему, нужно послать Тин-Тиныча. Он правильный, рассудительный, к тому же русским языком свободно владеет...

— Тин-Тиныч так Тин-Тиныч! — согласились разведчики. — Пусть.

Валентин отбивался руками и ногами:

— Не выйдет, братцы! Я не могу оставить вахту! Нефть же, нефть-голубушка меня ждет!

— Ничего, ничего, поезжай.

— Да и не люблю я такие собрания! Сроду не выступал с трибун!

На него насели со всех сторон, уговаривали. Фархутдин мефистофельски оскалился:

— Нефть-голубушка от тебя никуда не уйдет, а голубушку Валю ты на слете можешь встретить. У меня... эта, как ее?.. Интуиция! А верней сказать — нюх!

Когда Зубаиров с Валентином прибыли на слет, до начала оставалось еще порядочно времени. Однако просторный, только что отстроенный клуб буровой конторы был полон народа.

У дверей стояли контролеры с красными повязками на рукавах. Зубаирова знали, не стали даже спрашивать приглашенного, а когда остановили Валентина, мастер сказал: «Мой парень». И Тин-Тиныча тоже пропустили.

В фойе шла регистрация. Валентин узнал, что на слет, кроме нефтяников Татарии, приглашено много людей из других дальних и близких мест. Среди них были загорелые, усатые посланцы Баку и Северного Кавказа, черные, как чугун, нефтяники Туркмении. Знакомясь и узнавая друг друга, по фойе ходили в орденах представители Башкирии и Куйбышевской области, нефтяники Перми и даже далекого Сахалина. Зубаиров метался по залу, расспрашивал, нет ли среди гостей Ибрагима-заде, и очень огорчался, когда узнал, что старый мастер недавно вышел на пенсию и уехал на родину в Баку. Азербайджанцы сказали, будто Ибрагим-заде появляется иногда на буровых в

неизменных своих брюках галифе, сапогах и с орденом на груди...

А в клуб все прибывали и прибывали люди — в шляпах, кепках, тубетейках и кубанках. В фойе становилось тесно, шумно, весело.

Как-то само собой возникли танцы.

Валентин с удовольствием наблюдал, как худошавый азербайджанский парень кружит татарочку. Потом вышла светловолосая россиянка и своими лихими притопами выманила в круг дагестанца с пламенными глазами. А вот уже башкиры дают дрозда, здорово пляшут — ноги почти не касаются земли! Если бы пригласили, Валентин тоже был бы не прочь отбить настоящую морскую чечетку, но в это время прозвучал звонок.

Валентин внимательно прослушал доклад. Да, у их нефти большое будущее. Татария по добыче уже наступает на пятки старому Баку, в ближайшие годы догонит и перегонит его. «Только зачем нам быть «вторым» или «третьим» Баку? — с гордостью думает Валентин. — Мы сами с усами нефтяники!»

Бывалые люди, которые когда-то приехали на здешнюю нефть из Баку, Башкирии и Грозного, чтобы научить татарских парней новому делу, рассказывают о начале его. Площади не были освоены, имелся единственный промысел, нефтепроводы только проектировались. Вспоминают, как они ходили по ямам и колдобинам, перепрыгивали через грязные канавы. Теперь ромашкинский край неузнаваемо изменился — вырос современный асфальтированный город.

Слово предоставили Зубаирову. Он поднялся на трибуну, пригладил рыжие волосы и заговорил:

— Удивляюсь я себе и моим товарищам-нефтяникам! Мы вот уже выполнили годовой план добычи нефти, а говорим об этом как о будничном явлении. Даже не аплодируем. Но если задуматься — впервые проникнуть в девонские пласты! Это же исключительно волнующее событие. И в нашем отношении к нему сквозит спокойное достоинство рабочих, трудолюбивых и скромных, приблизивших это великое событие...

Зал зааплодировал Зубаирову.

— В зале сидит один мой молодой бурильщик, — продолжал Зубаиров и указал на Тин-Тиныча. Все стали оглядываться, желая посмотреть на Валентина, который

густо покраснел и часто заморгал. — Вам по газетам знакома его фамилия. Известны всем и его рабочие, их называют «вахтой Тин-Тиныча». Это обыкновенные, но и не обыкновенные люди! Проработав с ними несколько лет, я понял, что они сами из такой твердой породы, что горные породы любой твердости не в состоянии противостоять им!

«Наш Зубаиров-то с понятием!» — подумал Валентин и захолопал вместе со всеми. Потом на трибуне появилась одна девушка. Ее фамилии и профессии не расслышали ни Зубаиров, ни Валентин. Девушка звонким голосом начала рассказывать о жизни геологов, об их последних нефтяных находках. Валентин посмотрел на Зубаирова, Зубаиров на Валентина: «Да это же Валя! Это она!» — Тин-Тиныча затрясло. Она! Точно, Валя из журнала! Не чудо ли?!

— Она? — прошептал Зубаиров, толкнув парня.

— Она! — закричал Валентин и вскочил с места. — Валя! Валя! — Девушка запнулась на полуслове.

— Зарезал, ну, зарезал меня! — простонал Зубаиров, не зная, куда деть себя от стыда.

Зал загудел, растерялись члены президиума, председатель слета, торопливо надевая очки, схватился за медный колокольчик. До того недвижимо стоявшие у дверей два милиционера побежали по узкому проходу к сцене. А Валентин тормозил на трибуне растерянную девушку:

— Валя, я нашел тебя, все-таки я нашел тебя!

30

И вот они оба шагают по ровной дороге. Еще не придя до конца в себя, Валя наконец спрашивает:

— Постой-ка, Валентин, куда это ты меня ведешь?

— Идем, Валя, идем в нашу сторону!..

— А куда это — «в вашу сторону»?

— Известно куда — в Язтургай!

— Так это же далеко!

— Хочешь, на руках понесу?

Он рывком поднимает Валю и начинает кружить.

— Не дури, Валентин! Вон ты какой, оказывается!

— Какой?

— Да такой вот, — Валя звонко смеется.

— И ты вот какая, оказывается. Знаешь, я ведь до

сего дня был уверен, что у тебя серые глаза! Ей-богу! А ты же голубоглазая!

— А я, по твоей фотокарточке, представляла тебя букой.

— А как старался мой знакомый фотограф, как пытался меня рассмешить!

И Тип-Тиный начал читать нараспев:

Не думай, что я бука,
Не думай, что я жалкий,
Люблю я жить без скуки,
Люблю, чтоб сердцу жарко!

— Все это, конечно, хорошо, но нам надо серьезно поговорить.

— Нам не нужно быть серьезными... — начал было нараспев Валентин, но, не найдя продолжения, запнулся и повторил: — Нам не нужно быть серьезными...

— Верно, — заметила Валя. — Иногда хочется и повеселиться. А как? Где? С кем? Ведь жизнь геологов всегда проходит в пути, в стороне от большой жизни, на безлюдье.

— У нас тоже так, но если б ты знала, какой в нашей бригаде ансамбль! Послушала бы ты игру Саакяна на гитаре, пение Кубрака! И баянист есть, и краснобай, почище иного конферансье.

— И все равно трудно разведчикам, знаю.

— Да, конечно. У меня, например, сейчас главная трудность — теленок.

— Какой теленок? — засмеялась Валя.

— Обыкновенный, в квартире. Поторопишься, на виду одежду оставишь — вмиг сжуёт.

Они и не заметили, как прошли довольно изрядный кусок пути. Валя стала смотреть под ноги.

— Устала я, Валентин.

— Эх ты, а еще геолог! Настоящий геолог должен проходить за день сто километров!

— На таких вот каблуках?

— Сверху земля видней!

— Вообще-то мы мало ходим, знаешь? Больше смотрим на землю из машины.

— Чем же вы занимаетесь?

— Мы? Исследуем антиклинальное, моноклинальное и синклинальное строение земной коры,

— А с чем едят эти клиналы?

Эта простота и непосредственность парня все больше по душе Вале. Если бы не туфли, она бы с удовольствием вот так еще долго бы шла, но туфли! Она сняла их и топала своими маленькими белыми ножками по осенней дороге.

— Нельзя так, Валя, простынешь, — сказал Тин-Тинич. — Давай лучше сядем, подождем машину.

Они уселись под сулоном соломы недалеко от дороги. День был солнечным, тихим, но все же прохладным. Середина октября, бабье лето. На пашне видны слабенские всходы озимой ржи. Вдали, на горизонте, совсем пожелтевший лес.

Валентин накинул плащ на плечи девушки и, глядя на золотой окоем леса, стал экспромтом читать стихи об осени и о девушке, идущей сквозь желтый лес.

— Ты как ашуг или акын: смотришь в степь — поешь о степи, глядишь на гору — о горе! — засмеялась Валя.

Я не ашуг и не акын,
А я просто Валентин.
Посмотрите на картину —
Валентин и Валентина!

Тин-тинич, будто позируя, обнял Валу за плечи, и она не отодвинулась, а наоборот — зябко вздрогнув, подалась к его большому горячему телу.

— Я много стихов сложил и о тебе, Валя, — сказал Тин-Тинич.

— Обо мне?

— Да. Не было дня, чтобы я не думал о тебе, — сказал Валентин так просто, что ему нельзя было не поверить.

Вале было приятно сидеть совсем близко с этим полузнакомым славным парнем. И она еще никогда не слышала в свой адрес таких искренних и простых слов. Она не стала рассказывать Валентину о том, что есть человек, который давно помогает ей. Начальник геологической партии, их шеф. Старый, опытный геолог, но вообще-то подонок. Поначалу он старался быть добреньким, давал Вале только легкие поручения. А теперь вот мстит, валит на нее самую неблагоприятную работу, которая девушке иногда и не под силу. А потом даже настроил наверх рапорт: «не соответствует, безответственна» и так далее. Но

ее исполнительность и точность в исследованиях уже знали, рапорт бросили в корзину и даже направили девушку на слет. Здорово! Иначе как бы Валя встретилась с этим мечтательным парнем.

Валентин стесняется близости Вали. У него даже уши запылали огнем. А девушка положила голову ему на плечо и щекочет шею своими завитушками. Но, почувствовав, что парень пытается отодвинуться, она вспыхнула. «Видно, такой и бывает заочная любовь — у него на уме только стихи... И совсем не интересуют мои чувства, мои мысли. Нет, дружок, тебе еще нужно время, чтобы понять меня...»

— Пора трогаться, — строго сказала Валя.

— Да, да, опаздываем, Валя. Дорога дальняя.

— Ты что, и в самом деле подумал, что я поеду на вашу буровую?

— А почему не поехать? Ведь самое большое осталось пятьдесят километров!..

— Знаешь что, Валентин, — спокойно и серьезно заговорила Валя. — Я ведь вообще не верю внезапным вспышкам чувств. А о заочных знакомствах и говорить не приходится...

Тин-Тиныч огорошенно смотрел на Валию. Нет, она не шутила.

— И письма я писала тебе больше от жалости, от желания хоть в какой-то мере облегчить тяжелую службу моряка... Так уж не обижайся, Валентин!

— Значит, все было обманом? — испуганно спросил Тин-Тиныч. — Или просто я не понравился тебе, так и скажи.

Валя замедлила шаги, глядела в сторону. «Он все-таки очень славный! Лицо живое и мужественное. Глаза правдивые, чистые, смотрят прямо».

— Влюбленные заочно, по-моему, просто еще дети, — заговорила она, будто со стороны слыша свой голос. — В мечтах они возносят свою любовь, превращают ее в божество, а при встрече... — Голос Вали стал слегка дрожать. — А при встрече парень видит обыкновенную девушку, которая и своей внешностью и характером весьма далека от идеала...

Валя сделала шаг в сторону и протянула Валентину руку.

— Прощай, Валентин, я опаздываю...

Валентин остолбенел, будто его ноги приросли к земле.

- Что ты делаешь, Валя? Разве мы не решили?..
 - Хочешь — пиши. Теперь и адрес знаешь...
 - Сколько можно жить письмами, Валя?
 - Так лучше. Прощай...
- Она резко повернулась и побежала по дороге.

31

Зубаиров догнал Тин-Тиныча по пути в Язтургай.

— Почему ты обидел Валю? — Это были его первые слова, когда он остановил машину и вышел из кабины. Действительно, Зубаирова очень удивило, что девушка с заплаканными глазами одна шла по язтургайской дороге. Остановил машину, спросил: «Где Тин-Тиныч?». Девушка молчала. «Что у вас стряслось?» Девушка не отвечала, потупясь, наконец крикнула: «Спросите у него!» — и, рыдая, побежала дальше.

— Что же случилось, Тин-Тиныч?

Валентин и сам не знал, как все объяснить.

— Видимо, я не понравился...

— Если так, то зачем бы она стала плакать? Глупый, ты обидел ее! Брякнул что-то несуразное!..

— Да нет же, говорю, нет! Ну вот что — хватит! Если повезешь — вези, а нет — на своих потопаю!

— Садись, герой! — мастер затолкал его в кабину рядом с собой.

Зубаиров всю дорогу пилил Тин-Тиныча, а тот мрачно отмалчивался.

— Тин-Тиныч наш, оказывается, совершенно безмозглый парень, окончательно распухнул! — заявил Зубаиров на буровой и рассказал, как Тин-Тиныч на слете увидел свою Валю и чем все это кончилось.

К счастью, Валентин отсиживался на квартире и не слышал нелестных слов в свой адрес. И неизвестно еще, что б он услышал, окажись в этот момент здесь. Не зная, куда себя деть, Валентин взялся вывозить навоз на огород хозяина квартиры. Навоз этот в хлеве старика накапливался много лет, слежался в тяжелые пласты, хоть ломом ковырай.

После вахты Фархутдин, взяв с собой Назипа с Сапарбаем, отправился к Тин-Тинычу.

— Валентдин Валентдинович работает, — встретил их

дед, хозяин квартиры. — Я говорю: не нужно, пусть этот навоз гниет там, да он не послушался. Что же делать, наверно, руки у него просят работы... Уж больно трудолюбивый сегодня ваш Валентдин Валентдинович, я говорю...

— Да, он трудолюбивый! — поддержал старика Фархутдин. — Даже очень. Как Геракл. Только лопоухий...

Все трое пошли к хлеву.

Тин-Тиныч хватал огромные навильники навоза и, сопя, кидал их через плетень в огород.

— Хоть бы слово вымолвил, Тин-Тиныч, — покачал головой Фархутдин. — Почему не рассказываешь о встрече с Валею.

— Ну и встретился, — Валентин не прервал работы. — Ну и что?

— Как это? — набросились парни на беднягу Валентина. — Мы тебе друзья или враги? Столько слышать от тебя про Валею да не узнать, что стряслось у вас?

Давая понять, что он не шутит, Фархутдин приблизился к Валентину и положил руки на черенок вил.

— Тогда скажи правду: прогнал Валею или она сама ушла?

Валентин опустил голову.

— Да, была Валя...

— Ты говори, говори! — пристал Фархутдин. — Прогнал или сама ушла?

— Ну сама же, сама! — Валентин отшвырнул вилы. — А вы что, прокуроры, что ли, допрашивать меня?

Вспомнив свои переживания, Сапарбай от души пожалел Тин-Тиныча.

— Ладно, Фархутдин, не приставай к человеку. Значит, не понравился он девушке.

— Как это девушка может оттолкнуть парня? Пустые слова! Ты, наверно, вместо настоящего разговора читал ей свои стихи? Так, Тин-Тиныч? Ну скажи, так было? Ты надоел ей своей блажью, и она сбежала!..

— Может быть, — пожал плечами Валентин.

— Дурак ты, Тин-Тиныч! С девушками нужен душевный разговор, а ты, наверно, все про флот да про буровую. Давай одевайся, привезем твою Валею!

— Не надо...

— То есть как это не надо? Ты понимаешь, что это такое, когда девушка бросает парня? Это, друг мой, Тин-Тиныч, если хочешь знать, позор не только для тебя, но и

для всего нашего мужского сословия! Это пятно не только на коллектив буровой, но и на всех разведчиков нефти в СССР!

— Ты уж лишнее... Знай меру!

— А ты-то знаешь меру, лопоухий Геракл? Давай вот садись, закуривай и слушай...

Фархутдин надвинул кепку на одно ухо.

— Слушай! Мы только что приехали в часть. Каждый день «ать-два!», «ать-два!» — гражданскую развалочку из нас вышибают и никуда не пускают. В выходные дни чистим пуговицы на гимнастерках и грустим в казарме. С нами вместе живут старые солдаты, ждут демобилизации. Им что — они фронтовики, им сам черт не брат. На гимнастерках полно орденов и медалей, даже к самому старшему обращаются на «ты». Хотят — спать заваливаются, хотят — берут увольнение и уходят в город. А потом давай травить, как они там с девушками гуляли. А мы облизываемся от зависти.

И вот выдали нам деньги. Солдатскую зарплату. По красной тридцатке! Радует — оказывается, не совсем за даром мы вскакиваем по ночной тревоге, ползем по-пластунски. И я радуюсь со всеми. Думаю — одежда мне не нужна, питание терпимое, может, отослать мне эти деньги старухе-матери? Только было подумал так, получил у кассы деньги и — хлоп! Кто-то сзади положил мне на плечо тяжелую руку. Гляжу — фронтовик из нашей роты.

«Гони сюда деньги, салага!» — говорит. Отдал. Положил себе в карман и спрашивает: «Девушек когда-нибудь целовал?» Молчу. Потом он за руку повел меня к старшине и говорит: «Выпиши этому салаге увольнение, а то он еще девушек не целовал». Ей-богу, откуда он узнал, что я не только не целовался, но еще взглянуть на девушку как следует не умел. Ну, взял он мою увольнительную записку и скомандовал: «За мной, шагом марш!»

Пошел я следом. Идем. Нас даже и патрули не останавливают. «Этот со мной», — только и говорит фронтовик. Хожу за ним, как теленок за выменем. Зашел он в магазин и на мои деньги купил вина. Зашел в другой — взял сала, сою в консерве, крабов этих банку, и все на мою тридцатку!

Идем дальше. «Где же он хочет лишить меня моей бедной головы?» — думаю я, шагая за ним следом. Наконец выбрались на окраину города. Зашли в один из барачков.

И вот фронтовик безо всякого разрешения открывает двери ударом ноги. В маленькой комнате сидят две девушки. «Вот, красавица, привел я тебе парня! — говорит он одной из них. — Не парень, а кровь с молоком!» Пока бывалый солдат расставлял на столе вино и закуску, девушки с двух сторон разом стянули с меня шинель. Одна старшая, на лицо так ничего, красивая. Другая помоложе, но сплошь конопатая. «Боже мой, думаю, если и вправду поцелует, а эти конопатины ко мне на лицо перейдут?» А конопатая так и льнет ко мне, так и льнет! Я все дальше и дальше отодвигаюсь, табуреткой загораживаюсь, а она липнет, и все тут! Гляжу я на нее и думаю: не лицо — воробьиное яйцо! Даже репей к такой не пристанет!

А старый солдат мне под столом кулак показывает: не теряйся, дескать! «Господи, думаю, за какие же грехи этот фронтовичок мстит мне? Что же я сделал ему плохого? Лучше б мне наряд вне очереди, с удовольствием поменял бы это знакомство на мытье полов в казарме. Да что там полы! Я б даже на гауптвахту согласился...»

Начал я строить всякие планы, как бы отсюда улизнуть, но тут преподносят вино. Правду скажу, до этого я ни разу не брал в рот такой горькой и вонючей гадости. «Не подкачай, салага!» — шепчет старый солдат и опять кулак показывает, а девушки чирикают: если, мол, не выпьешь, за воротник нальем. Ну, прочитал я дедову молитву и опрокинул стакан в рот.

Кто может утверждать после этого, что вино не все-сильно! Смотрю — передо мной мир стал светлее, а сам я тоже вроде фронтового героя. И даже девушка с лицом, похожим на воробьиное яйцо, вдруг похорошела. Ей-богу! Глазки — лучики, голос как у соловья, и фигура ничего... Словом, обнял ее за талию, и в этот момент старый солдат куда-то смылся со своей девушкой.

Тут Фархутдин сделал долгую паузу. Он внимательно с прищуром глядел вдаль, будто весь ушел в свои воспоминания, пока Назип не протянул ему пачку папирос.

— Ну? Что дальше-то?

Фархутдин, все так же рассматривая горизонт, ощупкой взял папиросу, задумчиво размял ее в пальцах, прикурил.

— Да... И тут, ребята, я начал трезветь. Смотрю на себя и замечаю, что говорю с девушкой уже о воинском уставе... Гляжу на часы — пора в часть, Соврал, что у

меня вроде живот болит, вышел из барака — и бегом без оглядки!

А в казарме бывалый солдат расспрашивает: ну как, мол, ты там, то, другое? «Порядок, говорю, в танковых войсках». — «Молодец! — говорит он. — Настоящий ты парень!»

Но в молодцах я всего лишь неделю походил. Этот солдат на второй выходной опять ушел в город. Возвращается да как заорет на меня: «Ах ты, салага, говорит, ах желторотый, ах, гусиный помет! Опозорил пехоту, запятнал всех солдат и офицерский состав, продал всю армию! Срамота! Вставай, одевайся немедленно и иди искупи свою вину. Если не оправдаешь доверия, не быть тебе солдатом, молокосос!» И тут же вручает мне увольнительную...

Фархутдин смотрит на часы и поднимается.

— Так что, Тин-Тиныч, ронять чести буровой и вообще нефтяных разведчиков мы тебе не позволим. Валю надо добывать!

32

Зубаиров сам себя не узнавал: бур доходит до продуктивного горизонта, хлопот полон рот, а он все занимается личными делами Тин-Тиныча. Его вахта на машине уехала за Валею. Пришлось отпустить — пристали с ножом к горлу. Очередная глупость, конечно, однако все же интересно: сумеют ли они привезти девушку? Времени много прошло, скоро их вахта. Если приехали, их должна была встретить Райса и пригласить Валю к себе. Почему же она не звонит на буровую?

— Как вы думаете? — не выдерживает мастер. — Привезут они ее?

— Вряд ли, — говорит Кадермат между делом. — Где уж нам с Тин-Тинычем? Мы только и умеем, что разговаривать с рычагами...

Уже спускали в скважину инструмент, когда со стороны Язтургая показалась вахта Тин-Тиныча в рабочих спецовках.

— Ребята, вахта идет! — крикнул с вышки Миргазиян.

— А Тин-Тиныч?

— С ними.

— Значит, Валя показала им кукиш!

«Если привезешь девушку, на эту вахту не выйдешь, останешься с Валею, за тебя Сергей Саакян согласился поработать», — сказал мастер Валентину перед отъездом. Тин-Тиныч идет на вахту, значит, дело не выгорело...

Оставив работу, все смотрят на путешественников.

Нет, лица парней нельзя назвать печальными. Энергично жестикулируя, Фархутдин с жаром доказывает что-то Тин-Тинычу. Тот отмахивается, как от назойливой мухи. Щуплому Сапарбаю брезентовая спецовка великовата, он поддел под нее телогрейку и совсем округлился. Забегает то с одной, то с другой стороны Тин-Тиныча, прямо шариком катается вокруг. Назип, видать, совсем изнемог от разговора, плетется сзади.

Так и поднялись они на мостик буровой.

— Ну, как дела? — нетерпеливо спросил Зубаиров у Фархутдина.

— Ха, чтоб я поехал да без девушки приехал? — выпятил тощую грудь Фархутдин. — Давно у вас на квартире. Райса ее взяла в оборот, ты же знаешь свою жену...

— Иди ты! — восхитился Зубаиров и с сомнением переспросил: — В самом деле привезли?

Все вопросительно посмотрели на Валентина. Тот был невеселый, злой и вместо ответа только рукой махнул.

— Что? Не вышло?

— Дурак я, согласился с этим сумасшедшим поехать...

— А что случилось?

Валентин повернулся к товарищам спиной и снова отмахнулся.

Сапарбай и Назип прыснули.

— Говорите толком, привезли или нет?

Фархутдин подложил под себя черно-серые, лоснящиеся, очень похожие на две камбалы, рукавицы, плотно уселся, сдвинул кепку на ухо и заговорил:

— Ей-богу, я не виноват! Ну ладно, соврал. Но это же была святая ложь!

— Говори, говори!

— Не говори лучше, без тебя тошно! — рывкнул Тин-Тиныч.

Фархутдин испуганно вскочил, отсел подальше и продолжал:

— Если Валя подумала, что Тин-Тиныч болеет, при чем тут Фархутдин? Ситуация была такая: правдой или неправдой, любыми способами мне нужно было узнать

мысли Вали... И сейчас я окончательно понял, что если б не пустил ей пыль в глаза, она бы не приехала. Мне нужен был какой-то план. Эти колуны во главе с Тин-Тинычем могли бы все дело испортить. Сами знаете, план и стратегия нужны повсюду — и на службе, и тут, и во всяком деле. Без плана мы бы...

— Да не тяни ты kota за хвост! — закричал Зубаиров.

— Сейчас, — выставил вперед ладонь Фархутдин. — Вот по дороге у меня в голове и выработался гениальный план. На основании этого плана я ссадил ребят около Ромашкинской больницы. Вы, говорю им, сейчас только помешаете мне. К Вале я поеду один, а вы пока отдыхайте в больничном коридоре. Там тепло, а вы вроде на прием к врачу пришли. Мы с Валею на обратном пути вас захватим. Да... Село, где стояли геологи, оказалось на приличном расстоянии от Ромашкина. Разыскал я дом, где живет геолог Валентинова Валя. Она, бедняга, как и мы, оказывается, тоже на частной квартире. Культурно постучался, вхожу. Девушка за столом сидит какая-то, книгу читает. Подняла на меня задумчивые глаза, смотрит. И я смотрю. Но мне, вы же знаете, достаточно секунды, чтоб все увидеть. А тут гляжу и гляжу... Ха, фотография! Фотография — это все равно что мед в резиновом мешочке жевать... Все у нее на месте, все в такой высшей норме, что ни прибавить, ни убавить. А глаза-то, глаза! Как у печального ягненка. Нет, не напрасно, ребята, Тин-Тиныч влюбился, сумел выбрать — не хуже меня спец, оказывается. «Здрасьте, говорю, это вы будете товарищ Валентинова?» — «Я», — отвечает она с удивлением и даже высокомерно. Гордо держится, правильно и, как я понял, совсем не собирается побежать, если ей скажут: «Идемте, мол, вас Тин-Тиныч ожидает». И тут я еще раз оценил свою голову, которую не все тут ценят...

Фархутдин выразительно посмотрел на Тин-Тиныча и Зубаирова.

— Знаешь! — сорвался Зубаиров.

— Сейчас, сейчас... И вот я пускаю в дело свой план-стратегию. «Ах, Валя, говорю, что вы сделали с моим руководителем вахты? Это же был лучший бурильщик Татарии!» — «Что с ним?» — недоверчиво спрашивает, а в душе-то, я вижу, реагирует согласно моего плана. «А черт его знает что, говорю, только я думаю, это вы погубили такого здорового парня! В бессознательном состоянии я

нашел его на дороге и привез в Ромашкинскую больницу». — «Неужели?» — совсем испугалась девушка и вроде бы заметалась, не зная, куда бежать. А я бью и бью в одну точку: «Только и сумел выговорить одно слово: «Валя». Состояние крайне тяжелое». «Так и сказал — Валя?» — спрашивает, а сама дрожит, торопливо одевается. «Да не надо, не беспокойтесь, меры приняты, я просто хотел вам сообщить, — говорю ей. — Я пошел». У меня же, вы сами понимаете, политика, план. Мне нужно было, не выходя из дома, узнать то, чего этот утюг на протяжении целых десяти километров не мог узнать. «Нет, нет! — не дает она мне и рта раскрыть. — Не уходите. Пожалуйста, к нему скорее!» И даже вроде бы рада такому случаю. «Ага, думаю я про себя, вы, женщины, умеете радоваться только тогда, когда мужчина в беде».

Поехали. Останавливаемся рядом с больницей. Думаю: «Заварить-то я кашу заварил, а выхлебать придется ее одному. Хотя бы предупредил Тин-Тиныча, чтоб он прикинулся больным!» И представляете мою радость в ту минуту: вижу растянувшегося на пустом диване в больничном коридоре Тин-Тиныча — после ночной вахты и дальней дороги он заснул! И тут уж я почувствовал, что план мой практически осуществлен. Да, Валя как только увидела Тин-Тиныча, раскинула руки и бросилась прямо ему на грудь. Бормочет: «Прости меня, Валентин! Дорогой, милый ты мой, я виновата перед тобой!»

Разведчики хохочут так, что вся буровая дрожит.

Валентин зло кричит:

— Чего ржете? Нашли, над чем смеяться!

— Пойдите, братцы, пусть доскажет! — пытается успокоить буровиков мастер, но ничего у него не выходит.

Сапарбай хочет заговорить:

— Остальное, юлдаши, расскажу я. Однажды Тин-Тиныч сел на диване...

— Да ты-то не лезь со своим корявым языком! — Фархутдин оттолкнул Сапарбая и продолжал: — Тем более что эту часть ты не видел. Нет, Тин-Тиныч не сел. Когда Валя кинулась ему на грудь со словами «милый, дорогой, прости!», он выпучил глаза и будто бы обмер в таком положении. Гляжу — мумия! Думаю — может, в самом деле заболел? Лежит недвижимо и лупит глаза. В это время мимо проходили то ли врачи, то ли сестры. Остановились. Тин-Тиныч раскрыл было рот, чтобы что-то сказать, а ему

туда какую-то пилюлю — раз! Он только глазами — хлоп, губами — шлеп!

— Ух, если бы вы видели в эту минуту Тин-Тиныча! — смеется Назип. — Морщится, будто муху жует...

— Тьфу, черт, все еще во рту горько, — подтверждает Валентин.

— Да, — возвращает себе аудиторию Фархутдин. — А Валя-то тут стоит. «Ничего, милый! Очень хорошо, очень! Глотай, глотай, сейчас все пройдет!»

Валентин кроет Фархутдина на чем свет стоит.

— Из-за тебя в таком дурацком положении оказался! Никогда больше не стану связываться с тобой, внебрачный сын шайтана!

— Нет чтобы поблагодарить!.. — обижается Фархутдин.

— Ну, а потом-то Валя поняла твою хитрость? — поинтересовались буровики.

— Куда там! Говорим ей: мы, мол, нарочно комедию ломаем, Тин-Тиныч здоров, как бугай. Не верит! Еще в больнице, как только Тин-Тиныч захотел подняться, она не дает, жмет его к дивану: «Не шевелись, милый, тебе это вредно!» Тин-Тиныч начал даже сердиться: «Да что вы меня держите!» Несмотря на протесты, Валя довела его до машины под руку и сама в кабину рядом с ним села.

— Но там она хоть разобралась, что к чему?

— Что вы! — вздохнул Валентин. — Не только не верит, даже разговаривать не дает, рот ладошкой мне закрывает. Вредно, дескать. — Тин-Тиныч вдруг поворачивается и орет на Фархутдина: — Чего ты гогочешь, вот звездану ключом по калгану! Что теперь думает Валя обо мне?! Конечно — Валентин больной, Валентин паралитик, Валентин припадочный! То есть получается, что я скрывал от нее свою болезнь. Нашел чем шутить!

— Но почему ты, Тин-Тиныч, бросив Валю, вышел на работу? — спрашивает мастер.

— Потому что моя вахта.

— Но я же дал тебе выходной на этот случай.

— Нет, я решил работать.

— Извини, это уж излишне. Надо же знать меру всему!

Кадермат положил руку на плечо Валентина:

— Иди, Тин-Тиныч, я отстою вахту за тебя.

— Нет, я должен работать! — Валентин встал за пульт управления. — Как вы не понимаете? Я не хочу, чтобы Валя жалела меня. Нужно доказать ей, что я не больной!

Видя, что Валентина не уговорить, Зубаиров сказал:

— Ладно, пусть останется. Вот что, ребята. Теперь Валя у нас, быстро переодевайтесь и напрямик к дому трясуна Сабирзяна! — Он повернулся к Камиллю. — Тьфу ты, черт, забыл, что здесь его сын!.. Ладно, Камиль свой парень, не осудит. Форма: хорошо поглаженные костюмы, белая сорочка, галстук, шляпа и плащ! Чтобы было видно, что это фартовые разведчики! Уразумели?

— Я того галстука в жизни не носил! — возразил Миргазиян.

— Тоже мне, верховой называется! Деньги какие получаешь! Попроси напрокат, не все ж такие, как ты! Если, например, галстуки Фархутдина сплести — трубу на них в забой опускать можно. А Камиль по пути заходит к Сергею: пусть тот гитару захватит. Габбас должен прийти со своим новым баяном. Стукни в окно Кубрака, сбегай к Мутгараю. Так, мол, и так, Тин-Тиныч привез свою Валу. К шести вечера, пусть даже каменный град, быть всем на квартире мастера!

— Им же на ночную вахту!

— Успеют.

Зубаиров посмотрел на Кадермата и задумался: «Что бы поручить этому старику?»

— Я не стану мешать молодежи, — сказал Кадермат, поняв взгляд мастера.

— Нет, быть всем! Мы тебя сделаем посаженным отцом!

— Верно! — загалдели буровики. — Он — серьезный человек, может прочесть любую мораль!

— А как насчет этого дела? Ведь уже магазин закрыт...

— Это не ваша забота, я угощаю, — ответил мастер. — Скорее всего ограничимся одним чаем...

«Разве с таким народом можно быть выше горы и тверже скалы?»

33

Как только машина остановилась у ворот Сабирзяна, Райса вышла навстречу Вале. Ребят она решительно разогнала:

— Человек с дороги, а вы топчетесь вокруг. Марш по домам!

Дома она помогла Вале раздеться, достала полотенце из шкафа, протерла и без того чистое зеркало, когда Валя после умывания начала причесываться. Потом быстро накрыла стол, поставила самовар. И все это время, помогая Вале освоиться, приговаривала:

— Правильно сделала, что приехала. И не стесняйся, будь смелее. Между прочим, теперь время такое, что не парни должны нас искать, а мы их. Вот ты спрашиваешь, кто же такой Тин-Тиныч, хороший ли парень? Да я их всех давно знаю, но что это значит? Ты спроси лучше: «Райса, кто такой твой муж Фазыл Зубаиров?» И что же? Я не смогу ответить. Вот уже шесть лет живу с ним и, ей-богу, не знаю! Хвосты у этих разведчиков больно коротки — быстро их не поймаешь...

Валя засмеялась мило и непосредственно, а Райса продолжала:

— Однажды, после нескольких лет нашей совместно-раздельной жизни, решила я с тоски написать ему письмо позлей. Действительно — почему три месяца не приезжает, забыл, что ли, совсем, с кем он там? И так далее думаешь, ну, ты знаешь, что мы, женщины, думаем в таких ситуациях. Написала, но адреса его конторы не знаю. Только помню, что где-то у речки Ик они должны работать. Указала речку, район, а дальше написала, как у Чехова: «На деревню дедушке Зубаирову». И опустила в почтовый ящик. И что ты думаешь — он получил мое письмо! Оказывается, в тех местах все знали мастера Зубаирова, как облупленного! Вот ведь они какие, эти разведчики.

Валя звонко и красиво смеется, а Райса, все приглядываясь к ней, правит разговор на серьезный лад:

— Валя, милая, если любишь Тин-Тиныча — долго не думай, выходи за него замуж! Он-то тебя любит без памяти. Об этом мы знаем не первый год, а после вашего слета, наверно, все нефтяники страны узнали. Это же надо — прыгнуть к трибуне! И знай: человек не ангел — без недостатков людей не бывает. А мы им нужны. Кто приведет в порядок этот табун мужчин, если не мы? У них работа очень тяжелая, а ведь мужчина — он, как ребенок, любит ласку, внимание, воспитание... Если ты любишь Тин-Тиныча, Валя, — он — твое счастье. А за счастье надо бо-

роться. Я своего Фазыла, например, уже ни за что из рук не выпущу! Нет, не выпущу!..

Райса говорила и говорила, а сама пекла чудесные ноздреватые блины. Валя хотела осторожно расспросить Райсу о здоровье буровиков, она врач, должна знать, но даже слова нельзя было вставить — Райса, видно, соскучилась тут без подруги, с которой можно было досыта наговориться.

— Ешь, ешь! Вот варенье... Мы, между прочим, с Фазылом долго не тянули. Представляешь, на третьем курсе поженились, никого не послушали! А ты в каком году институт закончила?.. погоди, погоди! Фазыл идет, пойду встречу... Нет, показалось...

Когда Зубаиров пришел, Райса и Валя, оживленно болтая, пили чай с блинами. Фазыл снял у порога свои большие кирзовые сапоги, подошел, поздоровался с Вале́й.

— Вот еще раз встретились. — Посмотрел на стол. — Вижу, сидите довольно тоскливо...

— Да нет, что вы, — сказала задумчиво Валя.

— Где ребята? Где Тин-Тиныч? — засыпала Райса мужа вопросами. — Когда он придет?

— Тин-Тиныч на своем посту, — сказала Зубаиров официально и ушел за печь переодеваться. — У него особая вахта.

И Райса, и Валя погрустнели.

— Даже на этот вечер нельзя было, что ли, его освободить? — взялась корить мужа Райса.

— Освободить Тин-Тиныча? — вроде удивился Зубаиров, стараясь перед Вале́й поднять цену парня. — Освободить Валентина Валентиновича, это, если хочешь знать, равносильно оставлению буровой без воды! Вот-вот должна ударить нефть, и кроме Валентина Валентиновича я в такой момент никому буровую не доверю!

— Так у тебя же есть правая рука — Кадермат!

— Что Кадермат? — отмахнулся Зубаиров. — Кадермат в возрасте, выдыхается, а мне нужен на эту смену молодой, полный сил руководитель вахты!

«И этот вслед за Фархутдином начал мастерски врать», — подумала Райса.

— Короче, сейчас придут ребята, — Фазыл огляделся по сторонам. — Где-то у нас должны быть поросята, да?

Зубаиров покопался в углу, выставил на стол несколь-

ко припасенных на этот случай бутылок шампанского, водки. Райса с Валею дружно взялись готовить закуску.

Вот на улице забренчала гитара, и вошли Саакян с Кубраком. Зубаиров встретил их у порога, за руки подвел к девушке.

— Познакомьтесь с этими ветеранами нашей разведки. Михаил Кубрак. С Украины. Скромняга, трудяга, певец. А этот парень из Армении. Сергей Саакян. Имеет трудовую медаль. Холост.

— Даже с медалью не женился? — рассмеялась Валя.

— Давно женился бы, но не найду девушку с таким звонким голосом!

Миргазиян, Габбас, Еланский пришли вместе. Двое, согласно указанию мастера, были в галстуках и шляпах, а Миргазиян, следуя своему железному принципу, пришел в пролетарской кепке и черной рубашке с белыми пуговицами. Ничего, сойдет. И для этих гостей Зубаиров не пожалел хвалебных слов. Раздул заслуги, приписал несуществующие подвиги. Ребята остались очень довольны этим, а Еланский тот даже выпятил свою могучую грудь и важно засопел.

Постучался Кадермат.

— Проходи, проходи, родной! Вот знакомься, это и будет наша Валя, которую мы разыскивали чуть ли не пятилетку...

Кадермат снял плащ, подошел к столу.

— Так это ты и есть заочная невестка нашей бригады? — Он долго тряс руки девушки. — Тебе, Валя, от имени бригады строгий выговор!

— За что?

— Как за что? Во-первых, за то, что годами убегала от Тин-Тиныча. Во-вторых, убежала, когда тебя уже нашли.

— А что мне будет за этот приезд? — звонко рассмеялась Валя.

— А вот за это спасибо! Благодарность от имени всей бригады.

— Минус и плюс взаимно уничтожаются. Значит, вина моя искуплена?

Зубаиров отобрал у Вали белый передник и сам взялся помогать Райсе. Прибежал наконец Камиль и сообщил, что Мутгарая нет дома.

— Друзья! — застучал вилок по тарелке Зубаиров. —

Вы слышали, что Мутгарай опять пропал? Очень жалко! Но, как вам известно, хозяином этой комнаты являюсь я. Раз так, то прошу за стол и слушаться меня во всем! Кадермат, начинай!

Кадермат взял в руки рюмку.

— Я думаю, пусть от нашего имени тост скажет Сергей.

Все, кроме Вали, знали мастерство Сергея произносить тосты. Откуда только он набирал столько слов? Где он научился умению преподносить их так плавно и с таким глубоким значением? Застольные речи Саакяна никогда не повторялись и их можно было слушать, как песню.

Сергей, подняв руку, вспомнил пенистые реки, гору Арарат, с нее он воспарил в облака, оттуда перебрался на луну, а затем на самое солнце. Потом, в связи с горой Арарат, вспомнил зачем-то Ноев ковчег, несколько нехотя упомянул Адама и Еву, и всем показалось, что связь его мыслей рвется, но как-то очень своевременно Сергей вернулся в прекрасную Араратскую долину, на землю.

Буровики всегда с удовольствием слушали ладные и длинные тосты Саакяна. Только один Миргазиян долго не выдерживал цветистых оборотов, с нетерпением начинал поглядывать на рюмку и в середине тоста вдруг перебивал:

— Давай выпьем за это!

Зубаиров и на этот раз опасался, что Миргазиян перебьет тост, испортит впечатление. А Сергей заливался соловьем. Он увидел в цветущей Араратской долине густые виноградники, висящие на них янтарные гроздья и предложил выпить за счастье Валентина и Вали это сладкое вино, дар горячего южного солнца, выпить за радость их встречи, за их верную дружбу и горячую любовь. Черт возьми, волей-неволей выпьешь!

— Друзья, давайте споем!..

Габбас принес от порога новый баян в футляре, бережно расчехлил его, тронул лады. То ли из желания угодить Вале, то ли демонстрируя свою музыкальную эрудицию, он заиграл старинную русскую народную песню. Несколько человек подтянули ему, но песня была грустной, не совсем к месту, и Габбас как-то уж чересчур старался, исполняя аккомпанемент.

— А вы сыграйте свои, татарские песни, - попросила Валя.

— Пожалуйста!

Татарские и башкирские мелодии Габбас играл легко и самозабвенно. И певцы обрадовались веселым переливам мелодий. Но вот Габбас заиграл «Не улетай, соловушка», и эту песню подхватили и украинец Кубрак, и армянин Саакян, потому что буровики-татары очень часто ее пели у летних костров.

Не улетай соловушка,
Ведь устанут крылышки!
Ты не бойся зимушки,
Мое ясно солнышко!..

Парни пели, глядя на Валю, Райса переводила гостье, и девушка вдруг почувствовала, что слова песни обращены к ней, и покраснела.

А «Сарманский вальс» будто специально был написан для Вали. И здесь приглашалась любимая и шла речь о верности в любви. Райса шептала на ухо Вале: «В этих краях есть прекрасная речка Сарман и цветущие луга. Вот девушка и спрашивает у парня, если она пожелает приехать туда, встретит ли он ее?»

Потом Миша Кубрак под гитару спел свою любимую «Бандуру». Валя, как зачарованная, слушала его приятный баритон чистого тембра и думала: «Это надо же собраться в одну бригаду таким способным парням!»

«Петь-то мы поем, но как там дела на буровой! — беспокоился Зубаиров и незаметно для других поглядывал на часы. — Нет, надо еще немного посидеть. Потом осторожно уйти с ночной вахтой на буровую... Валя свой человек, простит...»

Об этом он шепотом посоветовался с женой.

— Пожалуйста, дождись Тин-Тиныча, а то нехорошо, — попросила его Райса. — И чем-то ты очень обеспокоен, Фазыл? Повеселись хотя бы раз с людьми. Они у тебя хорошие... Выпей с ними...

Зубаиров не пил никогда и не курил. Сегодня чуть отпил из рюмки. А напитков на столе уже не было, с этим делом буровики управлялись быстро. Они развеселились, тем более что у Райсы оказался еще резерв. Все пели, плясали и шутили, кто как умел. Валя сидела счастливая, отвечая на улыбки и улыбаясь сама себе. Да, ребята открытые, дружные, простые. Не знают, как угодить гостье, даже и не умеющий — танцует, не поющий — поет, упрашивать себя не заставляют. Хорошо! Интересно, как выглядит в таком застолье Валентин?

Почувствовала она и твердую руку Зубаирова. Буровики по одному его взгляду понимают мастера. И здорово — те, что должны были идти на ночную вахту, даже не дотронулись до рюмок. «Если и на буровой они так хорошо друг друга понимают, то работа у них спорится», — подумала Валя и вдруг обнаружила, что ее жизнь станет пустой без Валентина и его друзей. Но не так-то просто решиться, и не верит она, не верит в любовь с первого взгляда! А может, она переросла и стала трусливо-рассудочной, как обыкновенная старая дева? Старая? Интересно, с какого возраста девушку начинают считать старой девой?

Испугавшись вдруг, что ее мысли подслушают, она вздрогнула, обвела глазами этих славных ребят. Вот они окружили ее и в один голос начали упрашивать остаться в Язгургае. Вознесли до небес буровую, расхвалили село. Потом взялись за Валентина: золотой парень Тин-Тиный, душа человек Тин-Тиный, Тин-Тиный лучший бурильщик, в мечтах Тин-Тиного только она, Валя, он столько лет мучился ожиданием и неизвестностью и не может без нее. «Если не верите, спросите у нашей уважаемой Райсы, у нашего пожилого бывшего бакинского стахановца Кадермата, у нашего главного товарища Зубаирова. За вас Тин-Тиный, не задумываясь, бросится в огонь и воду»...

Маленький татарин Миргазиян хмельно кричал, стараясь заглушить шум застолья!

— Я человек выше всех вас — я верховой! Верховный и верховой — это почти одно и то же! Я все знаю, мне сверху видно все: наш Тин-Тиный редко встречающийся в истории разведки экземпляр!

Перед уходом к Вале подсел Зубаиров.

— Не понравилась наша вечеринка? Только откровенно...

— Понравилась! Очень понравилась! Ребята молодцы! Не ожидала. Думала, они грубее...

— Значит, не уедете от нас?

— Уеду, друг Зубаиров. Спасибо, но меня ждет работа.

— А Валентин?

— Мы по-прежнему будем переписываться. Будем ездить друг к другу в гости.

— Романтика, — отвернулся Зубаиров и вдруг воскликнул: — А вот и они!

Казалось, появление нарядных Валентина, Фархутдина и Сапарбая с Назипом оживит застолье, но этого не

произошло. Виноват был сам Зубаиров. Парни не успели раздеться и сесть за стол, как он взялся расспрашивать у них о буровой, о поведении нефтеносного пласта. Тин-Тиныч отмалчивался, устало и ласково смотрел на Валю. Ответил за всех Назип, ответил с мрачной злостью.

— В этой Калиновой роще можно заложить не только наклонную, но и косую, кривую и крученую скважину, по нефти из нее не будет!

После этого уж ни штрафные стопки, ни шутки Фархутдина, ни новые стихи Тин-Тиныча, ни попытки Сапарбая сплясать не смогли улучшить настроения.

Желая хоть на часок оставить гостью с Валентином наедине, Райса предложила:

— Ночь прекрасная, подышим свежим воздухом!

Быстро оделись и гурьбой вышли на улицу. Засобирались и Валя с Валентином, хотя все их дружно уговаривали остаться в тепле. Ночь в самом деле была хорошей. На безоблачном небе сияла неполная луна, но светила она старательно, ярко, будто стремясь загладить свою ущербность, золотила соломенные крыши домов, углубляла тени.

Село спало, покой нарушался только редким лаем собак да петушиным разноголосьем. Словно боясь спугнуть эту тишину, все шагали неторопливо и молча.

Валентин заметил:

— Все же Язтургай наш красивый!

— Да, — задумчиво отозвалась Валя.

Райса прижалась к Зубаирову плечом. Тин-Тинч вдруг начал читать стихи о Язтургае и речке Сагындык, о буровой, о костре и палатке...

Фархутдин сзади зло зашипел:

— Опять все испортит, дурак!

Райса шепнула мужу:

— У них любовь еще не созрела...

— А у нас с тобой тогда созрела?

— Они взрослее...

Пошли до околицы села. Неподалеку стояли золотые скирды соломы, а за ними в темной глубине полей мерцали огни буровой. Если приостановиться, можно услышать гул дизелей и даже звон труб. Работают ребятки...

— Ну вот, посмотрели и на буровую, которая так вдохновляет Валентина, — сказала Валя, давая понять, что пора назад.

Мысли Зубаирова давно были там, где стояло его шум-

ное хозяйство, мерцая огнями. Нет, больше он ни на минуту не может остаться здесь, с гуляющими...

Зубаиров обнял за плечи парня и девушку:

— Простите, друзья, но мне прямо... Мало ли что может случиться?..

Остановился в темноте и крикнул:

— Поговорим завтра!

— Хоть бы переоделся, — сказала Райса, но Зубаиров уже не слышал.

Повернули в село, пошли узким проулком. Из-за угла навстречу вышли мужчина с женщиной. Чуть не столкнулись, остановились. Вдруг мужчина с ребенком на руках шарахнулся в сторону.

— Так это же Мутгарай! — крикнул Миргазиян, узнав его. — Что ты здесь делаешь?

Увидев на рассвете Райсу и товарищей-нефтяников, Мутгарай обомлел, не знал, как ответить.

— Да вот, от деда идем, — проговорил он растерянно. — А это моя жена Фарида...

— Гы!..

— То есть?

— Как это понимать?

Ребята не знали, что и подумать. Мутгарай женился! Стал, значит, семейным человеком. Выходит, сбылись пророчества, Мутгарай пошел в примак? А откуда же ребенок? Ага, значит, жена Мутгарая имела и приданое...

Из неловкого положения всех вывела Райса:

— Надо же поздравить их, ребята, что это вы застыли? — Она подала руку Фариде, потом Мутгараю. — Очень, очень хорошо!.. Мы рады. Вот, ребята, берите пример!

Что-то невнятно бормоча, буровики протянули руки новобрачным. Фархутдин съязвил:

— А обряд бракосочетания прошли? Как это: «Уммати, хуммати, не лезь днем, лезь в темноте-е-е»...

Разошлись со смехом, обсуждая новость. Валентин и Валя пошли с Райсой.

— Молодец, Мутгарай! — говорила Райса. — Я-то знала, что этим у них кончится, они очень подходят друг к другу, а если начнешь плюсовать-минусовать, ничего не выйдет. Ну, Мутгарай, Мутгарай!

Райса оставила на улице Валю с Валентином — они решили гулять до восхода солнца. Но так уж получилось,

что никто из них не проявил решительности. Валентин не мог твердо произнести: я люблю тебя и никуда не отпускаю, оставайся, и все. Девушка же, в душе кляла свою гордость, убеждала себя: ее ждет работа, дело. Не договорились. Да, видимо, любовь, как плод, должна созреть, раньше времени падает больной плод...

Перед самым восходом солнца Валентин разбудил шофера буровой. Тин-Тиныч не спал уже больше суток, у него совсем слипались глаза, однако он решил проводить Валю до далекой Тышлярской площади.

И когда они уже забрались в кабину и тронулись, то увидели, что навстречу бежит запыхавшийся Габбас. Он был весь черный, на лице и руках — жирные пятна нефти.

— Тин-Тиныч, стой! Нефть ударила, нефть! — дико и весело орал он.

А это кто? Стоя в тарантасе, гремящем железными осями, бешено гнал лошадь в сторону Калиновой рощи председатель колхоза Галлям. А вот откуда-то с верхнего конца села верхом на лошади прошлепал мимо сельская голова Хафизов.

— Эй, люди, слышите — нефть пошла! Нефть! — громко кричал он. — В нашем Язтургае нефть!

Приостановился, обернулся к машине.

— Ах вы, черти! Ах, молодцы! Добрались до нефти! — Потом поскакал дальше, горлая: — Люди — нефть! На митинг! Люди! Не-е-ефть!

Его голос услышала Фарида, которая этой ночью получила благословение стариков и только что из горячих объятий выпустила своего мужа Мутгарая. Она шла за водой, но услышала новость, бросила ведра, коромысло и, плача, побежала домой к Мутгараю, который, наверно, сладко спал...

Распахнув и не закрыв за собой дверь, выскочила наружу Райса. Народ бежит, ребятига кричит. Смеясь, Райса наблюдала, как бежит по улице старик-суннатчи, словно спортсмен, работая локтями. «И этот туда же!»

Камиль торопливо натягивал на крыльце спецовку.

— Правда, дядя Габбас?

— Правда, правда!

— Говоришь, нефть? — выпрыгнул Тин-Тиныч из кабины. — Фонтан, говоришь?

— Да, да, нефть пошла! Эх, если бы ты видел, что там творится! Мы хотим прижать ее мешками — она бьет! Мы

ее баритом давим, а она все бьет! Мастер в лучшем своем выходном костюме по шее в нефть ходит! Он приказал тебе сейчас же собрать всех и — на буровую!

«Наверх вы, товарищи, все по местам, — запел Валентин. — Последний парад наступа-а-ет!»

Валя смотрела на него смеющимися глазами.

В домах хлопали двери, скрипели ворота, улицы и переулки наполнились людьми. Поодиночке, попарно, по трое и целыми группами язтургайцы ринулись в сторону Калиновой рощи. Шли мужчины, женщины, дети, стар и млад. Бежали к буровой, к той железной вышке, что возвышалась у лесной опушки все лето и осень. Собственными глазами увидеть нефть, которая бьет фонтаном из их земли. Это ли не чудо!

Нефть! Нефть!! Нефть!!! Конечно, Валя не уедет, бросив такое торжество. Валентин немо смотрит на нее глазами, полными затаенной мольбы. Она понимает — он не может сейчас оставить буровую и поехать в Тышляр, провожать ее...

— На буровую! — азартно кричит она, захваченная общей радостью и волнением.

Валентин вспрыгивает на подножку, протягивает руки, через окно дверцы смятенно целует Валю, она его тоже, а машина уже мчит в Калиновую рощу. Напрямик, по полям, по жестким комьям земли.

34

Вроде все уже сделано. Оборудование отправлено, ведерки погружены. Собрались и люди, которые с утра разбежались кто куда. Пора трогаться.

Зубаиров еще несколько минут постоял на буровом мостике, оглядываясь по сторонам. Накрывая поля и леса пушистым одеялом, валит снег. Первый снег. Мягкие снежинки оседают на одежде собравшихся возле автобуса разведчиков и провожающих жителей Язтургая. На воротниках, шапках, на пуховых платках — снег.

Чуть ли не все село собралось. Хозяева квартир буровиков, механизаторы, учащиеся местной школы, какие-то незнакомые Зубаирову мужчины и женщины, деды и бабки. Вот в окружении учителей стоит директор школы Даминов. Выделяясь в толпе своим крупным телом, рассказывает, подходит то к одному, то к другому председатель

сельсовета Хафизов. А председателя колхоза Галляма нет почему-то. Неужели за что-нибудь обиделся, горячая душа?

Народ шумит, смеется, пальцами указывают в сторону буровой, где стоит Зубаиров. Может быть, говорят: «Вон тот и есть главный на буровой, мастер Зубаиров. Это он нашел нефть в Калиновой роще». Народ почему-то привык работу большого числа людей рассматривать как заслугу одного человека. «Мастер»! — услышал он. Видимо, его сравнивают с сапожником или часовых дел мастером.

Особенно оживленно в кругу молодежи. Не снимая халатов, прибежали с фермы доярки, и большинство парней вертится возле них. Среди девушек своей одеждой и манерами держаться выделяются трое. Это Гульниса, Карима и Разия, только вчера приехавшие с берегов Ика, чтобы снова поработать кочегарами.

«Хорошо, — думает Зубаиров, — на зиму есть готовые кадры истопников. Это результат работы парней, плоды их знакомств и переписки. Пусть едут! Хорошие, работающие девчата». Скоро машины отвезут их вместе с буровиками к селу Баллы, что в пятнадцати километрах от Язтургая. Разведчики нынче на зиму осядут там.

Зубаиров посмотрел на часы. Пора ехать, но Райсы с дочкой все еще нет. Когда утром она готовила мужа к отъезду, ее позвали на половину Сабирзяна. Старик почувствовал себя плохо. Надо было помочь, ведь Сабирзян не только хозяин квартиры, но и отец буровика Камиля, который едет с ними в Баллы.

Зубаиров подошел к толпе провожающих. Люди закидали его вопросами:

— Товарищ мастер, слушайте, а как после вашего отъезда будет с электричеством? Будет гореть или нет?

— Будет освещать все село! На наше место приедут нефтедобытчики. Они-то уж не любят переезжать...

— Тетя Райса останется у нас или увезете ее с собой?

— Вам пришлют другого врача.

— Надолго хватит этой нефти?

— На ваш век хватит.

— Говорят, у нас в Язтургае нефти больше, чем в Ромашкине, правда это?

Зубаирову приходится выполнять роль лектора. Он рассказывает, что этой скважиной в Язтургае открыто новое месторождение, оно залегает отдельно от Ромашкин-

ского, но пока запасы нефти точно не установлены и разведчики будут зиму заниматься выяснением этого вопроса.

Зубаиров подошел к Хафизову.

— Что-то задерживается твой фельдшер, — сказал он, глядя на часы. — Неужели Сабирзян-бабай всерьез заболел?

— Его болезнь нам давно известна. На месте Райсы я бы просто плюнул на его стоны!

— Зачем так, товарищ Хафизов? Ведь болезнь к человеку приходит не по желанию...

— А у него именно по желанию! Ты все о нем можешь узнать у моего друга председателя Галляма... Кстати, что-то и его нет...

Шумно, весело в толпе. Сельские девушки дразнят Фархутдина:

— Жаль, уезжает знаменитый артист.

— Да, очень жаль! Кто же, кроме него, на сцену босиком выйдет?

— Да чего со мной не бывало! — смеется и Фархутдин. — Вы, например, не пробовали зимой гулять по снегу босиком?

— А разве тебе приходилось?

— Я же ясно говорю вам — чего только со мной не бывало!

Собирается круг, тянут шеи, заранее смеются, а Фархутдин, убедившись, что слушателей достаточно, начинает:

— Однажды, нет, нет, не во время службы, не перебивайте, я уже тогда работал на буровой, однажды после вахты отправился я к девушке. Не девушка была, а райская птичка. Но такая капризная! Любила держать меня часами у ворот и караулить ее выход. Мою выдержку, стало быть, испытывала. А в зимние морозы, сами знаете, ох, трудны эти ожидания! Каждая минута год! Наученный горьким опытом, я в тот раз обмотал ноги толстой портянкой и надел подшитые валенки. Нет, думаю, пташечка моя, Фархутдин не из липы сделан! В таких валенках меня не только мороз, но и бронебойный снаряд не возьмет! Решил твердо: хоть пять часов, а буду ждать, хоть целую вахту отстою, но от ворот не отойду!

Не помню, уж сколько я простоял часовым у ворот. Наконец выпорхнула моя райская птичка. Хочу подбежать, чтобы обнять ее — не могу тронуться с места! Представьте, подошвы примерзли! Девушка подошла, взяла

меня под руку и приглашает в кино. Я стою, будто глубоко вкопанный и забетонированный столб. «Пойдем скорей, Фархутдин, — ласково говорит. — Опоздаем! Что же ты стоишь?» Ну, я постарался и незаметно для девушки все же оторвал эти проклятые валенки. Правда, подошвы остались на снегу. Ну, идем в клуб. Я босиком шпарю по снегу. «Что ты зубами стучишь? — спрашивает девушка. — Мерзнешь, что ли?» — «Нет, говорю, наоборот, — я потею!» А вы знаете, я зубов своих стесняюсь и от этого еще громче ими стучу. А мороз-то! Мертвит пятки и поднимается до самого сердца! Какое шло кино — не помню. Запомнилось только одно: люди вокруг спят, а я топаю ногами, хлопаю в ладоши, и смеюсь, чтобы не так слышно было стука зубов. «Неужели тебе так интересно? — удивляется спросонья моя девушка. — Не нахожу ничего смешного!» — «Ну и отсталая же ты, говорю. Это ж политическая картина! Чтобы ее понять, знания нужны! Эрудиция!»

— Да уж не совсем ты, наверно, босой-то был! — недоверчиво смеются девушки.

— Выдумщик же ты, Фархутдин.

— Да вечно он сказки рассказывает!

— Сказки? — возмущается Фархутдин. — Я?! Если не верите, спросите у нее.

— У кого?

— У той девушки.

— Где же мы найдем ту неизвестную девушку?

— Да вот она! — Фархутдин повернулся к Гульнисе. — Скажи, Гульниса, правда ведь, что ты спала тот раз в кино?

— Если бы я, Фархутдин, знала, что ты сидишь босой, то взяла б твои ножки прямо в свои теплые ладошки!..

Фархутдин окинул всех победоносным взором, язгургайские девушки разом умолкли. Даже буровики крикнули. До этого Фархутдин никогда не указывал в своих историях точных имен и адресов. Это было что-то новое! Может, Фархутдин начисто рвет отношения с другими девушками и открыто заявляет, что у него наконец-то есть своя единственная «райская птичка»? Наверно, буровики стали свидетелями окончательного сближения старых друзей — Гульнисы и Фархутдина. И вот почему, оказывается, парень отправлял длинные послания к берегам Ика, а письма оттуда, против обыкновения, не рвал. Вот почему по

первому зову приехала Гульниса и других подбила! Верно, беззаботная молодость Фархутдина была на исходе...

Тут кто-то крикнул:

— Райса идет!

— Дохтур идет! Супруга мастера идет! — пробежало по толпе провожающих.

Зубаиров скомандовал по машинам. Толпа загудела. Начались прощания, рукопожатия, объятия.

И вот все уже на месте. Около девушек остались только Сергей, Габбас и Назип, никак не могут оторваться. И кто знает, может, те искры, что заронили они в души язтургайских красавиц, потом вспыхнут ярким пламенем?..

А проводить Тин-Тиныча приехала с Тышлярской площади Валя. С самого утра они, тесно прижавшись, гуляют в сторонке. Валя рассказывает Тин-Тинычу, как она сюда вырвалась. Говорит Валя — голос тихий, нежный, засмешся — будто серебряный колокольчик звенит.

— Хоть ревнуй, хоть нет, друг мой Тин-Тиныч, а пришлось ради тебя поцеловать начальника, — рассказывает она. — Ну, о котором ты уже знаешь. Тьфу, все еще стоит во рту вкус селедки! Тьфу!

— Ты смотри у меня! — грозит пальцем Тин-Тиныч.

— Принесла я ему заявление с просьбой отпустить на один день. И слушать не хочет! Три раза приходила. Хмурится, а сам, чувствую, рад, что я вдруг к нему с важной просьбой! «Скажи, к кому ты едешь в Язтургай, кто там у тебя есть?» — пристаёт. А я отвечаю так, чтоб он не понял, в шутку я или всерьез: «У меня там жених, любимый». Он даже побледнел. «Ничего не знаю, никакого жениха не признаю, давай сюда свидетельство о браке!» Если нужно, смеюсь я, могу привезти их пять штук. И тут — подумай, на какое унижение из-за тебя я пошла! — отпусти, говорю, пожалуйста, милый! И поцеловала! Тьфу, все еще во рту неприятный вкус!..

— Ох и женщины! Змеи!

— Подумаешь, один холодный поцелуй... Это пустяк. Только будет мстительнее теперь этот тип, это уж точно. Посыпятся мне градом выговоры...

— Переезжай к нам, Валя! Ты ведь знаешь, теперь Язтургайская площадь на всех языках! Сенсация! Ведь мы сами, не думая, не гадая, открыли новое нефтяное месторождение! Приезжай к нам, работы хватит. Может, это месторождение побогаче Ромашкинского!

— Посмотрю на твое поведение! — смеется Валя.

С дочкой Лялей на руках Зубаиров гонит буровиков в машину.

— В автобус, в автобус, друзья, пора! Сергей, слышишь, трогаемся! Ты куда пошел, Назип? Габбас, хватит тебе! Девушки, отпустите его, не держите!

Зубаиров на минуту останавливается возле Райсы. Ему хочется сказать что-то хорошее, но говорит она:

— Опять разъезжаемся...

— Не надолго же.

— Мне и эти дни — долго.

— Ты вот что — с расчетом не задерживайся. Тебя ждут на новом месте...

— Сабирзян в очень плохом состоянии... Не сегодня-завтра...

— Значит, Камиль не поедет на новую буровую?

— Да, ему нужно побыть около отца... А у тебя на уме только буровая...

Зубаиров поцеловал румяную от мороза щечку дочери.

— Не болеей, дочка, не плачь...

Зубаиров хотел обнять жену, но тут увидел, что ребята толпой валят из автобуса. С криком кинулся туда.

— Что случилось? Почему опять разбредлись?

— Мутгарая нет, мастер!

— Опять пропал? Ну, этого Мутгарая!..

— Наверно, он не придет, мастер, — сказал Кадермат со вздохом. — Он ведь давно не с нами...

— Конечно, не придет! — загалдели вокруг буровики. — Разве он оставит молодую жену? Разве он теперь бросит любимый комбайн, который вчера взялся ремонтировать?

— Да, друзья! Наверно, для нас Мутгарай — отрезанный ломоть, — сказал Зубаиров и задумался. — Но неужели он даже попрощаться не придет?

— У меня, мастер, такое предложение, — в круг вошел Фархутдин в неизменной своей кепочке набекрень. — Принимая человека в разведку, нужно проверять. Первое: внимательно смотреть паспорт. Главное условие, чтобы человек был холостяком. И, если холост, пусть публично поклянется никогда не смотреть на девушек. Разведчик не должен жениться, создавать семью, плодить детей, иметь свой дом, ходить в театр и так далее. Настоящий развед-

чик обязан отказаться от всего земного, все человеческое должно быть ему чуждо!

Однако Зубаиров не был настроен шутить.

— Нужно сходить за ним на квартиру!

— На какую квартиру? Скажи — домой!

— Ну, домой. Все же мы столько вместе...

Когда уже машина разворачивалась в сторону Язтур-
гая, кто-то крикнул:

— Мутгарай! Ну, чудеса!

Верно, чудеса. В снежной пыли мчался серый жеребец, запряженный в расписную кошевку. Рядом с сияющей Фаридой восседал Мутгарай, а кучерил сам председатель колхоза Галлям.

— Ох, и умеет этот Мутгарай устраиваться! — восхи-
тились разведчики. Напополам разрезав толпу, сани оста-
новились у автобуса. Даже конец оглобли стукнулся о борт
машины, а конь, закинув назад голову и трепеща розовы-
ми ноздрями, победно заржал.

Все трое одновременно спрыгнули с саней.

Чуть подвыпивший Галлям подошел к Зубаирову.

— Ты прости его, мастер. Задержались. Я виноват.
Как-никак — он зять нашего села. И хоть ругай, хоть бей
принародно — уговорил я Мутгарая остаться... Не знаю,
как там на нефти, но комбайнер он высшей марки. Нам
очень нужен такой человек... И у него тут семья... Отдай
его нам! Что скажешь, мастер?

Все смотрели на Мутгарая, который, пощупывая зачем-
то свои карманы, робко приближался к Зубаирову. Вот
виновато улыбнулся, достал растрепанную бумажку.

— Прости меня, мастер... Вот заявление... Давно на-
писал. В нем все сказано.

— Ну что ж, если так, — Зубаиров сунул бумажку в
карман. — Честно сказать, я этого ожидал.

Мастер посмотрел на Фариду, стоящую за Мутгараем,
и буровики тоже вытянули шеи, наблюдая, с какой моль-
бой и надеждой смотрит она на Зубаирова.

— Ну, ваша взяла! — засмеялся Зубаиров и протянул
руку Фариде, потом Мутгараю, Галлям, наконец. — Же-
лаю всем вам счастья! Прощайте.

Буровики оживились, обступили Мутгарая и Фариду.

— Ты уж не подводи бригаду, Мутгарай! За всех нас
тут поработай!

Тин-Тинич, прижимая ладони к груди, горячо доказы-

вает что-то Вале, потом целует ее и бежит к автобусу, но вот возвращается и начинает махать руками — кажется, читает стихи на прощанье.

Зубанров с Райсой передают маленькую Лялю из рук в руки.

— Скажи, дочка: «До свидания, папа!» Скажи: «Не
боле́й, папа, хо́лосо лабо́тай»...

— Матери скажи, дочка, чтобы не задерживалась в Язтургае. Там, скажи, папа по нас скучает...

Но вот и Зубаиров забрался в автобус, приказал шоферу трогаться.

...Прощай, Язтургай, со своими приземистыми низкими домами, сбегаящими к реке по склону горы, со своими узкими улицами и тесными переулками, березами в Калиновой роще, берегами Сагындыка, полями и лугами, балками и оврагами!

Прощай, простое татарское село с твоим добродушным Хафизовым, который так радуется всему новому, зачем-то перекладывая эту радость в сухие газетные слова, с твоим сумасбродным Галлямом, который ни о чем знать и слушать, кроме своего колхоза, не желает, прощай вместе со всеми твоими стеснительными, но острыми на язычок девчатами...

Никогда не уйдут из нашей памяти дни, когда вы, язтургайцы, делились с нами своим жильем и своим хлебом в тревожные и беспокойные дни ожидания главного, никогда не забудется день, когда ударил из недр черный фонтан — цель, смысл, вершина труда нашего...

Тин-Тиныч (качает головой, удивляется самому себе). Опять ты едешь, Валентин Валентинович? Где твоя клятва — дальше Язтургая никуда не ехать? Ты вообще-то зачем в этих краях? Искать Валю! Ну, нашел. А куда же ты еще дальше собрался? Почему не поехал следом за Вале́й? Да, Тин-Ти́ныч, жизнь, оказывается, не так проста, как ты полагал! И Валя оказалась не такой, как ты думал, чтобы сразу за тобой побежать. Все еще смотрит на мое поведение, все еще испытывает. Давай, милая, испытывай, я выдержу! Только будь моей!.. А нефтяником я, пожалуй, так и останусь. В техникум заочный надо или на курсы повышения. Валя говорит, что с десятилеткой сразу примут...

Сапарбай (мысленно обращаясь к сидящей рядом с ним Кариме). Ты все меня дразнишь тем калымом, Ка-

рима. Разве я виноват? Если у нас был такой обряд, собирал и я... И Райхана была хорошей, красивой девушкой... И смелой, не то что я. Нет, вы, нугаи, ничего об этом не знаете!.. А я, я уже сам понял все... Хочешь, Карима, я все свои деньги тебе отдам? Нет, не как калым, а просто так! Куда я теперь буду их девать? Они честные, и ты держи их у себя. Не смейся, Карима, не смейся!..

Фархутдин (*сидит на самом заднем сиденье, обняв Гульнису*). Что ты сделала со мной, Гульниса, какими чарами приворожила? Может, когда я уезжал с Ика, ты незаметно посыпала меня толченой любовь-травой? От вас, женщин, всего можно ожидать!

Кадермат (*отворачивается к окну и тайком от людей читает письмо*). «Товарищ Имамутдинов! Отдел кадров объединения повторно обращается к Вам. Вы горный техник, знатный мастер бурения со специальным образованием. Отдел кадров предлагает Вам вернуться на свою работу и в качестве мастера принять руководство бригадой. Начальник отдела кадров Куприянов.

Р. С. Друг, Кадермат, не будь ребенком, забудь прошлое! Знаешь, часто виноваты и лошадь, и оглобли. Жду твоего приезда в объединение...»

Забыть прошлое? Нет, не могу... А у них, видимо, людей не хватает, большая нефть подходит, по всему видно. Нет, уж, товарищ Куприянов, мне и здесь неплохо! Спасибо, что попал сюда укреплять распатанные нервы... И Зубаирову спасибо, поверил тогда, взял... Слава богу, кажется, выздоравливаю...

Саакян (*грустно смотрит в окно*). Так и не вернусь я в пустыню... (*Удивляется самому себе*.) Ты смотри, родная Армения, смотрите, дорогие Азербайджан и Туркменистан, опять куда-то едет ваш сын, который прибыл сюда, чтобы пробурить только одну-две скважины! Хороша все же эта Татария! Люди как люди, а мастер Зубаиров оказался не хуже вас, дорогой Ибрагим-заде. Только другой он, совсем другой... Бригаду сохранил, а! Один Мутгарай отстал от нас. Что ж — человек поступил по-человечески...

Миргазиян (*сидящему рядом Саакяну*). Что, брат Сергей, задумался? Араратскую долину вспомнил?

Саакян (*поддевая Миргазияна*). Нет, все о тебе думаю. Ничего твой рабочий класс не мог поделаться с крестьянским сыном Мутгараем.

Миргазиян (*загорается*). А я что говорил? Только ты рабочий класс не тронь! Рабочий класс — он, знаешь, какой? Он — удивительно великий!..

Зубаиров (*расстегивает пуговицы шубы*). Уф, наконец-то целыми уехали и отсюда! (*Грустно.*) Приедешь на место, продырявишь семь слоев земли и уезжаешь, чтобы начать все снова... Да, но наша нефть превращается потом в свет и тепло, энергию и движение, в деньги и вещи! Да, трудно в разведке, однако от наших трудов и прибавка к могуществу государства, к правоте и достоинству народа-разведчика! (*Оглядывается назад, рассматривает буровиков.*) А ведь скважина вообще-то не только в землю идет, мы сами слой за слоем раскрываемся. Вместе со шламом — не без этого, понятно! — и настоящее, однако, объявляется в нас. Да!..

Лениногорск
1968—1972

**Шамиль Мутыгуллович
Бикчурин**

ТВЕРДАЯ ПОРОДА
Роман

Редактор *Е. Корнеева*

Художник *В. Катанов*

Художественный редактор *Б. Мокин*

Технический редактор *В. Никифорова*

Корректоры *О. Голева, Т. Храпова*

Скан: Посейдон-М

Обработка: Prizrachyy_Putnik

Сдано в набор 18/IV-1974 г. Подписано к печати 26/VIII-74 г. А00839. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,11. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2239. Цена 59 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

Отпечатано с матриц Саратовского полиграфкомбината на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.
Издательство «Современник»*

*В ближайшее время
в серии «Новинки «Современника»
выйдет роман Халимат Байрамуковой
«Утренняя звезда»*

Широкому советскому читателю Халимат Байрамукова известна своими поэтическими сборниками: «Весенний полдень», «Исповедь», «Стихи», «Дым очага». Ее роман «Утренняя звезда» — одно из первых крупных произведений карачаевской прозы, переведенное на русский язык.

Глубокое знание родного края, его людей, истории позволило писательнице создать правдивое произведение о борьбе народов Северного Кавказа за Советскую власть.